

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
кабинет № 126

Телефон: 8 (3022) 35-24-79

Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE

“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Transbaikal Territory,
Russia, 672007

Phone: 8 (3022) 35-24-79

Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 16, № 2
2021

Vol. 16, No. 2
2021

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Философские науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающие редакторы

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Co-ционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Тематика журнала связана с ключевыми *смыслами, ценностями и артефактами культуры*.

Проблематика смысла обнаруживается в вопросах экзистенциального плана, места и роли человека в современном мире, культуре и обществе, трансформации идентичности и эволюции социокультурных средств самосознания человека, кризиса культуры и её ценностных оснований. В рамках актуального культурно-семантического подхода любое явление культуры и общества рассматривается в качестве культурного текста, обладающего соответствующей ценностью и кодирующего культурные смыслы с помощью различных знаковых систем.

В данном номере журнала идейная канва редакционной политики становится основанием для осмысления социокультурных проблем в рамках философии. Представлены исследования по экзистенциальной философии, философии общества и аксиологии культуры.

Материалы выпуска будут интересны широкой научной обществу, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2021

Редактор Е. В. Валюкова, редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 26.04.2021. Дата выхода в свет 27.04.2021

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial"

Способ печати оперативный. Заказ № 21027

Усл. печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Philosophical Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editor

Liga, Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The dominant subject matter of the journal is connected with *key meanings, values and artifacts of culture*.

The problem of meaning is found in existential issues, questions of place and role of the person in the modern world, culture and society, transformation of identity and evolution of sociocultural means of person's consciousness, crisis of culture and its value foundations. Within the framework of a relevant cultural and semantic approach, any phenomenon of culture and society is considered as a cultural text possessing an appropriate value and coding cultural meanings through different semiotic systems.

The ideological outline of editorial policy in the issue is a ground for understanding sociocultural problems within the framework of philosophy. The issue presents studies in existential philosophy, philosophy of society and axiology of culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduates, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2021

Editor E. V. Valyukova, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 26.04.2021. Date of publication 27.04.2021
Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial"
Operative printing. Order No. 21027

Conv. quires 18,1. Ed.-print quires 16,3. Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies)
Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, профессор, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизская Республика);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств, Университет Луисвилля (Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Куликова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Пименова Марина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, Университет Чжун-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Стровский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент, Аризольский университет (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia);
- Afnas'eva, Elmira M.**, Doctor of Philology, Chief Researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yurii M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of History, Anthropology, California State University (California, USA); Alla A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Kulikova, Elena Yu.**, Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Pimenova, Marina V.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>Прохоров Е. А.</i> Концепт «сообщество» в современной социальной онтологии: Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбен	8
<i>Остроглазова Н. А.</i> Социокультурная самоидентификация: отчуждаемая, приобретаемая и отстаиваемая идентичность	16
<i>Нестеров А. Ю.</i> Проблема субъекта в искусственной природе	22
<i>Лига М. Б., Щеткина И. А.</i> Человек в эпоху цифровизации общества	29
<i>Азимли Азиз Ш. О.</i> Технократия как мировоззрение	39
<i>Лига Е. М.</i> Социально ориентированные некоммерческие организации в государстве всеобщего благосостояния	46
<i>Лиханова В. В., Титова М. П.</i> Выставочная деятельность туристического предприятия в условиях формирования информационного общества	56

АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Агапов О. Д.</i> Радость бытия как антропологическая практика	66
<i>Бернюкевич Т. В.</i> Наука и религия в XXI веке: буддийский вектор	74
<i>Соколов В. М., Стомба А. В.</i> Императивность биоэтического подхода к морально-политическим проблемам коронакризиса COVID-19	80
<i>Излученко Т. В.</i> Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ	88
<i>Шульц Д. В.</i> Современный танец в цифровом пространстве: кинотанец в условиях пандемии COVID-19	97

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

<i>Жуков А. В., Кононов С. В.</i> Формирование понятия «региональная безопасность» в истории мировой философской мысли	103
<i>Думнова Э. М.</i> Социокультурная адаптация мигрантов и новые виды идентичности	111
<i>Захарова Е. Ю., Цзоу Хун, Бернюкевич А. А.</i> Современная экологическая политика России и Китая в контексте общей теории взаимодействия природы и общества	117
<i>Ищенко Н. С., Заславская Е. А.</i> Образ Другого как структурная характеристика культурной границы (на примере Украины и Донбасса)	124
<i>Касимов Р. Х.</i> Кавказский ксеноглоссарий в современном русском языке и образ «кавказского мира»	137
<i>Гомбоева М. И.</i> Концептуальные основы проектирования содержания регионального компонента образовательной области «Искусство» (на примере курса «Забайкаловедение»)	144

CONTENTS

CULTURE AND SOCIETY

Prokhorov E. A. The Concept of “Community” in the Social Ontology of J.-L.Nancy and J. Agamben	8
Ostroglazova N. A. Socio-Cultural Self-Identification: Lost, Created and Asserted Identity	16
Nesterov A. Yu. The Problem of the Subject in Artificial Nature	22
Liga M. B., Shchetkina I. A. A Man in the Era of Digitalization of Society	29
Azimli Aziz Sh. O. Technocracy as the Ideology	39
Liga E. M. Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Welfare State	46
Likhanova V. V., Titova M. P. Exhibition Activity of Tourist Enterprise in the Context of Information Society	56

AXIOLOGY OF CULTURE

Agapov O. D. The Joy of Being as Anthropological Practice	66
Bernyukevich T. V. Science and Religion in the 21st Century: Buddhist Vector	74
Sokolov V. M., Stovba A. V. The Imperative of the Bioethical Approach to the Moral and Political Problems of the Coronacrisis COVID-19	80
Izluchenko T. V. The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis	88
Schultz D. V. Modern Dance in the Digital Space: A Screen Dance in the Context of the COVID-19 Pandemic	97

MENTAL SPACE OF THE REGION

Zhukov A. V., Kononov S. V. Formation of the Concept of “Regional Security” in the History of World Philosophical Thought	103
Dumnova E. M. Socio-Cultural Adaptation of Migrants and New Types of Identity	111
Zakharova E. Yu., Zou Hong, Bernyukevich A. A. Contemporary Environmental Policy of Russia and China in the Context of the General Theory of Interaction Between Nature and Society	117
Ishchenko N. S., Zaslavskaya E. A. The Image of the Other as a Structural Characteristic of the Cultural Border on the Example of Ukraine and Donbass	124
Kasimov R. Kh. Caucasian Xenoglossary in Modern Russian and Image of “Caucasian World”	137
Gomboeva M. I. Conceptual Foundations for Designing the Content of the Regional Component of the Educational Area “Art” (The Case of “Transbaikal Studies”)	144

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

УДК 111.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-8-15

Евгений Александрович Прохоров,
Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Россия),
e-mail: irgtuprihod@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9815-083X>

Концепт «сообщество» в современной социальной онтологии: Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбен

В статье рассматриваются новые онтологические подходы к понятию «сообщество», появившиеся после «онтологического поворота». Если онтология (метафизика) в поисках основания сущего (общества) выносит сущее за пределы сущего, то новая онтология (онтогетерология), исходя из новых методологических предпосылок, утверждает различие бытия, его множественность, благодаря чему сущее утверждается в своём бытии. На основании новых теоретических предпосылок Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбен создают новые концепты «сообщество», которые и рассмотрены в данной статье. Для Ж.-Л. Нанси «сообщество» – это, прежде всего, разделённая совместность бытия, где каждое единичное бытие явлено во множественности. Единичное сингулярно и выставлено в показе Другому. В совместном бытии индивиды разделяют смысл конечного существования, но конечность (смерть) не является завершённой, она есть безмерная ответственность за существование, конституирующая сообщество. Дж. Агамбен в построении онтологии «сообщество» оперирует понятиями *диспозитив*, *homo sacer*, *голая жизнь*, *чрезвычайное положение* и *мессианское время*. Современное общество, по его мнению, пребывает в состоянии чрезвычайного положения, где действие нормы и права приостановлено. В этой приостановленности человек превращается в *homo sacer*, а его жизнь – в *vita sacra* (голую жизнь), город становится лагерем. В основании грядущего сообщества Дж. Агамбен полагает бездеятельность, укоренённую в мессианском времени, которая, преодолевая насилие и тотальность, открывает пути к новой форме-жизни. Таким образом, новые концепты «сообщество», преодолевая традиционные представления об обществе, устраняют любые формы теоретической (да и практической) тотальности, поскольку несут в себе множественную избыточность социального бытия.

Ключевые слова: сообщество, бытие-вместе, сингулярность, диспозитив, homo sacer, чрезвычайное положение, мессианское время

Evgeny A. Prokhorov,
Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia),
e-mail: irgtuprihod@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9815-083X>

The Concept of “Community” in the Social Ontology of J.-L.Nancy and J. Agamben

The article discusses new ontological approaches to the concept of “community” that appeared after the “ontological turn”. If ontotheology (metaphysics) in search of the foundation of the existing (society) takes the existing beyond the limits of the existing, then the new ontology (ontoheterology) based on new methodological premises asserts the difference of being, its multiplicity due to which the being is affirmed in its being. On the basis of new theoretical prerequisites, Nancy and Agamben create new concepts of “community” which are discussed in this article. For Nancy, “community” is, first of all, a shared coexistence of being, where each individual being is manifested in multiplicity. The unitary is singular and displayed in the display to the Other. In co-existence, individuals share the meaning of finite existence, but finiteness (death) is not completeness, it is an immeasurable responsibility for existence constituting a community. In constructing the ontology of the “commu-

© Прохоров Е. А., 2021

nity”, J. Agamben uses the concepts of *dispositive*, *homo sacer*, *naked life*, *state of emergency*, and *messianic time*. According to Agamben, modern society is in a state of emergency, where the rule and law are suspended. In this suspension, a person turns into a *homo sacer*, and his life turns into a *vita sacra* (naked life), the city becomes a camp. At the foundation of the coming community, Agamben believes that non-activity is rooted in the *Messianic time*, which overcoming violence and totality opens the way to a new form-life. Thus, the new concepts of the “community”, overcoming the traditional notions of society, eliminate any form of theoretical (and practical) totality, since they carry the multiple redundancy of social being.

Keywords: community, being-together, singularity, *dispositive*, *homo sacer*, *state of emergency*

Введение. В данной статье предпринята попытка описать современные теоретические подходы в современной социальной философии понятия «сообщество», появившиеся после так называемого «онтологического поворота». «Онтологический поворот» с особой силой высветил проблематику существования и бытия человеческого общества. Подвергнув критике традиционный взгляд на общество, где общество мыслилось как нечто самодостаточное и независимое от бытия человеческих индивидов, философы после «поворота», представили общество как результат взаимодействия этих индивидов. Теперь общество мыслилось не как некая данность, абстракция, включающая в себя людей, отводя им определённое место в обществе, а как развивающаяся, находящаяся в процессе постоянного становления реальность. «Онтологический поворот» выводит на первый план человека и его бытие, настаивая на том, что сам человек и есть бытие. Отныне к человеку открывается непосредственный доступ, минуя трансцендентальное сущее. Такой «поворот» как проект по преодолению метафизики не остался незамеченным в философском сообществе. В условиях растущей десакрализации общества философы разных направлений не смогли пройти мимо такого опыта.

Методология и методы исследования. Во второй половине XX – начале XXI в. стало ясно, что этот «поворот» по своей сути оказался социально-философским, «поскольку важно было ответить на вопросы: *кто* воспроизводит и выстраивает формы бытия, в каких *субъектных взаимодействиях* и ситуациях они воспроизводятся, изменяются, проектируются и конструируются» [1, с. 61]. В «фокусе» социально-философского дискурса оказалось общество, конституированное взаимообусловленным бытием субъектов в их взаимодействии.

Выходя за пределы классической онтологии, современная онтология предлагает новые теоретические подходы к осмыслению понятия «сообщество» в социальной теории. «Новая социальность» требует дру-

гой онтологии (следовательно, и методологии – Е. П.) бытия, для которой принципиально важной оказывается идея различия, множественности, имманентности смысла, горизонтальности отношений»¹. Яркими представителями новой онтологии «сообщество» являются Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбен. Обратимся к этим авторам с целью выявления онтологического содержания понятия «сообщество».

Результаты исследования и их обсуждение. Главным тезисом для Жана-Люка Нанси в его книге «Непроизводимое сообщество» становится мысль о невозможности создать сообщество искусственно: все тоталитарные режимы создавали не сообщество, а произведения смерти с несметным количеством жертв. Более того, он приходит к логическому пределу, когда говорит о сообществе, которое нельзя помыслить, о сообществе, которое не может производить само себя как собственное произведение (если под производением понимать чисто технический термин «производство как работа», то такая работа как раз и приводит к смерти сообщества).

Ж.-Л. Нанси, прежде всего, говорит о сообществе как о *бытии-вместе* или как о *со-бытии*. Он продолжает развивать хайдеггеровский экзистенциал *Mit-Sein* (с-бытие) как коррелят *Dasein* и на этом строит свою онтологию сообщества. Исходным пунктом онтологии «социальное бытие» является вопрос о самом бытии. Ж.-Л. Нанси упрекает классическую онтологию в забвении простого факта, что бытие всегда *сов-местно*, и эта совместность является подлинным опытом сообщества.

Бытие, по мысли философа, не есть некая вещь, находящаяся в общей собственности, которой все обладают в равной степени. В отношении бытия может быть выдвинуто фундаментальное требование: оно не является единичным. Единичность бытия множественна в самом своём бытии. Бытие всегда уникально, как и существование, поэтому надо вести речь о сообществе бытия,

¹ Керимов Т. Х. Современная социальная философия. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2018. – С. 25.

а не о бытии сообщества, «или ещё лучше: о сообществе существования, а не о сущности сообщества...» [2, с. 91], поскольку бытие не существует без существующего.

Речь идёт о таком существовании, у которого нет основания (сущего), которому ничто не предшествует, ничто не предположено. Это чистое полагание – пребывание в существовании, как таковом. «Чистое» – означает «существование – только в том, что нечто *есть*, есть там и тогда, где и когда та же вещь *могла и не быть*» [3, с. 154]. Оно не обусловлено ни страной, ни языком, ни родителями, ничем вообще. Такое существование абсолютно, т. е. необходимо, но оно становится таковым именно в момент своего появления, а также это существование отделено (*ab-solutum*) или единично в своей необходимости. Существование появляется в мире как «вещь-в-себе», как акт бытия, как чистое полагание феномена [3]. Важно заметить, что нет существования «вообще», оно там, где есть некоторое живое существо. Бытие всегда разделяется с другим. Совместное существование как бытие-вместе по своей сути сингулярно и выставлено в показе, в экспозиции (*to be exposed*). На этих двух понятиях Ж.-Л. Нанси строит свою онтологию сообщества.

Что значит «быть выставленным в показе»? Это означает, что каждый человек выставлен миру и существует всегда на границе между внутренним и внешним, где между внутренним и внешним уже нет различия. Где сама граница – уже и не граница, а то, что находится *между* нами, нами разделяется, но это *между* не является тем, что тотально разъединяет или объединяет. Другими словами, само бытие вводится в игру *между* нами как диспозиция этого между [4, с. 53]. «Пространство между нами – пространство *не-пребывания-тем-же-самым* и пребывания во взаимном показе: эта экспозиция, или “сообщество” как таковое, или “совместность” (если бы “пребывание-вместе” могло быть названо сущностью), есть некоторый предел в том смысле, что граница всегда совмещает две разные вещи или два различных участка. Она совмещает их, но также и разделяется “между” ними. Она одна и две одновременно, она “внутри” и “вовне”, она закрыта и открыта» [Там же, с.162]. Если кто-то касается собственной стороны предела, он непременно касается и стороны или предела другого. Таким образом, здесь можно наблюдать парадоксально присутствующую и одновременно отсутствующую трансгрессию. Предел не является

данностью как таковой, не навязан извне, он скорее *поднесён* и доступен *схватыванию* в со-бытии. «Вот почему сообщество не имеет формы ни органической тотальности, ни атомизированных индивидов. Но оно имеет форму или топографию размещения, которое является особым размещением “совместного”. Сообщать кому-то что-то или что-то с ним разделять возможно, как событие только в той мере, в какой “мы” отделены друг от друга, в какой “мы” не создаём общую субстанцию, но, напротив, открыты друг другу в показе» [Там же, с. 163].

Быть *показанным*, означает не иметь собственной сущности, пребывать единично. Такое пребывание сингулярно, оно «каждый раз заново образует точку экспозиции, прочерчивает пересечение пределов, в направлении которых осуществляется каждый раз акт открытия» [2, с. 98]. Экспозиция, в отличие от позиции, предполагает множественность единичного, находящегося в присутствии целого, в со-присутствии, в движении одного к другому. Акт открытия или открытость можно рассматривать как приостановленность, когда между людьми ещё нет никаких отношений, а есть только потенциальная возможность появления отношений либо отказ от них: всё здесь решает случай. В этой случайности и проявляется бытие, быть значит случаться. Сингулярности обращены друг к другу в связанной несвязности отношений без отношений. Сингулярность единичного подразумевает различие с другими единичностями. Единичное сингулярно в силу своей экстериторности, открытости внешнему, в отличие от индивида, который как имманентная целостность (закрытость) не нуждается в другом. Единичность каждого неотделима от множественности, от бытия-со-многими. Но множественность не является здесь дополнительным качеством существования единичности. Единичный – это множественный, каждый раз разделяющий бытие «вместе». «*Вместе*» есть нечто иное как способ и условие совместного существования. Следовательно, логика сингулярного существования выражается через *со-вместность* бытия, через существование *со-обща*.

Для Ж.-Л. Нанси главное содержание понятия со-общества сводится, по сути, к приставке -со-. Она здесь понимается не как «одни с другими» и не означает просто «находиться рядом»: -со- указывает на присутствие Другого. «Другой – это место *сообщества (communaute)* как единения (*communion*), т. е. место *бытия-себя-в-дру-*

гом, который уже более не был бы чуждым, чья инаковость была бы идентификацией. Мистерия единения провозглашается в этом мире под видом *ближнего (procbain)*» [4, с. 126]. Другой как сущий – это начало моего собственного существования, потому что в нём я получаю открытый доступ к истоку и возможность прикоснуться к нему. Мы получаем доступ к истоку, к миру постольку, поскольку находимся в присутствии друг друга. Исток – это не вопрос, откуда появился мир, это приход, *со-явление*, и каждый раз – единственное присутствие мира. *Со-вместное со-существование*, бесконечная близость ближнего, познание себя самого через присутствие другого во мне и меня в другом становится преодолением тотальной интимности как одиночества. Близкий становится самым «ближайшим», но не мной, поскольку он в своей выставленности бесконечно удалён в самом себе. Другой как *со-бытие* имеет множественность истоков и не тождественен сам себе. Множественность истоков означает, что исток не есть начало (даже для себя самого), он скорее есть принцип и возникновение, он каждый раз повторяется и творится «в точке того, что он порождает». Все *вместе* разделяют одну и ту же изначальность и одновременность. Таким образом, в каждой точке мира находится исток, сам мир каждый раз становится со-бытием. И «со» здесь – «это мера истока-мира как такового или истока-смысла как такового. Со-бытие означает взаимно – и только так – создавать смысл. Смысл – это полная мера несоизмеримого «со». «Со» – это полная мера несоизмеримого смысла (бытия)» [Там же, с. 131].

Согласно Ж.-Л. Нанси, смысл бытия разделяется в совместном бытии. Нет смысла, где нет этого разделения, сам смысл в самом *разделении присутствия*. Смысл бытия дан в самом бытии, и бытие дано как смысл, и данность эта выражается в одновременности. «Смысл принадлежит бытию-вместе, которое заключается не в трансценденции бытия, имманентного этому вместе, а наоборот, в имманентности трансцендентности: разделение чувственного, сингуляризация смысла как возможность или потенциал»¹. Смысл не приходит извне, из трансцендентного, он не добавляется к уже существующему, он также не есть резуль-

тат, и не цель, к которой нужно стремиться. Смысл – это в чём мы как бытие-вместе уже находимся, в нём пребываем. Смысл разделяется сингулярностями и связывает их в бытии единично множественном. Обозначить или классифицировать смысл как определённую истину не представляется возможным: смысл предшествует любому значению, преодолевая его. Смысл прочерчивает, «прокладывает путь» значению и делает его коммуницируемым. Циркуляция смысла идёт во всех направлениях одновременно, но она не является ни линейной, ни прогрессивной: она случается от случая к случаю, она принципиально сингулярна и множественна. Она (циркуляция) охватывает «всех бытующих, всех существующих, прошлых и будущих, живых и мёртвых, неодушевлённых, камней, растений, гвоздей, богов – и «людей», т. е. всех тех, кто представляет разделение и циркуляцию, говоря «мы», называя себя «мы» во всех возможных смыслах этого слова и для всей целокупности существующего» [Там же, с. 17]. Именно поэтому смысл бытия разделяется всем сущим без исключения одновременно.

Классический взгляд на сообщество постулирует отделённость индивидов в своей индивидуальности друг от друга, обладающих одним общим бытием. При таком взгляде на сообщество, с точки зрения неклассической онтологии, ускользает фундаментальный факт конечности существования мира. Ж.-Л. Нанси, используя терминологию М. Хайдеггера, определяет «конечность» как бесконечную единичность смысла, как исток бесконечного начала. Бытие *вместе* выставлено к смерти, но смерть не является предназначением и завершённостью. «Завершение конечного существования – это бесконечность (*infinitum*), которая отовсюду выступает за пределы смерти, которая её содержит» [Там же, с. 209]. Бесконечный смысл конечного существования – это выставленность напоказ тому, чего существующий не достигает даже в крайней точке. В этом смысле конечность являет сама собой ту безмерность или «чрезмерную меру», которая позволяет говорить о бытии как об ответственности. Следовательно, разделённая ответственность за смысл и существование – это то, что, по мысли Ж.-Л. Нанси, конституирует сообщество бытия-вместе.

Далее рассмотрим онтологию «сообщество» Дж. Агамбена, в построении которой он оперирует понятиями *диспозитив, hoto sacer, голая жизнь, чрезвычайное положение, мессианское время*. Философа можно

¹ Бурбулис Ю. Джорджио Агамбен и проблема преодоления негативности // Современная социальная философия: учеб. пособие / Ю. В. Бурбулис [и др.]; под общ. ред. Т. Х. Керимова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. федер. ун-та, 2015. – С. 26–45.

назвать настоящим археологом политического: в своих исследованиях он обнаруживает глубинную связь современной политики с христианской теологией и настаивает на прямом (но скрытом) влиянии последней на первую. Также он является продолжателем идей в осмыслении политического таких мыслителей, как Аристотель, В. Беньямин, К. Шмитт, Ж. Батай, М. Фуко и других, нередко вступая с ними в полемику и придавая их размышлениям новое видение.

Одним из основных терминов онтологии политического для Дж. Агамбена стал диспозитив, который он заимствует у М. Фуко. Тот определяет диспозитив как «гетерогенный ансамбль», включающий в себя отношения между многообразными лингвистическими и нелингвистическими элементами (дискурсы, институты, здания, законы, полицейские меры, философские утверждения), образующие определённого рода сеть. Диспозитив вписан во властные отношения и имеет конкретные стратегические функции, и «как таковой он произведён пересечением отношений власти и отношений знания» [5, с. 15]. Конкретной стратегической функцией является достижение непосредственного результата в чрезвычайной ситуации, с помощью определённых практик и механизмов. Углубляясь в данную проблематику и исследуя происхождение термина диспозитив, Дж. Агамбен обращается к «теологической генеалогии экономики» [Там же, с. 21]. Греческий термин «экономика» (*oikos*), означающий домоуправление как практическое действие в чрезвычайной ситуации (Аристотель), был введён в богословие древней церкви с целью избежать обвинений в языческом многобожии при утверждении догмата о троичности ипостасей в Боге. Экономика (администрирование, управление миром) становится диспозитивом, с помощью которого в Боге разделяется и одновременно артикулируется Его природа и сущность, бытие и практика. Диспозитив (экономика) в данном случае указывает на чистую активность, т. е. управление, которое не имеет никаких оснований в бытии. Следовательно, можно предположить, что диспозитивы содержат в себе процессы дезобъективации и производят свой субъект.

Руководствуясь в своих исследованиях герменевтическим принципом «философского элемента» (Л. А. Фейербах), Дж. Агамбен помещает «диспозитив» в новый контекст. Всё существующее он предлагает поделить на два класса: «с одной стороны, перед нами предстанут живые существа

(субстанции), а с другой, диспозитивы, в которые они непрестанно помещены» [Там же, с. 25]. Диспозитивом, по мнению философа, является любая вещь, которая способна управлять, контролировать поведение, моделировать, направлять мнение живых людей. Третьим элементом, помещённым между живыми существами и диспозитивом, становится субъект. Субъектом Дж. Агамбен называет «происходящее из отношения, своего рода ближний бой между живущими и диспозитивами» [Там же, с. 26].

Своим происхождением диспозитивы обязаны процессу «гуманизации», когда животное становится «человеком разумным» благодаря событию разделения между бытием и действием. В мире постоянно происходит увеличение диспозитивов, в связи с этим усложняются и процессы субъективации, что приводит в конечном счёте к созданию иллюзорного, лицемерного, пустого субъекта, постоянно воспроизводящего себя. Отношения между живыми существами и диспозитивами предельно сложны с точки зрения влияния друг на друга. Создаётся ложное впечатление, что человек полностью свободен в своих отношениях с диспозитивами: он ими пользуется и ими управляет. Но в реальности (Дж. Агамбен показывает это на примере технологических диспозитивов) субъект только и делает (даже при нажатии клавиш), что повинуется командам, вписанным в структуру диспозитива. «Свободный гражданин демократическо-технологических обществ – это существо, которое непрестанно повинует, самым жестоким образом он даёт повеление» [6, с. 51].

Современные политические модели управления довели разделительные процессы, присущие религии, до крайности, так что диспозитивы, включающие в себя механизмы, способствующие процессам субъективации, превратились в элементарные практики насилия. Таким образом процесс субъективации превращается в процесс десубъективации. В самой десубъективации нет ничего негативного, без нее не может произойти воссоздание субъекта. Но трагедия современного общества в том и заключается, что «общества предстают перед нами как инертные тела, пронизанные гигантскими процессами десубъективации, которым более не соответствует никакая реальная субъективация» [5, с. 34]. Восполнить отсутствие реальных субъектов, а следовательно и спасти мир, считает Дж. Агамбен, можно с помощью профанации диспозитивов, возвращая живому человеку связь

с самим собой. Осуществить данную задачу в условиях политического пространства современного мира оказывается крайне сложно. Рассматривая её, Дж. Агамбен вновь обращается к древнему римскому праву, в котором человек был включён с существующий строй через суверенное исключение. Дело в том, что западная цивилизация, по мнению исследователя, превращает человека в *homo sacer* (человек священный), т. е. в того, кого «можно убить, но нельзя принести в жертву» [7, с. 16]. *Homo sacer* – это человек, который был осуждён за преступление, при этом принести его в жертву считалось нечестивым, но тот, кто убьёт его, не становился преступником и не предстал перед судом. Человек в этой ситуации оказывался вне божественного и человеческого правосудия, насилие, которое совершалось над ним, изымало человеческое действие из сферы сакрального и профанного. Жизнь *homo sacer* Дж. Агамбен называет *vita sacra*, или голой жизнью, и характеризует её полной незащищённостью перед смертью. В роли распорядителя жизни и смерти выступает суверен как представитель суверенной власти. В этом случае подлинным содержанием политики становится *vita sacra*. Суверен так же, как и *homo sacer*, не принадлежит ни к божественному, ни к человеческому праву, но очерчивает при этом политическое пространство как таковое в его изначальном виде, где отсутствуют нормы права и законы естества. «Не просто естественная жизнь, но жизнь, обреченная на смерть (голая жизнь, или *vita sacra*), является началом политического» [Там же, с. 16]. Следует заметить, что Дж. Агамбен для исследования политического, использует два понятия жизни в греческом языке: *zoe* как природная биологическая жизнь, или сам факт существования; *bios* как политическая, или общественная жизнь. Природная жизнь в Античности принадлежала сфере *oikos* (дома) и не распространялась на *polis* (государство). Включение природной жизни в жизнь политическую – когда сама жизнь уже ставится под вопрос – свидетельствует о начале биополитики и о её ядре – суверенной власти. «Таким образом, помещая биологическую жизнь в центр своих расчетов, современное Государство всего лишь проливает свет на тайные узы, соединяющие голую жизнь и власть, постоянно утверждая свою связь (ибо эта прочная связь между современностью и архаикой обнаруживается в самых разнообразных сферах) с самым древним из *arcana imperii*» [Там же, с. 13].

Голая жизнь становится зоной неразличимости между *bios* и *zoe*, гранью, где одно и другое взаимно исключают и включают друг друга. Эту зону, находящуюся вне социального контекста, Дж. Агамбен называет чрезвычайным положением, объявлять которое вправе только суверен.

Положение суверена парадоксальным образом носит двойственный характер. Он одновременно находится внутри закона (правовой системы) и вне его, и шире – суверенная власть принимает форму «положения вне закона не существует». Это значит, что основной структурой суверенной власти становится исключение, когда право, включающее в себя жизнь, приостанавливает собственное действие. Исключается или отвергается тот, кто не просто поставлен вне закона, «но покинут законом, т. е. именно оставлен незащищенным на пороге, открыт той опасности, где смешиваются жизнь и право, внешнее и внутреннее» [Там же, с. 41]. Следовательно, по мнению Дж. Агамбена, в основании отношений между законом и жизнью лежит не применение, а отвержение, отвержение самой жизни, и в этом проявляется изначальная сила закона.

В современном мире чрезвычайное положение стремительно вторгается в правовую систему, делая исключение нормой права, где насилие и право становятся едва различимыми. Результатом такого вторжения, по мнению исследователя, становится превращение мира в большой политический концлагерь, со своим тоталитарным принципом управления, в центре которого лежит контроль не только над частной жизнью человека, но где всякое решение вопроса о жизни превращается в решение о смерти.

Основанием современного тоталитаризма является отождествление жизни и политики, «когда жизнь и политика, изначально разделенные, оказываются вновь соотнесены друг с другом на ничьей земле чрезвычайного положения, где обитает лишь голая жизнь, в какой-то момент уже вся жизнь оказывается священной, а вся политика – чрезвычайной» [Там же, с. 188]. Как преодолеть этот онтологический негативизм, каким должен быть проект нового «сообщества» в ситуации тотальной юридикации и экономизации человеческих отношений, путаницы между тем, «чему мы можем верить, на что надеяться и что любить, и тем, что мы обязаны делать или не делать, говорить или не говорить»? [7, с. 73]. Иными словами, как изменить или приостановить пространство политического,

как деактивировать диспозитив, связавший в условиях чрезвычайного положения жизнь и право?

Исследуя святоотеческую теологическую традицию, Дж. Агамбен приходит к мысли, что «отсрочка мессианского события и приостановка парусии является смысловым истоком экономической динамики, беспрецедентного подъема практик производства и потребления» [8, с. 515] и устройства современной политической жизни. Комментируя послания апостола Павла, Дж. Агамбен обращается к понятию «время» и приходит к выводу, что мессианское время или время Мессии не относится к порядку хронологического времени, в котором пребывает современная экономика и политика. Время линейной хронологии отчуждает человека от себя самого, делая его беспомощным созерцателем того, чем он является. Время же Мессии – это время, располагающееся внутри хронологического времени, видоизменяющее его изнутри. «Это оперативное время (*kairos*), в котором мы впервые овладеваем временем, время, которое – мы сами. Время Мессии – это единственное реальное время, единственное время, которое может нам принадлежать. Опыт этого времени подразумевает целостное преобразование нас самих и нашего способа быть» [9, с. 72]. Именно такое «оставшееся время», «время, осмысляющее само себя, разрывающее линейную хронологию и подготавливающее к тому, что должно или уже совершиться»¹, позволяет изменить пространство политического и приостановить политические процессы.

В основание грядущего сообщества Дж. Агамбен полагает бездеятельность как созерцание собственной способности действовать. Речь идёт о такой деятельности, которая способна привести к *без-деятельности*, покою и дезактивации всех человеческих деяний, постоянно воспроизводящих друг друга. Бездеятельность предстаёт в этой концепции как политическая парадигма, позволяющая «созерцать открытое и в конечном счете обнаруживать те возможности полноты формы-жизни, которые долгое время находились в забвении, будучи нивелированными посредством диспозитивов, расщепленными на отдельные способы жизни»². На примере поэзии (своего рода *без-деятельности*), которая дезактивирует

¹ Бурбулис Ю. Джорджио Агамбен и проблема преодоления негативности // Современная социальная философия: учеб. пособие / Ю. В. Бурбулис [и др.]; под общ. ред. Т. Х. Керимова. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. федер. ун-та, 2015. – С. 26-45.

² Там же.

коммуникативные и информативные функции языка, превращая его в чистую речь, Дж. Агамбен показывает, как возможно преодолеть раскол между животным и человеческим, биологическим и политическим и войти в обретенный мир, чуждый всякого насилия. Философ предлагает мыслить искусство не как эстетическую деятельность человека, а как политическую, т. к. искусство способно приостанавливать деятельность, переводя привычные смыслы в область созерцания, открывая для человека возможность нового бытия, новой формы-жизни. Под формой-жизни Дж. Агамбен понимает точку, «в которой работа над произведением и работа над собой полностью сливаются. Художник, поэт, мыслитель – и в целом любой, кто практикует “искусство” и деятельность, – не являются суверенными субъектами, обладающими правами на творческую деятельность и на произведение; скорее, они являются анонимными живыми существами, которые, созерцая и каждый раз приводя в бездействие произведения речи, видения и тел, стремятся получить опыт самих себя и сохранить свою связь со способностью, т. е. превратить свою жизнь в форму-жизни» [10, с. 164, 165].

Заключение. Рассмотрев онтологическое содержание понятия «сообщество» в современной философии, было определено, что в результате «онтологического поворота» происходит переосмысление традиционного взгляда на общество. Преодолевая метафизический проект, в социальной теории появляются новые онтологии социального устройства, вследствие чего основными онтологическими характеристиками сообщества становятся совместность бытия, или бытие-вместе, не имеющее никакого основания, а пребывающее в чистом существовании (совместное существование сингулярно и выставлено в показе так, что единичное бытие всегда неотделимо от множественности); чрезвычайное положение, создающее зону неразличимости, в которой нормы и право закона перестают существовать, в результате чего человек превращается в *homo sacer*.

Преодолеть онтологический негативизм современного общества способно мессианское сообщество, осуществляющее своё бытие в оперативном времени, изменяя пространство политического и приостанавливая политические процессы. Это сообщество дезактивирует действие диспозитивов, открывая новые возможные формы-жизни.

Список литературы

1. Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 61–77.
2. Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 91–102.
3. Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem '93. М.: Ad Marginem, 1994. С. 154–164.
4. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.
5. Агамбен Дж. Что такое *диспозитив*? // Что современно? Киев: Дух і Літера, 2012. 78 с.
6. Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Грюндриссе, 2013. 72 с.
7. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. 256 с.
8. Погребняк А. Джорджио Агамбен о тайне экономики // Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. С. 512–542.
9. Агамбен Дж. Церковь и время // Что современно? Киев: Дух і Літера, 2012. 78 с.
10. Агамбен Дж. Костёр и рассказ. М.: Grundrisse, 2015. 192 с.
11. Agamben Giorgio. The Coming Community / Translated by Michael Hardt. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. 105 p.
12. Agamben Giorgio. La comunità che viene. Torino: Giulio Einaudi, 1990. 77 p.
13. Agamben Giorgio. Profanazioni. Rome: Nottetempo, 2005. 108 p.
14. Nancy J.-L. La communauté désœuvrée. Paris: Christian Bourgois, 1983 (rééd. 1986). 197 p.
15. Nancy J.-L. Finite History // The Birth to Presence. Stanford: Stanford University Press, 1993. P. 157.

Статья поступила в редакцию 30.06.2020; принята к публикации 16.08.2020

Сведения об авторе

Прохоров Евгений Александрович, старший преподаватель, Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: irgtuprihod@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9815-083X>.

Библиографическое описание статьи

Прохоров Е. А. Концепт «сообщества» в современной социальной онтологии: Ж.-Л. Нанси и Дж. Агамбен // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-15.

References

1. Kemerov, V. E. The changing role of social philosophy and anti-reductionist strategies. Questions of Philosophy, no. 2, pp. 61–77, 2006. (In Rus.)
2. Nancy, J.-L. About the event. Martin Heidegger's philosophy and modernity. M: Nauka, 1991. (In Rus.)
3. Nancy, J.-L. Today. Ad Marginem '93. M: Ad Marginem, 1994. (In Rus.)
4. Nancy, J.-L. Multiple being single. Minsk: Logvinov, 2004. (In Rus.)
5. Agamben, J. What is dispositive? What is modern? Kiev: SPIRIT I LITER, 2012. (In Rus.)
6. Agamben, J. What is command? M: LLC "Publishing House Grundriss", 2013. (In Rus.)
7. Agamben, J. Homo Sacer. Sovereign power and naked life. (In Rus.)
8. Pogrebnyak, A. Giorgio Agamben on the secret of the economy. Aghaben J. Kingdom and Glory. Toward a theological genealogy of economics and management. M.; St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2018. (In Rus.)
9. Agamben, J. Church and time. What is modern? Kiev: SPIRIT I LITER, 2012. (In Rus.)
10. Agamben, J. Bonfire and story. M.: Grundrisse, 2015. (In Rus.)
11. Agamben, Giorgio. The Coming Community / Translated by Michael Hardt. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. (In Engl.)
12. Agamben, Giorgio. La comunità che viene. Torino: Giulio Einaudi, 1990. (In Engl.)
13. Agamben, Giorgio. Profanazioni. Rome: Nottetempo, 2005. (In Engl.)
14. Nancy, J.-L. La communauté désœuvrée. Paris: Christian Bourgois, 1983 (rééd. 1986). (In Engl.)
15. Nancy, J.-L. Finite History. The Birth to Presence. Stanford: Stanford University Press, 1993. (In Engl.)

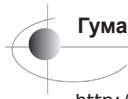
Received: June 30, 2020; accepted for publication August 16, 2020

Information about author

Prokhorov Evgeny A., Senior Lecturer, Irkutsk State University; 1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: irgtuprihod@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9815-083X>.

Reference to the article

Prokhorov E. A. The Concept of "Community" in the Social Ontology of J.-L. Nancy and J. Agamben // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 8–15. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-8-15.

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-16-21

Наталья Александровна Остроглазова,*Московский государственный институт международных отношений МИД России**(г. Москва, Россия),**e-mail: ostroglazova.n@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0002-4321-2594>***Социокультурная самоидентификация: отчуждаемая, приобретаемая и отстаиваемая идентичность**

Взаимное влияние внешнего и внутреннего факторов, определяющих процессуальность социокультурной идентичности, в настоящее время становится всё более тесным и сложным для прогнозирования. Фиксация наблюдаемых процессов в медиатексте, представляющая собой предмет данного исследования, даёт дополнительные возможности для изучения и философского осмысления происходящих изменений. В частности комплексный анализ публикаций авторитетного британского журнала "The Economist" последних лет позволил определить основные контексты, в которых конституирует себя языковая проекция идентичности, а также установить наиболее заметные направления её изменений. Анализ динамики этих изменений, в свою очередь, открыл возможность выделить основные направления поиска и условия принятия новых идентичностей, дополняющих или заменяющих существующие. В результате проведённого исследования доказано: с позиции авторов "The Economist", во-первых, политика всегда прямо или опосредованно влияет на все измерения личной и коллективной идентичности; во-вторых, любое политическое действие сегодня воспринимается ими в контексте политики идентичности. Если для субъекта идентичность определяет смысл и обеспечивает безопасность, то с точки зрения внешних акторов это – возможность заработать политические очки за счёт «поддержки» или «давления». Согласно позиции "The Economist", изменение идентичности нередко происходит произвольно, а не вынужденно и представляет собой продвижение (сродни рекламному) групповой идентичности. Ряд выводов исследования касается того, каким образом естественный язык способен передать тонкости идентитарной динамики, и как это связано с развитием концепта идентичности в культуре. Результаты проведённого исследования применимы для развёрнутого анализа дискурса идентичности специалистами разных научных направлений, а также для развития коммуникативной компетенции в целом.

Ключевые слова: философия культуры, социокультурная идентичность, трансформация идентичности, медиарепрезентация, концептуализация, политика идентичности

Natalia A. Ostroglazova,*Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of Russia**(Moscow, Russia),**e-mail: ostroglazova.n@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0002-4321-2594>***Socio-Cultural Self-Identification: Lost, Created and Asserted Identity**

Mutual influence of external and internal factors that determine the process of sociocultural identification is now becoming increasingly interrelated and unpredictable. The documentation of the observed trends in the media text, which is the subject of this study, allows for the research study and philosophical understanding of the ongoing changes. In particular, a comprehensive analysis of the publications in the authoritative British magazine *The Economist* in recent years made it possible to identify the main contexts in which the linguistic projection of the concept of identity constitutes itself, as well as to establish the most noticeable directions of its changes. The analysis of the dynamics of these changes, in turn, opened up the opportunity to highlight the main directions of the search and conditions for the adoption of new identities, that complement or replace existing ones. As a result of the research, it has been proved: from the standpoint of the authors of *The Economist*, first, politics always directly or indirectly affects all dimensions of personal and collective identity; secondly, any political action today is perceived by them in the context of identity politics. If for the subject identity determines meaning and provides security, then for the external actors it is an opportunity to gain political weight through "support" and "pressure". According to the stance of *The Economist*, identity change often occurs arbitrarily rather than involuntarily and represents the promotion (akin to advertising) of group identity. Several conclusions of the study concern how natural language is able to convey the subtleties of identity dynamics, and how this is related to the development of the concept of identity culture. The results of the study are applicable for a detailed analysis of the discourse of identity by specialists from different scientific fields, as well as for the development of communicative competence in general.

© Остроглазова Н. А., 2021

Keywords: philosophy of culture, sociocultural identity, identity transformations, media representation, conceptualization, identity politics

Введение. Актуальность темы исследования определяется наблюдаемым повсеместно процессом трансформации (а порой и размывания) в современных обществах. Действительно, идентичность, как и рефлексия о ней, нестабильна, подвержена воздействию, зачастую разнонаправленному, внутренних и внешних факторов. Динамика самоидентификации – комплексное многоуровневое явление, и использование междисциплинарного подхода, в особенности изучение современного медиатекста, который транслирует текущие восприятия и представляет их базовую аналитическую оценку, даёт инструменты для вычленения основных тенденций изменения социокультурной идентичности. Данное исследование представляет собой попытку систематизации и объяснения изменений в самоидентификации, которые получили освещение в авторитетном британском издании “The Economist” в последние годы.

Методология и методы исследования. Цель данного исследования – выявить особенности концептуализации и репрезентации в медиа социокультурной идентичности и на этом основании проследить трансформацию нашедших отражение в публицистических текстах (следовательно актуализированных) процессов самоидентификации в современном мире – определила его междисциплинарный характер.

Эмпирической базой стали 147 выпусков международного медиаиздания “The Economist” за 2018–2020 гг. Был проведён контент-анализ всех разделов издания и собран для дальнейшего герменевтического рассмотрения языковой материал, содержащий в себе ключевые слова, репрезентирующие идентичность как концепт. Из выделенного таким образом массива публикаций, в которых непосредственно присутствовали слова с выраженным общим семическим ядром *identity*, были отобраны тексты, где слово «идентичность» и его производные имели социокультурное измерение.

Философско-культурологический подход к анализу собранного материала позволил выявить основные контексты и практики представления текущих идентитарных трансформаций, предложить варианты их философско-культурной интерпретации и вписать полученные выводы в обширный и

разнообразный корпус исследований идентичности.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе проведённого анализа источников было выявлено, что артикуляция концепта идентичности в её социокультурном аспекте происходит в повторяющихся ситуациях, в особенности, когда речь идёт об изменениях, происходящих изнутри или вызванных внешними факторами. Под изменениями мы понимаем четыре основных типа трансформаций: 1) появление новой идентичности или запрос на неё; 2) продолжение существования идентичности в неизменном виде, несмотря на преобразование среды, а также усиление существующей идентичности; 3) естественное или целенаправленное видоизменение идентичности; 4) потеря идентичности, отказ от неё или намеренное стирание.

По замечанию У. Бека, глобализация запускает обширные онтологические трансформации, в результате которых в индивидуальном опыте происходит столкновение рациональностей и сосуществуют конкурирующие образы жизни [1]. Ускорение социальных процессов и сопутствующая им динамика социокультурной идентичности высветили прочную связь между некоторыми её видами: поляризация американского общества подчеркнула сращивание консервативной политики и церкви; по мере распада классовой идентичности стирается граница между правыми и левыми партиями в Европе; сдвиги в гендерной идентичности, даже латентные в повседневной жизни, меняют цифровую идентичность пользователей и интернет-сервисов (англоязычная версия Facebook предлагает на выбор 60 вариантов обозначения гендера); некоторые тенденции трансформации идентичности имеют поколенческую зависимость.

Объектом внешнего воздействия является групповая, как правило, национальная идентичность. В большинстве случаев субъектом влияния выступают политические акторы, а само воздействие укладывается в понятие политики идентичности (*identity politics*) [2]. Прогнозы результатов выборов, например в США, наиболее реалистичны, если за основу взята идентичность во множестве своих аспектов. Отсюда авторами “The Economist” делается вывод о том, что

«любая политика – это политика идентичности»¹. Ненаправленное влияние оказывает историческая память и географическое положение. Страны, города и районы – это почва, на которой развиваются идентичности местных жителей. Для онтологической безопасности и становления локальной идентичности имеет значение также территориальная близость разных групп, находящихся в отношениях от добрососедства и взаимного обогащения до ожесточённой конфронтации [3].

Главными сложностями определения и осуществления политики идентичности можно назвать необходимость найти баланс между национальным и мультикультурным в условиях растущего этнического разнообразия, между национальным и локальным, а также между конкурирующими религиозными и гражданскими ценностями. Работа с существующими идентичностями в демократических странах сталкивается с вызовом установить первостепенность гражданской идентичности и уже вокруг неё сплотить людей [4].

Намеренное стирание идентичности (региональной, этнической, языковой или религиозной) связано с желанием сократить разнообразие существующих идентичностей до одного инварианта, будь то единое строго национальное самосознание (ярким примером такой политики выступает Китай) или общая для всех постнациональная гомогенная (что парадоксально, в том числе равно мультикультурная) идентичность, как и например, в странах Евросоюза. По этому параметру в прессе ЕС зачастую сравнивают с Советским Союзом. «Нация, равная локальному культурному типу, связана, таким образом, с преодолением “среднего” (“массового”) человека» [5]. Напротив, истинным примером поддержки уникальных идентичностей во всём их разнообразии представляется Канада, чьё принятие различий сделало её универсальным символом толерантности.

«Медиаторы» культурной памяти (СМИ) посредством системной трансляции представлений и оценок играют важную роль в осознании идентичности [6]. Поиск себя приводит как отдельных людей, так и нации к переосмыслению своего прошлого: важно найти момент и ситуацию, когда первоначаль-

но выкристаллизовалась уникальная идентичность. Например, молодое поколение гонконгцев осознаёт точкой своего единения протесты 2019 г. Попытки найти ответ в истории, в особенности в своём опыте трагедий, войн и переживании дискриминации связаны с мобилизующей силой ресентимента [7].

Ослабление и размывание идентичности в условиях всеобщей мобильности в социальном и географическом пространстве, а также уплотнения связей между социальными группами нациями приводит к трём возможным результатам старая идентичность: 1) безболезненно стирается, уступая место новой; 2) сохраняется наряду с приобретённой, образуя двойственную или гибридную идентичность; 3) воспринимается как находящаяся под угрозой, что требует от субъекта активных действий по её сохранению.

Ослабление и потеря идентичности имеет место при фактической смене статуса (например, при уходе с должности); последовательном внедрении не свойственных ранее практик; физическом перемещении в нетипичную среду (переезд, миграция); при существенном изменении обстановки на той же территории. Так, в 2014 г. в Сеуле была введена должность городского архитектора, поскольку к этому времени стало понятно, что несколько десятилетий ускоренного развития города почти до неузнаваемости изменили его облик и угрожали самому существованию уникальной идентичности столицы. Пример Сеула иллюстрирует так называемую «микropolitику» [8] идентичности, когда политическая настройка происходит на локальном уровне.

Активные действия по сохранению идентичности по большей части коллективны и направлены на её нормализацию в обществе [9]. Возникают особые организации, нацеленные на «популяризацию» положительного облика некоторой идентичности, «группы поддержки», пространства общения (всё чаще – онлайн).

Особенность изменений идентичности заключается в том, что они концептуализируются как факт, событие, а не процесс. Острое переживание незавершённой трансформации почти отсутствует в идентитарном дискурсе и практически не встречается вне контекста гендерного самоопределения. Таким образом подчёркивается дискретный характер идентичности как явления, сотканного из не связанных фрагментов [10], находящихся в диалектических отношениях, что

¹ How to forecast an American's vote. – Текст: электронный // The Economist. Nov 3rd 2018 edition. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/11/03/how-to-forecast-an-americans-vote> (дата обращения: 28.11.2020).

обусловливает постоянное развитие идентичности от одной реперной точки к другой.

Добровольный отказ от идентичности, в отличие от её естественного размывания, имеет место тогда, когда старая идентичность становится бременем или препятствует развитию. Зачастую, это плата за вход в более перспективное сообщество, получение выгодного статуса. Отказ от идентичности не характерен для сообществ и групп, и в редком случае отказ от коллективной идентичности случается только будучи навязанным «сверху».

Захлестнувшая мировую политику волна национализма и популизма [11] свидетельствует ещё об одной тенденции, а именно о том, что идентитарная повестка находит поддержку у преобладающих групп, исторически доминировавших в обществе. Актуализация идентичности в этом случае – это не средство спасения, т. к. её существованию ничего не угрожает, хотя повсеместно ощущается «текущий страх», как его назвал З. Бауман [12], а ответ на попытку себя потеснить, голос в пользу сохранения привычного и удобного статуса-кво. В некоторой степени, это вариант пиара, способ привлечь к себе внимание и отметить на глобальной карте идентичностей, что можно наблюдать на примере сегодняшней Англии, всячески подчёркивающей свою *английскость*.

Наряду с разноголосицей региональных сообществ, утверждающих в информационном поле своё право на инаковость, в контексте выхода Великобритании из состава Евросоюза возникают общие для нации настроения. Лейтмотивы ностальгии по потерянной европейской и радости от вновь приобретённой самобытной идентичности слышны по всей стране и раскалывают и без того неоднородное британское общество.

Анализ медиатекста показывает, что дискуссии по поводу идентитарных противоречий в Великобритании строятся по лекалам уже давно существующих в США дискурсивных практик. Именно в Америке, изначально сформированной по принципу «плавильного котла», переживание разнообразия групповых идентичностей, помимо национальной, традиционно было предметом обсуждения и свободно артикулировалось: у понятия *identity awareness*, осознанного понимания идентичности, до сих пор нет адекватных эквивалентов в большинстве языков мира.

Позволим себе предположить, что сам английский язык (особенно в его американском «изводе») способствует тому, чтобы

детально, а не только широкими мазками, нарисовать картину идентичности. Действительно, за каждым языком стоит особая культурно обусловленная картина мира, а современный *lingua franca*, в первую очередь из-за интенсификации контактов между культурами и распространённостью средств коммуникации, характеризует лингвокультурная агрессия [13], т. е. происходит экспансия заданного английским языком дискурса. Принимая медиатекст на английском языке в качестве источника информации о мировых тенденциях динамики идентичности, необходимо сделать поправку на то, что в нём концептуализация может проходить более (или менее) нюансировано, по сравнению с языками регионов, о которых идёт речь. Нельзя недооценивать тот факт, что то, как влиятельные медиа подают информацию, воздействует на саму идентичность и политику идентичности [14], на формирование общего представления о явлении, а также на то, как расставлены акценты в научных исследованиях [15].

Таким образом, события и явления, в словесном изложении которых появляются репрезентации интересующего нас концепта, не только, возможно, рассмотрены сторонним наблюдателем, подходящим к происходящему со своей культурной призмой (“The Economist” сохраняет анонимность своих авторов), но и заведомо пропущены через сито языка, которому внутренне свойственна упомянутая ранее *identity awareness* и в котором выработана особая система детального описания феномена идентичности в его полноте и многообразии.

Заключение. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что трансформационные изменения идентичности становятся объектом пристального внимания авторов западной аналитической публицистики и находят отклик у читателей, владеющих английским языком. Оставляя открытым вопрос о соотношении концептуализации идентичности в разных языках и культурах, можно заключить, что в глобально ориентированных англоязычных медиа (в данном случае – материал публикаций “The Economist”) нашли отражение следующие особенности трансформации социокультурной идентичности:

1. Меняющаяся идентичность – по сути, самоидентификация, нежели воспринимаемый извне образ.

2. Разные плоскости социокультурной идентичности имманентно связаны, что проявляется в корреляции их изменений.

3. Изменения идентичности могут иметь внутреннюю или внешнюю природу, быть результатом сознательного воздействия или естественных трансформаций.

4. Активное внешнее влияние носит политический характер и распространяется на группы, а затем – опосредованно – на индивида.

5. Политические успехи настолько зависят от самоопределения людей, что сегодня «любая политика – политика идентичности».

6. На индивидуальном уровне идентичность даёт смысл и обеспечивает онтологическую безопасность и перспективы.

7. В целом, индивидуальная и коллективная идентичность подвергаются одним и тем же трансформациям: 1) стирание или отказ от существовавшей идентичности с её последующей заменой на новую, сооб-

разную изменившейся ситуации; 2) приращение к уже существующей идентичности новых измерений, гибридизация.

8. Своеобразная динамика прослеживается в случае сохранения/отстаивания и усиления существующей идентичности, в условиях, когда естественно было бы её изменение.

9. Концептуализация идентичности и разработанность языковых способов её передачи зависят от исторически сложившихся практик и варьируются в разных сообществах. На сегодняшний день английский язык представляется наиболее развитым в этом отношении, более того, как язык глобальной коммуникации он наиболее представлен в мировых медиа, и их анализ должен приводиться с поправкой на лингвокультурную специфику.

Список литературы

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 1. С. 24–53.
2. Hornung J., Bandelow N. C., Vogeler C. S. Social identities in the policy process // Policy Sciences. 2019. No. 52. P. 211–231. DOI: 10.1007/s11077-018-9340-6.
3. Cash J. The Dilemmas of Ontological Insecurity in a Postcolonising Northern Ireland // Postcolonial Studies. 2017. No. 20. P. 387–410. DOI: 10.1080/13688790.2017.1391671.
4. Силантьева М. В. Национальная идея как внеидеологический проект // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2017. № 1. С. 59–65.
5. Силантьева М. В. Нации vs национализм: перспективы глобализирующегося мира // XVI Международные Лихачевские научные чтения (г. Санкт-Петербург, 19–21 мая 2016 г.). СПб.: СПбГУП, 2016. С. 460, 461.
6. Олешко В. Ф., Олешко Е. В. Коммуникативно-культурная память: идентификационные ресурсы современных массмедиа // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 77–86.
7. Казаринова Д. Б. Политическая наука в эпоху ресентимента // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13. С. 169–183.
8. Solomon T., Steele B. J. Micro-moves in International Relations theory // European journal of International Relations. 2017. No. 23. P. 267–291. DOI: 10.1177/1354066116634442.
9. Clarke S. Culture and Identity // The SAGE Handbook of Cultural Analysis. SAGE Publications Ltd, 2008. P. 510–529. DOI: 10.4135/9781848608443.
10. Лисенкова А. А. Современные подходы к определению феномена культурной идентичности // Вестник Московского государственного института культуры. 2016. № 6. С. 26–30.
11. Brubaker R. Populism and Nationalism // Nations and Nationalism. 2020. No. 26. P. 44–66. DOI: 10.1111/nana. 12522.
12. Бауман З. Текущая модерность и текущий страх: взгляд из 2011. Текст: электронный // Протестант. 2012. URL: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-straxvzglyad-iz-2011-goda/> (дата обращения: 25.11.2020).
13. Воевода Е. В. От международной коммуникации к лингвокультурной агрессии // Среднее профессиональное образование. 2015. № 10. С. 47–52.
14. Hanitzsch T., Vos T. P. Journalism beyond democracy: A new look into journalistic roles in political and everyday life // Journalism. 2018. No. 19. P. 146–164. DOI: 10.1177/1464884916673386.
15. Ahmed S., Matthes J. Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis // International communication gazette. 2017. No. 79. P. 219–244. DOI: 10.1177/1748048516656305

Статья поступила в редакцию 25.11.2020; принята к публикации 30.12.2020

Сведения об авторе

Остроглазова Наталья Александровна, преподаватель, Московский государственный институт международных отношений МИД России; 119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; e-mail: ostroglaзова.n@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4321-2594>.

Библиографическое описание статьи

Остроглазова Н. А. Социокультурная самоидентификация: отчуждаемая, приобретаемая и отстаиваемая идентичность // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 16–21. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-16-21.

References

1. Beck, U. The cosmopolitan society and its enemies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, no. 1, pp. 24–53, 2003. (In Rus.)
2. Hornung J., Bandelow N. C., Vogeler C. S. Social identities in the policy process. *Policy sciences*, no. 52, pp. 211–231, 2019. DOI: 10.1007/s11077-018-9340-6. (In Engl.)
3. Cash, J. The dilemmas of ontological insecurity in a postcolonising Northern Ireland. *Postcolonial studies*, no. 20, pp. 387–410, 2017. DOI: 10.1080/13688790.2017.1391671. (In Engl.)
4. Silant'eva, M. V. National idea as an extra ideological project. *Integrative perspective in the humanities*, no. 1, pp. 59–65, 2017. (In Rus.)
5. Silant'eva, M. V. Nations vs nationalism: perspectives of the globalizing world. *XVI International Likhachev Scientific Readings*. 2016: 460–461. (In Rus.)
6. Oleshko, V. F., Oleshko, E. V. Communicative-cultural memory: identificational resources of modern mass media. *Gumanitarnyi vektor*, no. 5, pp. 77–86, 2019. (In Rus.)
7. Kazarinova, D. B. Political science in the age of ressentiment. *Vestnik MGIMO–Universiteta*, no. 13, pp. 169–183, 2020. (In Rus.)
8. Solomon, T, Steele, B. J. Micro-moves in International Relations theory. *European journal of International Relations*, no. 23, pp. 267–291, 2017. DOI: 10.1177/1354066116634442. (In Engl.)
9. Clarke, S. Culture and identity. *The SAGE handbook of cultural analysis*. 2008: 510–529. (In Engl.)
10. Lisenkova, A. A. Modern approaches to defining the phenomenon of cultural identity. *Vestnik MGUKI*, no. 6, pp. 26–30, 2016. (In Rus.)
11. Brubaker, R. Populism and nationalism. *Nations and Nationalism*, no. 6, pp. 44–66, 2020. DOI: 10.1111/nana.12522. (In Engl.)
12. Bauman, Z. Liquid modernity and liquid fear: view from 2011 // *Protestant*. 2012. Web. 15.11.2020. <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-straxvzglyad-iz-2011-goda/>. (In Rus.)
13. Voevoda, E. V. From international communication to linguacultural aggression. *Srednee professional'noe obrazovanie*, no. 10, pp. 47–52, 2015. (In Rus.)
14. Hanitzsch T., Vos T. P. Journalism beyond democracy: A new look into journalistic roles in political and everyday life. *Journalism*, no. 19, pp. 146–164, 2018. DOI: 10.1177/1464884916673386. (In Engl.)
15. Ahmed, S, Matthes, J. Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis. *International communication gazette*, no. 79, pp. 219–244, 2017. DOI: 10.1177/1748048516656305 (In Engl.)

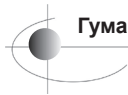
Received: November 25, 2020; accepted for publication December 30, 2020

Information about author

Ostroglazova Natalia A., Lecturer, Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 Vernadsky pr., Moscow, 119454, Russia; e-mail: ostroglazova.n@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-4321-2594>.

Reference to the article

Ostroglazova N. A. Socio-Cultural Self-Identification: Lost, Created and Asserted Identity // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 16–21. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-16-21.

УДК 111+168

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-22-28

Александр Юрьевич Нестеров,*Самарский национальный исследовательский университет**им. академика С. П. Королёва**(г. Самара, Россия),**e-mail: aynesterow@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>*

Проблема субъекта в искусственной природе

В статье обсуждается ситуация с субъектом и субъектностью, возникающая в условиях НТП. Понятие субъекта вводится через различение рефлекторных (естественных) и рефлексивных (искусственных) процессов самосознания, субъект понимается в качестве способа соединения «миров» (по К. Р. Попперу). Создающие субъектность формы рефлексии вводятся как философские изобретения (по И. И. Лапшину), как афоризм – диалог и система. Методология исследования носит общесемиотический и неокантианский характер: функция субъектности для искусственных сред человеческой жизни рассматривается как рефлексивное основание для построения теорий и осуществления технической деятельности. Исполнение этой функции приводит к последовательной трансформации природы за счёт накопления артефактов в чувственно доступном физическом мире (первая искусственная природа), в рассудочном мире логико-грамматических форм (вторая искусственная природа), в мире разума или интеллектуальной рефлексии (третья искусственная природа). На основании анализа субъектности в первой, второй и третьей искусственной природе делается вывод о том, что наблюдаемый в условиях информационного общества кризис субъекта и человеческой субъектности, выраженный в моделях бессубъектной объективности техносферы или технологической сингулярности, является свидетельством исчерпания методологических ресурсов анализа субъекта. Третья искусственная природа, т. е. созданная человеком техническая среда, включающая в себя интеллектуальные артефакты, автономных интеллектуальных агентов принятия социально значимых решений, нуждается в новом философском изобретении, позволяющем осуществлять процедуры самосознания. Автором формулируется предположение о том, что в качестве такого рода нового философского изобретения может обсуждаться «среда», снимающая «систему» в том же смысле, в каком «система» снимает «диалог», а последний – «афоризм».

Ключевые слова: субъект, техника, философия техники, искусственная природа, вторая природа, третья природа, технологическая сингулярность

Alexander Yu. Nesterov,*Samara National Research University**(Samara, Russia),**e-mail: aynesterow@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>*

The Problem of the Subject in Artificial Nature

The article discusses the situation with the subject and subjectivity that arises in the conditions of scientific and technological progress. The concept of the subject is introduced through the distinction between reflex (natural) and reflexive (artificial) processes of self-awareness, the subject is understood as a way of connecting "worlds" in the sense of K. R. Popper. The forms of reflection that create subjectivity are introduced as philosophical inventions in the sense of I. I. Lapshin as an aphorism, dialogue and system. The research methodology is of a general semiotic and neo-Kantian character: the function of subjectivity for artificial environments of human life is considered as a reflexive basis for constructing theories and carrying out technical activities, the performance of this function leads to a consistent transformation of nature due to the accumulation of artifacts in the sensually accessible physical world (the first artificial nature), in the rational world of logical-grammatical forms (the second artificial nature), in the world of reason or intellectual reflection (the third artificial nature). Based on the analysis of subjectivity in the first, second and third artificial nature, we conclude that the crisis of the subject and human subjectivity observed in the information society, expressed in the models of the subject-free objectivity of the technosphere or technological singularity is evidence of the exhaustion of the methodological resources of the subject's analysis. The third artificial nature, i. e. a man-made technical environment that includes intellectual artifacts, autonomous intelligent agents of making socially significant decisions, needs a new philosophical invention that allows for self-awareness procedures. In the conclusion, the assumption is formulated that as such a new philosophical invention, the "environment" can be discussed that removes the "system" in the same sense in which the "system" removes the "dialogue", and the latter – "aphorism".

Keywords: subject, technology, philosophy of technology, artificial nature, second nature, third nature, technological singularity

© Нестеров А. Ю., 2021

Введение. *Что такое субъект?* Категория субъекта – одна из наиболее сложных для анализа и даже для осмысления категория. При всей кажущейся тривиальности субъект-объектного или субъект-субъектного взаимодействия всякая попытка ответить на вопрос о свойствах субъекта наталкивается на ряд философских вопросов, в свою очередь требующих осмысления и логико-исторической экспликации. О субъекте в онтологическом смысле речь может идти тогда, когда возникает различие рефлекторных и рефлексивных оснований деятельности, природных и сверхприродных принципов. В гносеологическом и праксиологическом смыслах субъект обнаруживает себя в качестве носителя рациональности того или иного типа и/или носителя определённого набора ценностей. История категории субъекта берёт начало в неприродном (культурном) навыке деятельности на фоне естественных, биологически предопределённых поведенческих моделей, в поиске причин и законов на фоне естественных процедур субъективации сущего, в попытках изменить действительность на фоне естественных процедур объективации сущего.

Изобретение субъекта – достижение философской мысли, сопоставимое по роли в истории с изобретением орудий труда. Перефразируя Б. Франклина, можно было бы сказать, что человек обнаруживает себя в качестве субъекта, используя орудия труда. С позиций истории семиотики субъект и субъектность возникают с прагматическим правилом различения внутреннего и внешнего, т. е. вместе с навыком рефлексии. Неокантианец И. И. Лапшин писал, что философские изобретения – «самый поздний плод человеческой культуры» [1, с. 161]. Предлагаем сопоставить категорию субъекта с выделенными И. Лапшиным формами философского изобретения для того, чтобы увидеть эволюцию субъектности, рост сложности и сдвиги границ в определении этой категории, текущее положение дел в искусственных средах человеческой жизнедеятельности.

Методология и методы исследования. Философских изобретений в истории духа, по И. Лапшину, три. Это афоризм, диалог и система. Афоризм – «простейшая форма» [Там же, с. 163] – в онтологическом плане создаёт разрыв в естественном круге познания и деятельности, останавливает процессы автоматического мышления, позволяет включиться интуиции, создаёт различие внешнего и внутреннего. Тезисы

вроде «всё из воды» или «мир есть конь» сами по себе ещё не создают субъекта, однако являются первым шагом рефлексии, освобождающей ум от биологической и в целом природной предопределённости. Диалог является источником коммуникативной рациональности, впервые позволяющей сконструировать субъекта как собеседника. Рационален тот, кто способен услышать, задать вопрос, принять или отклонить аргумент [2]. Диалог заново изобретается в каждую историческую эпоху от Сократа до М. М. Бахтина или современных чатов в соцсетях, позволяя сформировать субъектность как сумму навыков коммуникации и управления мышлением на основе коммуникации. Диалог позволяет сконструировать или точнее – изобрести ряд исторически новых субъектов, с которыми человек может обмениваться знаками: это «другой» человек, «бог», «природа», нечеловеческое разумное живое или неживое существо.

Афоризм и диалог создают субъекта, предъявляя к нему требование коммуникативной рациональности. Субъект раскрывается через способности различения коммуникативных знаков и их значений, себя и другого, через навыки сдвига границ самосознания на основании вопросов, размышлений, предложений и текстов. В моделях диалога и коммуникативной рациональности строится различие человеческих и нечеловеческих субъектов: человек последовательно отличает себя от бога, затем от природы как собеседников, от машины как от искусственно созданного собеседника. Различение субъектов строится на разности стратегий коммуникации: бог в авраамических религиях отвечает на человеческие вопросы посредством внутреннего эстетического или религиозного чувства, создающего переживание целого, чувство сопричастности Абсолюту; природа отвечает внешним и предельно ясным согласием или несогласием с ассерторическими суждениями, сформулированными в виде измерительных экспериментов; интеллектуальная машина отвечает заданным техником способом. Каждая из этих стратегий на фоне собственно человеческой стратегии коммуникации позволяет построить модель самосознания субъекта, с которым человек в диалоге имеет дело. Таковы религиозная и естественно-научная картины мира, относительно которых человек и машина занимают рецептивную, субъективирующую позицию, ориентированную, как правило, на извлечение нового знания; такова антропоморфная и инженерная кар-

тины мира, относительно которых человек наряду с рецептивной позицией занимает и проективную, объективирующую позицию, ориентированную на изменение положений дел в действительности.

Позднейшее философское изобретение (по И. И. Лапшину) – система. После Платона это – способность фиксировать «единое многого», холистическое соединение частей, обнаруживающее свойства, отсутствующие у суммы этих частей, взятых по отдельности. На фоне коммуникативной рациональности афоризма и диалога возникает рациональность цели и средства, впервые влекущая различия субъекта и объекта, осознанно действующей силы и точки её приложения в среде. Это существенно более сложная форма рациональности, онтологически раскрывающаяся в разнородных системах от Г. Галилея до Г. Гегеля и Р. Ингардена, методологически в последние 50 лет – от В. Штегмюллера до В. Стёпина. Важно, что стратегии диалогической коммуникации в рациональности цели и средства дополняются посредством, во-первых, рефлексивных механизмов или разума (*intellectus, Vernunft*), связывающих мышление, язык и восприятие в единой схеме, и, во-вторых, посредством способности изменять положения дел в сфере чувственного восприятия, т. е. техники или в целом проективной деятельности.

Системное понимание субъекта требует соединения в этом понятии структур восприятия или фиксации реальности, дискурсивных структур мышления, рефлексивных структур, структур самодетерминации или упорядоченного взаимодействия восприятия, мышления и рефлексии при реагировании на изменения реальности. Это в целом представление о субъекте, как оно рождается в Европе в теории познания, от Н. Кузанского до Э. Кассирера, и в философии техники, от Э. Каппа до П. К. Энгельмейера и Ф. Дессауэра. Человек обнаруживает себя в качестве рационального субъекта, когда оказывается способен различить онтологию, область реальной науки и метафизику, в том числе, вывести за пределы этой триады формы воображения и действия, построенные на онтологических нарушениях, влекущих коммуникативную или целевую иррациональность (бессмысленность диалога или бесцельность действия). Это – модель, формируемая Р. Ингарденом в «Споре о существовании мира» [3] и развивающаяся в настоящее время в качестве инженерной онтологии или онтологии проектирования.

Та или иная онтология есть набор аксиом, базовых положений, догм или принципов, позволяющих вывести некоторое множество теорем. Некоторые теоремы исполняются в сфере чувственного опыта, некоторые, несмотря на когерентность вывода, – нет. Первые теоремы относятся к реальной науке, вторые – к метафизике. Противоречивые, неполные, по определению онтологии, они, равно как и ошибки вывода, порождают сферы произвольной метафизики, влекущие хаос «мнений» в кантовском значении термина.

При системном понимании субъектности «бог» и «природа» как таковые теряют статус субъектов, раскрываясь в качестве метафор, обозначающих наборы тех или иных онтологических начал. Однако появляются новые ряды не- и надчеловеческих субъектов в виде биологических видов и социальных структур, возникающих посредством человеческих или в целом биологических особей. Предлагаем при анализе системного понимания субъектности использовать связанную с именем К. Р. Поппера модель трёх миров (мир физических объектов, мир ментальных состояний и мир языка) [4], с позиции которой, субъект – это способ или форма взаимодействия физических, ментальных, рациональных и (*К. Поппер это допускал*) этических и эстетических оснований.

Результаты исследования и их об- суждение. *Автокоммуникативная самодетерминация субъекта в искусственных средах.* Следуя мысли о том, что субъект – это способ соединения миров, ещё раз отметим, что это соединение может носить естественный, т. е. рефлекторный, заданный биологически, и искусственный, т. е. рефлексивный, определяемый наличием теоретического (рецептивного) и практического (проективного) знания характер. Пособием рефлексии осознаются биологические и вырабатываются вторичные рефлексии. Эта мысль содержится и в модели самопознания абсолютной идеи в формах абсолютного духа, и в тезисах о человеческом творчестве как о продолжении творчества природы, «реализации с помощью Природы того, что для Природы невозможно» [5, с. 256], задающих реалистскую философию техники.

Рефлекторно человек соединяет от трёх до пяти «миров», в рефлексии каждый из миров обнаруживается в качестве специфической онтологии, позволяющей познавать причины и целесообразно дей-

ствовать, исполняя следующие из онтологии правила. Рост сложности рефлексии, формирующий субъектность, связан с последовательным открытием множественности «миров» в виде несводимых друг к другу онтологий, с вызываемым этим открытием ростом неопределённости, в конечном счёте – с построением неантропоморфных моделей взаимодействия миров, т. е. с моделированием нечеловеческой субъектности. Коммуникативная рациональность позволяет выйти из антропоморфной картины мира в процедурах вопрошания богов (жребии), в интерпретации откровения (экзегезе) и молитве (автокоммуникации), в разумном вопрошании природы (измерительном эксперименте). Рациональность цели и средства на фоне коммуникативной рациональности выстраивается как гуманистическая рефлексия, ставящая человека в центр картины мира в качестве субъекта познания и действия, однако её развитие, связанное, во-первых, с открытием не зависящих от человека «законов природы» или синтаксиса миров, приводимых во взаимодействие посредством человека, и, во-вторых, с открытием «силы техники», т. е. с техническим воплощением артефактов, необратимо изменяющих естественную среду обитания человека, приводит к трансгуманистической рефлексии. Последняя формулирует вызов «естественной» субъектности, сопоставимый по масштабу с переходом от рефлекторного к рефлексивному существованию человека в мире.

Рациональность цели и средства как источник субъектности включает в себя, наряду с сугубо эпистемическими или рецептивными механизмами, праксиологические способности сдвигать границы мыслимого и немислимого, действительного и возможного, позволяющие субъекту изменять среду обитания согласно собственным целям и возможностям. Эти способности исследуются философией техники как ситуация, при которой человек не приспособляется к миру, но приспособливает мир под себя [6]. Ф. Дессауэр вводит их в понятия *homo investigator*, *homo inventor*, *homo faber* [7]. В русскоязычной традиции, как правило, используется понятие «трёхакт» П. К. Энгельмейера [8]. На уровне *investigator*, в «акте воображения» или в «ментальном мире» человек сдвигает границы мыслимого, создавая инобытие текущей картины мира, такой её образ, где некоторые задачи или проблемы выглядят решёнными. На уровне *inventor* в «акте конструирования» этот образ оказывается выражен в структу-

рах того или иного языка, «в третьем мире». На уровне *faber* в «акте исполнения» образ воплощается в «первом мире» в доступной чувственному восприятию форме, изменяя известную человеку действительность. Рациональность цели и средства фиксирует субъекта как способность подчинить действия цели, фактически – как способность выполнить задуманное. Её можно было бы называть технической или инженерной рациональностью, а постулируемого посредством неё субъекта – инженером или техником.

Применение рациональности цели и средства в сугубо техническом смысле можно описать метафорой расширяющейся спирали: субъект, основываясь на анализе актуальной проблемы действительного мира, фиксирует её возможное решение, выражает его в языковой форме, а затем исполняет в действительности, изменяя её и создавая новую картину мира, порождающую новые проблемы. Характер взаимодействия миров, приводимых во взаимодействие субъектом в этом процессе, определяется, с одной стороны, рецептивным знанием, опирающимся на рефлекторные и рефлексивные механизмы познания, с другой стороны, проективным инженерным знанием, ограниченным сферой реального или исполнимого в онтологии того или иного мира. Развитие субъекта, как оно фиксируется в историческом процессе от железного века до века архимедовых машин и вплоть до века кибернетики, характеризуется увеличением количества объективного знания о мирах и расширением спектра возможного технического действия, превращением естественной среды обитания в искусственную.

Развитие субъекта представляет собой усложнение структуры взаимодействия соприкасающихся при его посредстве миров. Оно носит характер автокоммуникативной самодетерминации: ставя цели, добываясь их решения, человек как глобальный субъект фактически находится в диалоге с самим собой [9], оставляя самому себе общение во времени и исполняя его в проективных актах познания и деятельности. Рост субъектности порождает изменение среды обитания: на основании знания о правилах построения миров и «силы техники», позволяющей субъекту изменять естественный порядок следования объектов, возникает искусственная природа как изменённая технической среда обитания.

Изобретение среды и проблема бес-субъектной объективности. Создание среды – естественное свойство субъекта.

Соединяя миры, он создаёт свою экологическую нишу, жизненный мир собственного существования. Природные субъекты (биологические виды) функционируют на основании естественных рефлексов; человеческие субъекты функционируют на основании рефлексии, определяемой уровнем развития, т. е. знанием и способностью к техническому действию. Этот лейтмотив характеризует последовательное созидание посредством человеческой субъектности иерархии искусственных сред, опирающееся на научно-технический прогресс.

Вектор прогресса в десятки годы XXI в. вполне очевиден: техническое знание о природе, позволяющее изменять положения дел в физическом мире, дополняется техническим знанием о рассудке, позволяющим изменять положения дел в логико-грамматической сфере языка и мышления. Он описывается как переход от индустриальной эпохи к информационной, от архимедовых машин по переработке энергии к машинам по переработке информации [10], от первой искусственной природы, состоящей из физических систем чувственно данных артефактов, ко второй искусственной природе, включающей в себя, наряду с физическими системами, кибернетические системы артефактов рассудочной, информационной природы. В двадцатом году XXI в. прогресс застаёт нас на пороге между второй и третьей искусственной природой, в ситуации, когда техническое знание охватывает не только сферу рассудка, но и претендует на сферу разума, рациональной рефлексии.

Технологический переход от первой искусственной природы ко второй и к третьей [11] сопровождается ростом требований к качеству человеческой личности как в процессах познания, так и в процессах деятельности (творчества): машины по переработке энергии снизили требования к мускульной силе и повысили роль рассудка, машины по переработке информации в настоящее время снижают требования к рассудку и повышают роль воображения, способностей к синтезу, машины третьей искусственной природы (автономные агенты принятия решений, приближение к сильному ИИ), активно внедряемые в социальное пространство, позволяют снизить требования к интеллекту (разуму как способности созерцать и конструировать, соотносить данные чувственного восприятия и логико-грамматических схем рассудка). Собственно проблема заключается в том, что человек в искусственной среде третьей природы постепенно

теряет статус субъекта, формулирующего цели деятельности, добывающегося их реализации и в этом процессе изменяющего среду сообразно горизонту своих знаний и возможностей. Эта проблема в литературе формулируется как проблема «технологической сингулярности» (термин фантаста Вернора Винджа [12]). Станислав Лем сформулировал эту ситуацию как «порог Скварка» [13, с. 350] – положение дел, в котором среда обитания становится умнее своих обитателей, так что человек перестаёт быть субъектом развития, передавая функцию субъектности созданным им разумным машинам. В мягкой форме это проблема «бес-субъектной объективности», такой ситуации, когда системы управления социумом, включая механизмы формирования личности, представлены нечеловеческими субъектами.

В индустриальном обществе, в условиях первой искусственной природы человек достиг максимума в осуществлении субъектной функции. Областью применения техники была сфера доступной чувственному восприятию действительности, процессы разумного целеполагания и во многом рассудочного конструирования в инженерном и художественном творчестве располагались внутри субъективной реальности человека. Идея системы, определяющая развитие цивилизации Запада, подразумевала, что система – это всегда система знаний, человеческий ум строит систему и затем тем или иным образом с помощью техники привносит её в окружающую среду в виде объектных систем, составляющих инфраструктуру индустриального общества. Процессы обучения и воспитания были ориентированы на воссоздание человеческой личности, способной в своей субъективной реальности построить систему, с тем чтобы затем эта система в виде набора научных знаний и этических принципов была реализована в практической деятельности [14].

В информационном обществе, в условиях второй искусственной природы человек передаёт функцию субъекта, управления собой, обществом, средой, развитием и так далее созданным им техническим системам. Объект применения техники – процессы рассудочного конструирования (от калькулятора до САПР и нейросетевого моделирования любых социальных процессов). От навыков обывателя не зависит функционирование социальных процессов, управляемых информационными машинами. Процессы обучения и воспитания ориен-

тируются на формирование навыков жизни в условиях бессубъектной объективности и не включают в себя задачу воспитания личности, способной к воспроизведению системного мышления. В условиях третьей искусственной природы вопрос о субъектности человека усугубляется вплоть до постановки проблемы потери человеком эволюционного лидерства.

Информационное общество создаёт новую элиту. Социальная группа, изменяющая среду, теперь состоит не из учёных и политиков, способных к обобщающему системному синтезу, но из инженеров, специалистов по информационным технологиям, разрабатывающих отдельные фрагменты информационных технологий. Представление о человеке как «венце творения», ядре системного мышления и действия, способного изменять действительность, трансформируется в представление о человеке как способе соединения «миров». Это требует введения и исследования «среды» как новой философской категории, фиксирующей новый уровень неопределённости. Перед образованием, как и в целом перед структурами управления обществом, возникает дилемма: поощрять потерю человеком субъектности при переходе к информационному обществу и тем самым усугублять потребительский вектор развития цивилизации, влекущий истощение ресурсов и планетарную

катастрофу, либо построить модель «неочеловека» [15], модель человека как субъекта не только на уровне диалога и системы, но и на уровне среды, и добиваться её осуществления в том масштабе, в каком эпоха Просвещения добивалась распространения идеи системы.

Заключение. Субъектность человека, способность быть «личностью» раскрывается в процедурах рефлексии и выражается в способности создания новых искусственных сред обитания. Вместе с тем, вторая и третья искусственная природа проблематизируют ресурсы доступных философских изобретений, пригодных для конструирования обобщающих онтологий. Мы обнаруживаем себя внутри созданной нами же среды в ситуациях бессубъектной объективности, видим падение роли и значения человека как личности в моделировании будущего. Пологаем, что кризисное положение человеческого субъекта свидетельствует об истощении эвристического потенциала афоризма, диалога и системы как фундаментальных оснований рефлексии. Необходимы новые основания для конструирования нового образа человека. Одним из вариантов такого рода оснований может служить «среда» как следующее за «системой» философское изобретение, на фоне которого может быть сконструирован «неочеловек» как субъект третьей искусственной природы.

Список литературы

1. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
2. Патнэм Х. Две концепции рациональности // Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. С. 139–170.
3. Ingarden R. Der Streit um die Existenz der Welt. Bd. 1. Über die kausale Struktur der Welt. Tübingen: Niemeyer, 1974. 408 s.
4. Popper K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press, 1972. 390 p.
5. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2004. 672 с.
6. Энгельмейер П. К. Философия техники СПб.: Лань, 2013. 96 с.
7. Dessauer F. Streit um die Technik. Frankfurt am Main: Knecht, 1956. 471 s.
8. Энгельмейер П. К. Теория творчества. М.: Либроком, 2010. 208 с.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Культура – СПб, 2010. С. 149–393.
10. Günther G. Das Bewusstsein der Maschinen. Eine Metaphysik der Kybernetik. Baden-Baden, 2002.
11. Нестеров А. Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
12. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. Текст: электронный // VISION-21 Symposium sponsored by NASA Lewis Research Center and the Ohio Aero-space Institute. 1993. March 30–31. URL: <http://www.rohan.sdsu.edu/faculty/vinge/misc/singularity.html> (дата обращения: 30.11.2020).
13. Лем С. Футурологический конгресс. Осмотр на месте. Пьесы о профессоре Тарантоге // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Текст, 1994. Т. 8. 480 с.
14. Берестов И. В., Вольф М. Н., Доманов О. А. Аналитическая история философии: методы и исследования. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019. 242 с.
15. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М.: Изд-во МБА, 2013. 272 с.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021; принята к публикации 15.03.2021

Сведения об авторе

Нестеров Александр Юрьевич, доктор философских наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва; 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34; e-mail: aynesterow@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-011-00462А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

Библиографическое описание статьи

Нестеров А. Ю. Проблема субъекта в искусственной природе // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 22–28. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-22-28.

References

1. Lapshin, I. I. Philosophy of invention and invention in philosophy: an introduction to the history of philosophy. M: Respublika, 1999. (In Rus.)
2. Putnam, H. Two concepts of rationality. Reason, Truth and History, M: Praxis, 2002: 139–170. (In Rus.)
3. Ingarden, R. Der Streit um die Existenz der Welt. Bd. 1. Über die kausale Struktur der Welt. Tübingen: Niemeyer, 1974. (In Germ.)
4. Popper, K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press, 1972. (In Engl.)
5. Lem, S. Futurological congress. On-site inspection. Plays about Professor Tarantoga. Collected Works in 10 v. Vol. 8. M: Tekst, 1994. (In Rus.)
6. Ehngel'meier, P. K. Philosophy of technology. SPb: Lan, 2013. (In Rus.)
7. Dessauer, F. Streit um die Technik. Frankfurt am Main: Knecht, 1956. (In Germ.)
8. Ehngel'meier, P. K. Creativity theory. M: LibrokoM, 2010. (In Rus.)
9. Lotman, Yu. M. Inside thinking worlds. Semiosphere. SPb: Kul'tura – SPB, 2010: 149–393. (In Rus.)
10. Günther, G. Das Bewusstsein der Maschinen. Eine Metaphysik der Kybernetik. Baden-Baden, 2002. (In Germ.)
11. Nesterov, A. Yu. Semiotic Foundations of Technology and Technical Consciousness. Samara: Izdatel'stvo Samarskoi gumanitarnoi akademii, 2017. (In Rus.)
12. Vinge, V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era. VISION-21 Symposium sponsored by NASA Lewis Research Center and the Ohio Aero- space Institute, March 30–31, 1993. Web. 30.11.2020. <http://www.rohan.sdsu.edu/faculty/vinge/misc/singularity.html> (In Engl.)
13. Lem, S. The sum of technology. M: AST, 2004. (In Rus.)
14. Berestov, I. V., Vol'f, M. N., Domanov, O. A. Analytical History of Philosophy. Methods and Research. Novosibirsk: Ofset TM, 2019. (In Rus.)
15. Global Future 2045. Converged Technologies (NBICS) and Transhumanistic Evolution. M: Izdatel'stvo MBA, 2013. (In Rus.)

Received: February 12, 2021; accepted for publication March 15, 2021

Information about author

Nesterov Alexander Yu., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Samara National Research University; 34 Moskovskoe sh., Samara, 443086, Russia; e-mail: aynesterow@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>.

Sources of article funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project no. 20-011-00462A “The Philosophy of Technology by Friedrich Dessauer: Epistemology and Anthropology of the Realistic Theory of Creativity”.

Reference to the article

Nesterov A. Yu. The Problem of the Subject in Artificial Nature // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 22–28. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-22-28.

УДК 304.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38

Марина Борисовна Лига,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: m-Liga@inbox.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-4068-9709>***Ирина Анатольевна Щеткина,***Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: irinasocio@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>*

Человек в эпоху цифровизации общества

В настоящее время одним из трендов развития стран становится процесс цифровой трансформации, затрагивающий все сферы жизнедеятельности общества. Трансформация экономики стран осуществляется с помощью таких технологий, как роботизация, искусственный интеллект, интернет вещей, группы больших данных. Процесс трансформации, являясь глобальным, получает своё конкретное название в каждой стране. В России это «Цифровая экономика», которая в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определена как «Стратегия будущего развития России». В Германии – это «Индустрия 4.0», представленная концепцией К. Шваба, в США концепция преобразования общества на основе цифровых технологий получила название «Индустриальный интернет-консорциум». В Японии разработана правительством в союзе с японской ассоциацией «Кэйданрен» стратегия «Общества 5.0». Результатом процесса цифровизации будет создание нового мира, основанного на цифровых технологиях, в котором возникают новые ценности, управленческие технологии. Цель данной статьи – анализ цифровой эпохи как пространства возникновения цифровых рисков, выявление их влияния на современного человека. В исследовании использованы общепсихологические методы, дающие возможность описать современную цифровую цивилизацию. В рамках концепции рисков описываются цифровые риски, возникающие в различных сферах жизнедеятельности общества. Выделяются положительные эффекты развития цифровой экономики, формирующей новый цифровой мир, нового человека. Сегодня будущее цивилизации детерминировано развитием цифровой экономики, определяющей основные механизмы существования общества. В то же время, это будет мир, наполненный различного рода рисками, угрозами для социума, экономики и отдельной личности. В статье поднимаются вопросы, связанные с влиянием цифровой экономики на человека, живущего в условиях информационного глобального пространства.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые риски, цифровая эпоха, риск, цифровизация, цифровое поколение, компетенции

Marina B. Liga,*Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: m-Liga@inbox.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-4068-9709>***Irina A. Shchetkina,***Transbaikal State University,**(Chita, Russia),**e-mail: irinasocio@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>*

A Man in the Era of Digitalization of Society

Currently, one of the trends in the development of countries is the process of digital transformation, which affects all spheres of society. The transformation of countries' economies is carried out with the help of such technologies as robotics, artificial intelligence, the Internet of Things, and big data groups. The transformation process, being global, gets its specific name in each country. In Russia, this is "digital economy", which is defined in the Decree of the President of the Russian Federation "On National goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" as a strategy for the future development of Russia.

© Лига М. Б., Щеткина И. А., 2021

In Germany, it is "Industry 4.0", represented by the concept of K. Schwab, in the United States, the concept of transforming society based on digital technologies is called "Industrial Internet Consortium". In Japan, the Government has developed the "Society 5.0" strategy in conjunction with the Keidanren Association of Japan. The result of the digitalization process will be the creation of a new world based on digital technologies, in which new values and management technologies arise. The purpose of this article is to analyze the digital age as a space for the emergence of digital risks, to identify their impact on modern people. The study uses general philosophical methods that make it possible to describe modern digital civilization. Within the framework of the risk concept, digital risks arising in various spheres of society's life are described. The positive effects of the development of the digital economy, which forms a new digital world and a new person are highlighted and described. Today, the future of civilization is determined by the development of the digital economy, which determines the basic mechanisms of society's existence. At the same time, it will be a world filled with various kinds of risks, threats to society, the economy and the individual. The article raises questions related to the impact of the digital economy on a person living in the conditions of the global information space.

Keywords: digital economy, digital risks, digital age, risk, digitalization, digital generation, competencies

Введение. Вступление человечества в цивилизацию двадцать первого века породило множество новых явлений, фактов, отношений, детерминирующих эволюцию человека, изменение его роли как объекта и субъекта исторического процесса. Среди факторов, детерминирующих развитие человека, изменение его мировоззрения, образа жизни, можно выделить становление информационной, цифровой экономики, бурное развитие цифровых технологий, возникновение новой формы обмена информацией, которая не имеет границ, появление цифровой культуры, новых принципов взаимодействия людей и организации социума и др.

В современном мире личность находится под воздействием цифровых информационных технологий как сложных системных образований, включающих различную информацию, которые обеспечивают два рода воздействий на личность: во-первых, посредством самой информации, во-вторых, формами и методами, передающими необходимую информацию. В настоящее время именно эти технологии детерминируют трансформацию личностных свойств и характеристик. На эту особенность технологии обращал внимание Дж. Ланир: «Самая важная характеристика технологии – это то, как она меняет людей» [1]. Под влиянием цифровых технологий меняется сам человек: его телесная организация, познавательные возможности, его успешность во многом определяются умением работать с информацией. Цифровые технологии формируют инновационные средства коммуникации. Важным моментом в рамках обозначенных проблем является изменение социальной структуры общества, появление в ней новых социальных кластеров: собственников, владеющих информацией, цифровыми технологиями; наёмных работников; представителей социальной группы, не включённой в цифровое пространство в силу низкого

уровня образования. В обществе появляется новый вид социального неравенства – цифровое, которое означает разный доступ к информации и разную возможность её использования.

Цель данной статьи – характеристика цифровой эпохи как пространства возникновения цифровых рисков, выявления их влияния на развитие личности. Реализация поставленной цели будет возможна в рамках решения следующих задач: обращение к концепциям, отражающим современное развитие общества; определение понятий «цифровая экономика», «цифровые риски», «цифровая эпоха»; анализ цифровых рисков, детерминирующих жизнедеятельность личности в современную эпоху; характеристика личности в современную эпоху; характеристика личности, живущей в цифровую эпоху.

Методология и методы исследования. В современной науке созданы различные концепции и теории, рефлексирующие инновационные процессы современного социума, к числу которых можно отнести теории постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Гэлбрейт, Э. Тоффлер и др.) и информационного общества (П. Дракер, М. Кастельс, И. Масуда и др.), концепцию постматериалистических ценностей (Р. Ингледарт), концепции качества жизни представителей Римского клуба (Дж. Форрестер, А. Печчи, А. Кинг, Б.Шнайдер, Д. Медоуз, Д. Медоуз, Й. Рандерс и др.), концепцию индивидуальной и социальной субъектности (С. И. Григорьев, Л. Г. Гусякова, М. Б. Лига, И. А. Щеткина) и др. Обращение к этим концепциям как теоретико-методологической основы данного исследования актуально по двум причинам. Во-первых, в современной социологической литературе в вопросе о перспективах её будущего развития сложились две противоположные точки зрения. Первая основана на идеях, высказанных ещё в 1917 г. А. Уайтхедом, писавшим, что «наука, которая не решается забыть своих

основателей, обречена» [2, с. 23]. Опираясь на мнения своих студентов, считающих, что классика сегодня не в состоянии объяснить новые общественные проблемы, поскольку их теории созданы в другое время и способны объяснить лишь события, ушедшие в историю, но не современность, эту позицию поддерживает известный социолог Д. Паркер [3]. Позицию второй точки зрения выразил известный отечественный социолог А. Б. Гофман. «...Наука, забывшая своих основателей, также обречена на гибель. Вот почему она нуждается в собственной истории, которая является своего рода биографией, коллективной памятью науки» [4]. Продолжая эту мысль, Г. Е. Зборовский подчёркивает, что только эта позиция даст возможность выделить основные формы преемственности, этапы развития социологической мысли и её перспективы [2]. Придерживаясь второй позиции, в статье осуществляется анализ цифровых рисков в контексте выделенных теорий, давших рефлексию становления и эволюции современного общества, раскрывших предпосылки возникновения нового вида рисков – цифровых, их влияния на человека.

Во-вторых, выбор теорий постиндустриального и информационного общества, концепций постматериалистических ценностей, концепций качества жизни представителей Римского клуба и концепции индивидуальной и социальной субъектности в качестве методологической основы исследования цифровой эпохи обусловлен тем, что все эти теории обращены к человеку, его функциональной роли; описывают трансформации ценностей, мировоззрения, традиций, умений и навыков. В них дана характеристика социума как социального пространства, порождающего социальные, экономические, культурные и другие виды риска; осуществляется прогнозирование будущего развития цивилизации; представлено обоснование определяющей роли техники, технологий в жизнедеятельности общества, развитие которых неразрывно связано с наукой, образованием, знанием, информацией как стратегическими ресурсами развития цивилизации. Все эти моменты определяют значимость и важность обращения к данным теориям в процессе реализации поставленной в статье цели.

В исследовании использованы общепризнанные философские методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, от общего к частному), дающие возможность описать современные цифровые риски, раскрыть их роль в жизне-

деятельности личности, выделить положительные и негативные моменты их влияния на современный социум, индивидуальную и социальную субъектность личности.

Результаты исследования и их обсуждение. По мнению У. Бека, современное общество – это общество риска, объектом и субъектом, которого становится сам человек, его деятельность в сфере инновационных технологий, оказывающих влияние на человека, его качество жизни. «Нынешние риски и опасности существенно отличаются от внешне нередко сходных с ними средневековых глобальностью своей угрозы... и современными причинами своего возникновения. Они в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» [5, с. 24].

В работе «Шок будущего» Э. Тоффлер дал характеристику социальному пространству, в котором живёт человек. В момент выхода книги образ жизни, описанный учёным, казался фантазией, утопией. На это обращает внимание профессор П. С. Гуревич в предисловии к книге Э. Тоффлера. Образ будущего, созданный учёным, в условиях архаики, застоя, читался как «фантастический роман». Однако сегодня это стало реальностью. В условиях современной действительности формируется новый человек. Одной из причин появления цифровых рисков становится сам человек, его творческая, инновационная деятельность. Шок – это своеобразная форма адаптации человека к происходящим изменениям окружающей среды и стремление приспособиться к ней. Причиной шока является столкновение человека с изменениями: «...Шок будущего – не отдаленная потенциальная опасность, а реальная болезнь, от которой уже страдает все возрастающее число людей. Это психобиологическое состояние можно описать в медицинских и психиатрических терминах. Это – болезнь перемен» [6, с. 15]. Э. Тоффлер считал, что не человек влияет на окружающее его социальное и природное пространство, а само это пространство оказывает непосредственное воздействие на личность, формируя механизмы её адаптации, каковыми и являются созданные им самим технологии. Результатом реализации таких технологий на практике может стать описанный Э. Тоффлером «электронный коттедж», который существует благодаря цифровым инновациям, формирующим эволюцию человека, качество жизни. В то же время учёный проводит мысль, что со-

временное человечество может погибнуть не из-за истощения природных ресурсов, их исчезновения, а именно из-за психологических нагрузок, невозможности человека приспособиться к изменениям общества. В новом цифровом мире человек утрачивает свою прежнюю индивидуальную и социальную субъектность, формируя новые отношения в сфере распределения, производства, потребления различного рода благ и услуг, трансформируя представления о свободе, ценностно-смысловых устоях социума и жизнеобеспечения, формируя новую сетевую идентичность [7].

В своё время известный участник Римского клуба Дж. Форрестер в первой из работ «Мировая динамика», вышедших в рамках деятельности этой организации, создал модель мировой системы, которая включала человека, социальные системы, технологии и окружающую среду [8, с. 13]. С его точки зрения, гибель человечества может произойти путём нарушения баланса между всеми составляющими модели. Однако главную причину он видел в росте населения, поднимая вопрос об ограничении его численности, что продиктовано тем, что природные ископаемые истощены, существует высокая плотность населения, включающая «... психологические эффекты, войны и угрозы войны, нехватку территорий и даже просто отсутствие места, чтобы побыть одному» [Там же, с. 82].

Идеи, высказанные Э. Тоффлером, не потеряли своей актуальности, именно они позволяют дать ответы на многие реалии сегодняшнего дня, объяснить современные явления, осуществить прогнозы будущего общества.

Многие исследователи, давая оценку социуму современности, обращают внимание на возникновение различного рода рисков. Проблематика риска не является новой для научного знания, к ней неоднократно обращались как зарубежные, так и отечественные учёные (У. Бек, Э. Гидденс, М. Кастельс, Н. Луман, А. В. Мозговая, Г. В. Осипов, О. Н. Яницкий и др.). В настоящее время получает развития рискология как область научного знания, предметом исследования которой являются сами риски, их классификация, функции, технологии предотвращения рисков и т. д. В современном научном знании существуют разные трактовки понятия «риск». Так, У. Бек обращает внимание на то, что риски многообразны, непредсказуемы, неуправляемы, имеют глобальный характер. Кроме того, ставя

вопрос о причинах возникновения рисков, он связывал их с постоянными изменениями, происходящими вокруг и рядом с человеком. Центральное понятие концепции Э. Гидденса – «человек риска» – отражает характеристики и деятельность личности современного ему общества. С точки зрения учёного, риск выполняет функцию организации социальной системы, участниками этого процесса становятся непрофессионалы, воспринимающие риски и пытающиеся к ним приспособиться. Вторая социальная группа – это технические специалисты, производящие риски, с одной стороны, а с другой – стремящиеся им противостоять, используя в своей профессиональной и обыденной жизни созданными ими сами технологии.

В своих рассуждениях Э. Гидденс обращает внимание на то, что риски не только могут снижать рискогенность общества, но создавать новые риски. По мнению Н. Лумана, современное общество как глобальная система само создаёт риски как результат деятельности людей. П. Штомпке рассматривает риски в рамках не экономических, а социальных изменений; риск понимается как разрушение старых традиций, ценностей, идеалов. О. Н. Яницкий на примере современной России выделяет причины возникновения рисков: исторические, культурные, экономические, политические и социальные.

Таким образом, краткий анализ рассмотренных идей позволяет определить общие позиции в понимании риска:

- риск – это определённое состояние общества, которое само создаёт риски и разрабатывает технологии их преодоления;
- риски возникают во всех сферах жизнедеятельности человека;
- риски, выполняя различные функциональные роли, могут стабилизировать социальное пространство, обеспечивать его трансформацию, но могут способствовать его разрушению, появлению негативных явлений, отрицательно влияющих на человека.

Бурное развитие науки, разработка и внедрение в жизнь конвергентных технологий, цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества порождают новые виды рисков (цифровые), рефлексиирующие негативные моменты развития общества в цифровую эпоху. Цифровая эпоха – это общество, в котором бытие человека имеет рискогенный характер, обусловленный приоритетом цифровых технологий (искусственный интеллект, роботизация), знаниями, оказывающими влияние на жизнеде-

тельность личности, создающей свой цифровой образ жизни, цифровые коммуникации, цифровые социальные практики как способ деятельности. Цифровые социальные практики создают новые социальные контакты и формы коммуникации. Основой возникновения цифровых рисков является современная экономика, получившая различные названия: «креативная экономика», «цифровая экономика», «экономика знаний».

В современной науке и практике существуют разные определения понятия «цифровая экономика». Впервые определение этого понятия было дано Д. Тапскоттом в работе «Электронно-цифровое общество». Цифровая экономика, по его мнению, это экономика, осуществляемая путём использования телекоммуникаций. С подробным анализом существующих трактовок данного понятия можно ознакомиться, прочитав статью Т. В. Зверевой «Экономические риски цифровой экономики» [9].

На основе проведённого нами анализ выделены следующие характеристики цифровой экономики: большой массив данных, информационно-коммуникационные технологии; обмен данными в новом формате – в режиме онлайн; прозрачность и простота управления экономическими процессами; быстрота и доступность получения информации и т. д. В данной статье будем использовать определение цифровой экономики, данное в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», как «хозяйственной деятельности, где ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объёмов и использование результатов анализа», которые по «сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹.

В рамках существования цифровой экономики, цель которой – создание и развитие общества знаний, меняется характер труда специалистов. Объектом их деятельности становятся базы данных, а эффективность деятельности зависит от умения и навыков работы с цифровой информацией. Благода-

ря доступности данных, благодаря мобильности и новым технологиям изменяются и формы коммуникации. Существование цифровой экономики способствует росту производительности труда и повышению качества социальных услуг; упрощает и ускоряет процессы коммуникации между государствами, бизнес-партнёрами, индивидами; расширяет сферы их предоставления; изменяет системы управления, снижает уровень бедности; обеспечивает широкие возможности для решения глобальных проблем современности. К числу глобальных вопросов, решение которых связано и возможно в рамках цифровой экономики, специалисты относят: изменение климата, пандемия и её последствия, проблемы в области демографии, социальной сфере, постоянное изменение экономики и др. В современной медицине широкое применение цифровых технологий позволяет вернуть к жизни многих людей, увеличить продолжительность жизни, обеспечить активное участие лиц с ограниченными возможностями здоровья в жизни страны, внедрить новую социально-средовую модель инвалидности в социальную практику. Сегодня активно в жизнь человека начинают использоваться роботы: они могут ухаживать за больными, детьми, доставлять продукты, убирать дом, создавая условия для возможности самосовершенствования и самореализации человека.

Системообразующими факторами развития современного общества являются наука, образование, знание и интеллект. О значимости знаний в развитии человека и общества свидетельствует тот факт, что знания сегодня составляют 3/4 мирового богатства. Именно образование формирует нового человека в рамках диалектического взаимодействия между состоянием цифровой экономики и образованием. Целью современного образования должна стать подготовка креативных, интеллектуальных специалистов, способных активно взаимодействовать с окружающей средой, изменять её и адаптироваться к этим изменениям, используя в арсенале своей деятельности инновационные цифровые технологии, создаваемые ими сами. Цифровая экономика актуализирует необходимость формирования личности творческой, имеющей критическое мышление, владеющей цифровой грамотностью. Важной составляющей образования является формирование ключевых компетенций, детерминирующих деятельность в непрогнозируемых ситуациях. Ключевые компетенции как механизмы успеш-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации; [от 9 мая 2017 г. № 203]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения: 11.02.2021). – Текст электронный.

ности в профессиональной, повседневной жизни были определены в программе развития Совета Европы: «...Автономное действие (самостоятельность и индивидуальная инициатива), использование инструментов (физических и социокультурных средств, включая компьютер, естественный язык и т. д.), функционирование в социально неоднородных группах (толерантность, готовность взаимодействовать с людьми, отличными от тебя самого); политическая и социальная компетентности (разрешение конфликтов ненасильственным путём и участие в поддержании демократических институтов), критическое отношение к информации в средствах массовой коммуникации и рекламе, способность учиться на протяжении всей жизни и т. д.» [10, с. 7]. Сегодня образование должно опережать развитие цифровой экономики, изменять своё содержание и технологии формирования компетенций быстрее, нежели это происходит в экономике. Образование, отражая процессы современной реальности, обязано прогнозировать будущие тренды своего развития, формировать своё будущее во взаимодействии с социально-экономическими процессами. Если эта задача не будет выполнена, то образование будет готовить специалистов, уже не востребованных экономикой, что может стать основой возникновения цифрового риска в области образования как своеобразной формы разрешения противоречия между социально-экономическим развитием и содержанием образования. Ключевым трендом современного образования должно стать формирование медиаинформационной грамотности. Это понятие, фиксируя задачи и цели образования социума двадцать первого века, было предложено ЮНЕСКО в 2007 г. Медиаинформационная грамотность представляет собой комплекс компетенций, важных и значимых для организации взаимодействия субъектов информационного пространства с информацией и медиа; комплекс знаний, умений, навыков, различных компетенций, обеспечивающих цифровую, информационную и технологическую грамотность, формы коммуникации в процессе использования и распространения информации и данных.

Следует обратить внимание и на то, что в сферу образование вошло новое поколение – цифровое «поколение Z» (концепция поколений Н. Хоува и В. Штрау). Именно с этим поколением будет связано будущее

цифровой экономики, а стало быть, и будущее общества.

Поколение получило название «цифровые дети». Оно отличается изменениями памяти, интеллектуальных способностей, мышления, форм социальных практик (формой общения становится интернет-общение). Представители этого поколения умеют работать с различной информацией, могут использовать её при необходимости; свободно чувствуют себя в социальном пространстве, могут легко и быстро переключаться с одного вида деятельности на другой [11]. Другой характерной чертой этого поколения является клиповость сознания как способность воспринимать мир через различные образы (лента новостей, небольшие статьи, клипы в интернете и др.)¹. Все эти моменты актуализируют необходимость внедрения инновационных технологий в образовательную среду.

Развитие образования детерминировано двумя группами факторов, взаимосвязанными между собой. Первая группа – это сама цифровая экономика, вторая группа – формирование нового объекта образовательного процесса, которое необходимо учитывать при разработке стандартов образования, новых форм, способов и технологий обучения, при формировании нового подхода к организации современного образовательного процесса. Новый подход – это изменение в образовательном процессе места педагога и учащегося. Образовательный процесс должен быть сконцентрирован вокруг ученика, взаимодействующего с педагогом в рамках гуманистической педагогики сотрудничества. Игнорирование этих моментов может стать причиной возникновения рисков не только в сфере образования, но и других областях жизнеобеспечения общества.

Цифровая экономика способна обеспечить достойную жизнь человека в новом формате: формате цифровых технологий (потребительский и промышленный интернет-вещей, виртуальная реальность, блокчейн, криптовалюта, роботизация, искусственный интеллект, конвергентные технологии и др.) [2]. На этот момент было обращено внимание Всемирного банка в «Докладе о мировом развитии в 2016 году», где подчёркивалось, что «цифровая экономика

¹ 30 фактов о современной молодёжи: исследование Сбербанка и Validata. – Текст: электронный // Янкспейс. – 2017. – № 11. – URL: <http://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi> (дата обращения: 16.02.2021).

приведет к преобразованию мира со знаком «плюс»¹.

Наряду с положительными эффектами цифровая экономика рождает и множество так называемых «цифровых рисков». В современном мире идёт процесс формирования нового человека, находящегося в непосредственной зависимости от цифровых технологий и коммуникаций. Новый человек – хомо коммуникативус – человек общающийся (*Homo communicatio* – человек связи) приходит на смену хомо сапиенсу – человеку разумному [12]. Представители трансгуманизма как философско-антропологического учения считают, что преодолеть все современные риски возможно только с созданием *постчеловека*, который продолжит биологическую эволюцию человека, сохраняя тем самым человеческую цивилизацию. Этот человек лишён всех человеческих качеств (сострадания, любви, эмоциональных отношений с другими людьми, традиций, ценностей): он – носитель технологического мышления. Описание такого человека было дано Г. Марселем: «Технически мыслящий человек относится ко всему как к проблеме, которую можно решить, не вкладывая в нее душу; и не замечает тайны человеческого существования, которая познается лишь через вовлеченность всей личности. Такой человек видит в других людях объекты, которыми можно манипулировать» [Цит. по: 12, с.18].

Среди цифровых рисков следует отметить рост безработицы, снижение уровня жизни, стагнацию размера заработной платы, причиной которых становятся цифровизация, автоматизация, роботизация производства, а также исчезновение отдельных сфер профессиональной деятельности. Однако позицию о наличии этих рисков в цифровой экономике разделяют не все. Так, Всемирный банк придерживается позиции, что цифровая экономика, напротив, будет способствовать росту занятости населения. По мнению экспертов Всемирного экономического форума, усиление процесса цифровизации приведёт к сокращению к 2025 г. 75 млн рабочих мест. С другой стороны, результатом цифровизации станет появление 133 млн новых рабочих мест, связанных с роботами и искусственным интеллектом

¹ Доклад о мировом развитии 2016. Цифровые дивиденды: обзор группы Всемирного банка. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIANWebRes-Box-394840B-OOU-9.pdf> (дата обращения: 06.02.2021). – Текст: электронный.

[13]. Р. Аткинсон считает: «Не надо бояться, что развитие информационно-коммуникационных технологий приведет к росту безработицы. Нет фактического материала, что это приводит к таким последствиям» [14, с. 25]. В подтверждение этой точки зрения можно привести слова К. Шваба, его оценку реальности цифровых рисков для развития человека, на примере состояния сельского хозяйства США: «В начале века в нём было задействовано более 70 % рабочей силы, тогда как сейчас всего 2 %. Тем не менее, сейчас мы не голодаем, фермеры не устраивают протестные митинги, а сельское хозяйство, наоборот, динамично развивается. Точно так же произойдёт и с исчезновением других профессий: рынок просто предоставит людям новые рабочие места» [15]. Хотя люди, занятые в исчезающих сферах производства, не всегда могут использовать свои навыки, умения, способности в инновационных отраслях производства в силу уровня образования, имеющихся знаний, психологических особенностей. Сегодня роботы, искусственный интеллект заменяют рабочих, осуществляющих свою деятельность на конвейерах, усиливается разрыв в качестве и уровне жизни между представителями низко и высоко оплачиваемых профессий. Кроме того, следует отметить, что одной из причин роста безработицы становится цифровое неравенство.

К числу рисков цифровой экономики можно отнести и такой, как становление общества, «сконцентрированного на себе». В эпоху цифровых технологий усиливается индивидуализм личности, её автономность, что обусловлено общением через интернет, осуществлением профессиональной деятельности с помощью информационных технологий. Современное поколение общается в мессенджерах, соцсетях, которые заменяют личные контакты. Эта тенденция получила своё широкое воплощение в социальной практике в период пандемии Covid-19, когда жизненное пространство личности было ограничено домом.

Цифровые технологии сегодня активно формируют отношения между людьми, жизненные стратегии личности. Успешность человека во многом определяется его умением использовать цифровые компетенции в профессиональной и повседневной жизни. Однако сегодня, несмотря на широкое распространение цифровых технологий, отдельная часть населения не владеет компьютерной грамотностью, не имеет возможности использования цифровых технологий.

«У половины населения земного шара нет мобильных телефонов, а 450 млн человек всё ещё живут в районах, куда не доходит сигнал мобильной связи. Около 90 % населения стран с низким уровнем дохода и более 60 % мирового населения ещё не пользуются сетью Интернет. Наконец, среди существующих мобильных телефонов все ещё преобладает техника старого поколения» [16, с. 62].

В настоящее время практика цифровой экономики рождает ряд противоречий между:

- необходимостью формирования профессионалов, подготовка которых должна отвечать требованиям цифровой экономики, и между уменьшением способности людей самостоятельно мыслить, иметь свою точку зрения, за счёт широкого использования цифровых технологий;

- цифровым поколением и поколением их родителей, бабушек и дедушек как носителей разных ценностей, компетенций, жизненных стратегий, форм общения;

- теми, кто активно воспринимает новые технологии, использует их в своей жизни, и теми, кто сопротивляется их применению [17].

Уже шла речь об активном внедрении цифровых технологий в медицину, что позволило решить множество проблем людей, имеющих различные заболевания. Однако многие современные медицинские технологии недоступны части населения, что ещё в большей степени усиливает социальное неравенство. Одной из цифровых технологий является искусственный интеллект (далее – ИИ), широко применяемый сегодня в медицине, научных исследованиях, повседневной жизни, выполняющий различные

функции [18]. Однако, как отмечает ряд исследователей, использование данной технологии может порождать ряд рисков. ИИ в определённых условиях может нарушить заложенную в него программу, и человек окажется не в состоянии противостоять его действиям. В связи с чем ряд учёных считают, что широкое внедрение ИИ в профессиональную деятельность и повседневную жизнь актуализирует необходимость установления правил взаимоотношения между робототехникой и человеком.

Заключение. Цифровые технологии охватывают все сферы жизнедеятельности общества, меняя его, окружающую среду, государство и самое главное – человека.

Становление цифровой экономики, процесс цифровизации являются основным трендом современности, именно с этими процессами связано будущее человечества. Результатом существования и постоянной эволюции цифровой экономики как феномена социально-экономической действительности будут обеспечение достойного качества жизни населения; повышение производительности труда; расширение возможностей и условий для удовлетворения потребностей человека, личностного и профессионального, карьерного роста; создание условий для дальнейшего научно-технического прогресса. В то же время развитие цифровой экономики несёт в себе множество различных рисков, оказывающих негативное воздействие на общество и человека. Именно эти риски и сведение их к минимуму стимулируют необходимость разработки новых цифровых технологий, обеспечивающих комфортное существование человека.

Список литературы

1. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель, Corpus, 2011. 317 с.
2. Зборовский Г. Е. Перспективы и сценарии развития социологии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 19–31.
3. Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s // The Sociological Review. 1997. Vol. 45, No. 1. P. 3–204.
4. Гофман, А. Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Университет, 2001. 216 с.
5. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 557 с.
7. Лига М. Б., Щеткина И. А. Технологии обеспечения новой архитектуры качества жизни в эпоху четвертой промышленной революции // Гуманитарный вектор. 2020. № 4. С. 8–16.
8. Форрестер Дж. Мировая динамика: пер. с англ. М.: Наука, 1978. 167 с.
9. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / пер. с англ. И. Дубинского; под ред. С. Писарева. Киев: ITN Пресс; М.: Рефл-бук, 1999. 403 с.
10. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. 383 с.
11. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Продуктивная педагогика. 2015. № 8. С. 2–9.

12. Чешко В. Ф., Кулиниченко В. Л. Наука, этика, политика: социокультурные аспекты современной генетики. Киев: ПАРАПАН, 2004. 228 с.
13. Ахапкин Н. Ю., Волкова Н. Н., Иванов А. Е. Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 51–65.
14. Barcaccia B. Quality Of Life: Everyone Wants It, But What Is It? Текст: электронный // Forbes. Education. Retrieved. 2013. 4 September. URL: <https://www.forbes.com/sites/iese/2013/09/04/quality-of-life-everyone-wants-it-but-what-is-it/#4954b3be635d> (дата обращения: 15.01.2021).
15. Мануков С. А. Четвёртая промышленная революция в Давосе. URL: <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revolutsiya/> (дата обращения: 15.01.2021). Текст: электронный.
16. Schwab K. Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. London: Random House-Penguin, 2018. 288 p.
17. Зверева Т. В. Экономические «риски» цифровой экономики // Проблемы анализа риска. 2017. № 6. С. 22–29.
18. Соколов Ю. И. Риски цифрового будущего // Проблемы анализа риска. 2017. № 6. С. 6–21.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021; принята к публикации 22.02.2021

Сведения об авторах

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: m-Liga@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4068-9709>.

Щеткина Ирина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: irinasocio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>.

Вклад авторов в статью

- М. Б. Лига – основной автор, обобщение итогов реализации коллективного проекта.
И. А. Щеткина – систематизация материала, формулировка выводов.

Источники финансирования статьи

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы № 329-ГР реализации гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Социальное партнёрство государства и социально ориентированных некоммерческих организаций в обеспечении достойного качества жизни населения».

Библиографическое описание статьи

Лига М. Б., Щеткина И. А. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38.

References

1. Lanir, J. You are not a gadget. Manifest. M: Astrel, Corpus, 2011. (In Rus.)
2. Zborovskiy, G. E. Perspectives and scenarios of development sociology. Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, no. 2, pp. 19–31, 2013. (In Rus.)
3. Parker, D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s. The Sociological Review, no. 1, pp. 3–204, 1997. (In Engl.)
4. Gofman, A. B. Seven lectures on the history of sociology. M.: University, 2001. (In Rus.)
5. Bek, U. Risk Society: On the way to another modern. M: Progress-Tradiciya, 2000. (In Rus.)
6. Toffler, A. Future Shock. M.: ACT, 2002. (In Rus.)
7. Liga, M. B., Shchetkina, I. A. Technologies for Providing a New Architecture of Quality of Life in the Era of the Fourth Industrial Revolution. Humanitarian Vector, no. 4, pp. 8–16, 2020. (In Rus.)
8. Forrester, J. World dynamics. M: The science, 1978. (In Rus.)
9. Tapscott, D. Electronic-digital society: Pros and cons of the era of network intelligence Kiev: ITN Press; Moscow: Refl-buk, 1999. (In Rus.)
10. Measurement and evaluation of the level of universal competences of students in the development of educational programs of bachelor, master, specialist. Yaroslavl: RIO YaGPU, 2018. (In Rus.)
11. Sapa, A. V. Generation Z-generation of the era of the Federal State Educational System. Productive Pedagogy, no. 8, pp. 2–9, 2015. (In Rus.)
12. Cheshko, V. F., Kulinichenko, V. L. Science, ethics and politics: social and cultural aspects of modern genetics. Kiev: PARAPAN, 2004. (In Rus.)

13. Akhapiin, N. Yu., Volkova, N. N., Ivanov, A. E. Development of the digital economy and prospects for the transformation of the Russian labor market. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, no. 5, pp. 51–65, 2018. (In Rus.)
14. Barcaccia, B. Quality of Life: Everyone Wants It, But What Is It? Forbes. Education. Retrieved, 4 September, 2013. Web. 15.01.2021. <https://www.forbes.com/sites/iese/2013/09/04/quality-of-life-everyone-wants-it-but-what-is-it/#4954b3be635d>. (In Engl.)
15. Manukov, S. A. The 4th Industrial Revolution in Davos. Web.15.01.2021. <https://www.expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revolyutsiya/>. (In Rus.)
16. Schwab, K. Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. London: Random House-Penguin, 2018. (In Engl.)
17. Zvereva, T. V. Economic risks of the Digital Economy. Problems of risk analysis, no. 6, pp. 22–29, 2017. (In Rus.)
18. Sokolov, Yu. I. Risks of the digital future. Problems of risk analysis, no. 6, pp. 6–21, 2017. (In Rus.)

Received: January 17, 2021; accepted for publication February 22, 2021

Information about author

Liga Marina B., Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: m-Liga@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4068-9709>.

Shchetkina Irina A., Candidate of Sociology, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: irinasocio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>.

Contribution of authors to the article

M. B. Liga – the main author, who summarized the results of the implementation of the collective project.
I. A. Shchetkina – systematized the material, formulated conclusions.

Sources of article funding

The article was prepared within the framework of the research work No. 329-GR implementation of the scientific grant of the Council for Scientific and Innovation Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Trans-Baikal State University" on the topic "Social partnership of the state and socially oriented non-profit organizations in ensuring a decent quality of life for the population"

Reference to the article

Liga M. B., Shchetkina I. A., A Man in the Era of Digitalization of Society // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 29–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-29-38.

УДК 1.14

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-39-45

Азимли Азиз Шахин Оглы,*Самарский национальный исследовательский университет**им. академика С. П. Королёва**(г. Самара, Россия),**e-mail: azimliaziz@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-6682-100X>*

Технократия как мировоззрение

Статья направлена на рассмотрение положения человека и общества в процессе развития философии техники и технократии, связанного с развитием технического прогресса в Европе и Северной Америке в XIX в. Вопрос об отношениях внутри системы «человек – машина» попал в центр внимания представителей многих отраслей гуманитарного знания: социологов, историков, психологов и, конечно, философов. Его рассмотрение строится на основе метода анализа и синтеза научных трудов от Платона до Ф. Дессауэра, которые говорили о важной роли науки и техники в развитии общества. Отражением возросшего влияния сферы техники на жизнь людей стало появление технократических концепций. В них отразились не только видение современных проблем эволюции технической сферы, но и взгляд на её будущее развитие. Краеугольным камнем концепций технократии стала идея о переходе политической власти к социальному слою технократов. С помощью своих научных знаний они смогли бы внести упорядоченность и рациональное планирование в общественные процессы, построить общество на идеях эффективности. Однако на протяжении всего XX в. слои населения, относящиеся к технократам (научно-техническая интеллигенция, руководители заводов и фабрик, учёные и инженеры), не представляли единой политической силы. В свою очередь, они повсеместно привлекались в качестве экспертов для обсуждения проблем развития экономики, где они более приспособивались к существующим политическим режимам, нежели старались их видоизменить. Трансформация технократических слоёв населения, их политические взгляды и предпочтения, влияние на общественно-политическую ситуацию в стране стали основными вопросами соответствующих философских концепций, а XXI в. положение человека в технологическом обществе – одной из актуальных тем.

Ключевые слова: философия техники, система «человек – машина», технократия, научно-технический прогресс, политическая власть

Aziz Sh. O. Azimli,*Samara National Research University**(Samara, Russia),**e-mail: azimliaziz@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-6682-100X>*

Technocracy as the Ideology

The study examines the position of a man and society in the philosophy of technology and technocracy development that were connected with the technological progress in Europe and North America in the 19th century. The issue of relations within the “man – machine” system has become a great interest among sociologists, historians, psychologists and philosophers. The study is based on methods of analysis and synthesis of scientific writings from Plato to F. Dessauer, who referred to the important role of science and technology in the society development. The technology increasing impact on people’s lives was reflected in the emergence of technocratic concepts. They reflected the vision of technological evolution modern problems and a vision of its future development. The cornerstone of the technocracy concepts was the idea of political power transition to the technocrats’ social layer. However, during the 20th century, technocrats’ categories like scientific and technological intelligentsia, plants and factories heads, scientists and engineers did not constitute a unified political power. They were invited to discuss the economic development problems, as experts, where they were adapted to the existing political regimes rather than trying to modify them. The technocratic strata of population transformation, their political views and preferences, the impact on the socio-political situation in the country had become the main topics in the respective philosophical concepts. Thus, one important issue is man’s status in a technological society, which in turn is a relevant topic for study in the 21st century, the century of technology.

Keywords: philosophy of technology, “man – machine” system, technocracy, scientific and technological progress, political power

Введение. В течение XX – в начале XXI в. отношение к технике развивалось неоднозначно, переживало амплитудные коле-

бания. До сих пор в общественном сознании существуют полярные точки зрения. Прогресс конца XIX – начала XX в. породил уверен-

© Азимли Азиз Шахин Оглы, 2021

ность в безграничной силе технического знания, его способности оказывать решающее влияние на мировую цивилизацию. Эта уверенность была поколеблена двумя мировыми войнами и дальнейшей гонкой вооружений, но всегда сохраняла своё влияние на философский дискурс. С новой силой она возродилась на новом витке научно-технического прогресса, во многом совпавшем с окончанием холодной войны. Постепенно техника стала наполняться гуманитарным значением и смысл её существования стал неотделим от человеческого бытия. Однако новые угрозы, в первую очередь, опасность экологических и техногенных катастроф, снова поставили под сомнение позитивное звучание технического дискурса. В своём исследовании мы будем говорить о роли и месте человека в эпоху развития технического прогресса, идей о философии техники и технократических концепциях.

С небольшим отставанием относительно философии техники, на стыке двух этих понятий появлялись технократические концепции. Сам термин «технократия» был введён в 1919 г. в американскую общественную мысль инженером У. Г. Смитом. Тогда же большую роль в рассмотрении роли научно-технических специалистов, в руководстве социально-экономическими и политическими процессами в государстве внёс американский социолог и футуролог Т. Б. Веблен [1, с. 55]. В своей концепции он связывал материальное окружение и социальные институты. Запаздывание последних по отношению к внешней среде создаёт динамику общественного развития. Т. Веблен считал, что любая социальная общность представляет собой механизм, состоящий из социально-экономических институтов, т. е. привычных способов осуществления общественной жизни в её связи с материальным окружением [2, с. 613].

Современное государство не может оставаться в стороне от технического развития: во-первых, это будет означать отставание в экономической и военной сфере и нести риски для безопасности самого государства; во-вторых, усиливать технологическую зависимость от внешних сил. Концепция технократии предполагает активное участие во власти представителей технического знания. Это участие выражено не только в экспертной помощи профессиональным политикам, поскольку это уже существует и существовало достаточно давно, концепция технократии предполагает именно управление государством как преобразующего субъ-

екта социальной действительности инженерами и учёными. Вместе с тем, здесь кроется опасность политизации науки, превращения её в инструмент популизма [3, с. 207].

Термин «технократия» имеет несколько значений. В целом он означает общественный строй, при котором жизнь людей регулируется учёными и инженерами, исходя из научно детерминированной рациональности. Причём имеются в виду науки математико-инженерного цикла, а не гуманитарные. В современной социальной философии термин «технократия» означает варианты социального переустройства человеческой цивилизации, построенной на использовании технических знаний и методов.

Концепции технократии следуют социально-экономической и технологической трансформации общества, синтезируя в себе достигнутый уровень научно-технического прогресса и будущее его видение.

Методология и методы исследования. В исследовании использовались методы анализа научной литературы и синтеза проанализированной информации, взятой из научных источников, касающихся философии техники, технократии и технического знания.

Начало современной философии техники, как впрочем и других отраслей философского знания, были заложены в эпоху Древней Греции. Например, Платон сопоставлял Демиурга, создающего Космос, и ремесленника, создающего технический объект [4, с. 16]. Установление причинно-следственной связи между наличием технического знания и обладанием политической власти также предпринималось ещё в античную эпоху. Платон выделял три класса общества: простолюдины, воины и философы. Власть последних напоминает современные технократические концепции, и мысль о наделении специалистов властью является отражением платоновской идеи, с той лишь разницей, что философов заменили инженеры и технари. Во многом платонизм стал базой для развития аналитической философии техники в XX в. [5, с. 86]. Управление обществом, основанное на научных принципах, встречается у Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, А. Сен-Симона. Последний характеризовал будущее общество как «промышленно-научную систему» [6, с. 25].

Вера в технический прогресс нарастала вместе с развитием Европы в Новое время. Современные исследователи указывают на связь технократических концепций и идей мыслителей этой эпохи [7, с. 21]. Впе-

чатляющие успехи в XVII–XVIII вв., которых европейские страны достигли на базе промышленных революций и порождённой ею новой социально-политической реальности, заставили поверить в безграничную силу технического прогресса, породили своего рода «технологический оптимизм». Разные побочные эффекты в виде движения луддитов в Англии были преодолены политическими мерами, и к началу XX в. в европейских странах царил безудержный культ техники и научного знания. Однако страх перед техникой и перспективы «забвения духа» в угоду машине всё же сохранились в европейской мысли. Первая мировая война актуализировала их весьма существенно. Ожидание заката Европы было связано с обозначаемой механической бездушностью общества и страхом перед мощью военной техники. «Новое средневековье», описанное Н. А. Бердяевым, означало регресс не только в общественной мысли, но и в понимании сущности технического прогресса. Неудивительно, что «технологический оптимизм» вновь приобрёл популярность в Северной Америке, в целом избежавшей ужасов войны. Можно сказать, что идеология технократизма получила своё развитие именно там и уже в 1920-е гг. попала в Европу из-за океана [8, с. 79].

Возникновение технократии стало возможным именно в XX в., поскольку явилось следствием формирования индустриальной цивилизации второй половины XIX в. Промышленная революция породила крупное машинное производство и слои предпринимателей и наёмных рабочих. Усложнение технических параметров крупного производства создало крупную прослойку научно-инженерных кадров. По аналогии с пролетариатом, творцы концепции технократии наделили её политическими интересами и взглядами и пришли к утопическому видению будущего развития технократической цивилизации. Во многом эти концепции противостояли марксизму с его идеей о нивелировании значения «белых воротничков» в будущем и их смешивании с пролетарскими массами [9, с. 109]. Марксизм после победы революции 1917 г. в России и революционных потрясений в Европе представлял собой реальную идеологическую силу. Концепция технократии тогда играла не только роль предвидения будущего, но и имела социально-политический смысл, противопоставляя себя популярным коммунистическим идеям.

Интересно, что анализируя дискуссии первой половины XX в., Ф. Дессауэр даёт характеристику движению технократов, за-

родившемуся в 1920-е гг., как «своего рода социологическому учению о спасении, заточенному против частнокапиталистической системы, обозначаемой ими в качестве "ценовой системы"» [10, с. 23]. Группа технократов объединила инженеров, представителей естественных наук и учёных-экономистов, таких как Т. Веблен. Первоначальной задачей группы был расчёт производственных возможностей как базиса планового производства и распределения в противовес стихии рынка. Технократы утверждали, что использование техники порождает производительность, неминуемо ведущую к кризисам перепроизводства. Ф. Дессауэр иронично называл представителей технократических концепций «односторонним движением говорливых энтузиастов», но, тем не менее, находил в их мыслях рациональное зерно, предполагающее «осознание повышения эффективности, возможности сокращения рабочего времени, проблему свободного времени, технические аспекты управления, возможности прогрессирующей автоматизации» [цит. по: 11, с. 82]. Главную ошибку технократов Ф. Дессауэр видел в «узком кругозоре» и ограниченности их знаний, не позволяющих использовать максимально возможное число факторов и ранжировать их по значимости.

В XX в. появилось несколько вариантов концепции технократии: от утопических взглядов о возможности рационального управления общественной эволюцией до рассмотрения технократов как части элиты современного общества [12, с. 119].

Результаты исследования и их об-суждение. Современный этап развития человечества характеризуется всепроникающим влиянием техники на жизнь человека. События 2020 г., связанные с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, показали зависимость целых социальных институтов от технических средств. Именно техника позволила обеспечить функционирование системе образования, т. е. школьникам и студентам обучаться, учителям, преподавателям и учёным проводить исследование и вести занятия. Перевод части работников на дистанционную работу, возможно, показал варианты дальнейшего развития эргономики труда. Технические средства позволили в сложных условиях продолжать работу в существенных секторах мировой экономики.

Развитие техники достигло такого этапа, что человек воспринимается как своего рода продолжение своих технических объектов. Они становятся проводником идей, которые

задаются вне понятийного поля человека и активно формируют его реальность. С одной стороны, искусственный мир, создаваемый социальными сетями и компьютерными играми, с другой – активное влияние на сознание человека информации, полученной из сети, делают его зависимым от виртуального мира. Развитие робототехники, биотехнологий, создание искусственного интеллекта подводят мир к так называемой «точке технологической сингулярности», когда научно-технический прогресс становится независимым и самодостаточным процессом [13, с. 51].

Развитие науки и техники во второй половине XX в. привело к возникновению мысли о трансформации научно-технического знания в политическую реальность и о необходимости наделения научно-технической интеллигенции властными полномочиями. Различные модели такой эволюции характеризовались в работах Т. Веблена, Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, З. Бжезинского и многих других. Но в отличие от пролетариата (вернее, партий, которые декларировали его интересы), технократические слои не претендовали на политическую власть и в целом на политические лозунги, ограничиваясь сугубо экономическими интересами. Современная эпоха так и не стала временем прихода технократических слоёв к власти. В литературе по-разному объясняется этот процесс. Что касается истории современной России, то политическая инертность технократических слоёв связывается с логикой «специфического российского бизнеса», навязывающего правила российским технократам [14, с. 15].

Общественно-политическое пространство современной России, находящееся в перманентном ожидании кризиса, связанного постоянным ожиданием, с «переходом власти» демонстрирует определённое внимание к социально-философскому контексту понятия власти и «правлящего отбора». Синтез советских и в целом российских идеологем сохраняет уважительное отношение к инженерным профессиям как носителям советского менталитета, в котором по своей значимости эти профессии стояли очень высоко. Мифологемы постсоветского человека основаны на воспоминаниях о технических прорывах советского общества, в пике современным успехам в области развития сферы торговли и услуг. «Советский технократизм» как вектор развития государства в области образования, экономики и внутренней политики строился на базе социального слоя научно-технической интеллигенции [15, с. 41].

Промежуточное звено в развитии эволюции политической власти в сторону технократического устройства – широкое привлечение экспертов для формирования научно обоснованной политики. Но здесь кроется принципиальное противоречие, заложенное в самой природе научного познания. Учёные не могут ответить на все вопросы и дать точную характеристику будущему развитию человечества, соответственно, их прогнозы в значительной степени неопределённые, основаны на моделях и гипотезах. Это может порождать ситуацию дискуссии как внутри экспертного сообщества, так и между политическими силами, которые на них опираются. Для снижения этой напряжённости на первый план в экспертном сообществе должны выдвигаться меж- и трансдисциплинарные направления, о чём и писал В. М. Горохов [16, с. 12].

Конвергенция технического и социального становится насущной проблемой технократического строя. Специализация технических работников вызывает необходимость координации их деятельности в рамках больших проектных групп или исследовательских институтов, следовательно порождает слой научных бюрократов-управленцев, которые несмотря на своё технократическое происхождение, уже относятся к иному слою и защищают иные интересы [17, с. 78]. Технократия не представляет собой оформленной политической силы, приспособившаяся к тому режиму, который фактически осуществляет власть в стране. Это относится как к демократическим, так и тоталитарным и авторитарным режимам. И в современных западных странах, и в Германии 1930-х гг., и в Советском Союзе второй половины XX в. технократия играла существенную роль, особенно при выработке хозяйственно-политических решений, однако не составляла той силы, которая реально претендовала бы на власть [18, с. 92].

Если предположить, какие именно люди должны быть допущены к управленческим решениям, то очевидно, что помимо научных заслуг и высоких интеллектуальных способностей, они должны обладать нравственно-этическими качествами. Но этика – понятие достаточно релятивистское, сама по себе она не может служить критерием отбора в технократическую элиту, гипотетически претендующую на политическую власть. Соответственно ситуация реализации «правлящего отбора» уже порождает противоречия, которые делают проект технократической власти утопичным [19, с. 347].

Сама по себе возможность реализации технократии, именно как политического режима, вновь поднимает сложные вопросы общественного и индивидуального бытия: от смысла жизни каждого конкретного человека до вопросов эволюции и отбора элит будущего мира. Эволюция общества в будущем неизбежно поставит вопрос о новом соотношении в системе «человек – машина». В новых условиях элементы технократии в политическом управлении будут нарастать и количественно, и качественно, влияя на социум. Соответственно вопрос о соотношении политической сферы и экспертно-научного сообщества, о выработке научно обоснованных прогнозов управления обществом, о своевременности и эффективности использования научного сообщества в управлении общественным развитием будет стоять не менее остро, нежели сейчас.

Заключение. Дальнейшее развитие техники связано с оценкой её роли в развитии мировой цивилизации, с возможными рисками технических инноваций, с быстрым изменением материальных условий жизни людей и трансформацией традиционных институтов, в первую очередь, политических и социально-экономических. Самым важным вопросом остаётся положение человека в мире, насквозь пронизанном техническими орудиями, живущем в эпоху перманентной научно-технической революции. Будущее ставит вопросы о целях деятельности человека, её этапах, структуре и ресурсах субъектов её осуществляющих [20, с. 61].

Многие авторы отмечают неизбежность новой технологической революции и дальнейшей социальной трансформации. Общество, в том числе его политическая подструктура, будет вынуждено подстраиваться под реалии жизни [21, с. 137]. Реализацию

технократической концепции оценивают как одно из важнейших условий социально-экономического прогресса: «Опыт становления современной экономики в различных странах мира показывает, что успех достигается там, где в системе принятия решений заметную роль играет технократия» [22, с. 4].

Нельзя сказать, что абсолютно все футурологи безусловно поддерживают технический прогресс и концепцию технократии как социального слоя, решающим образом влияющего на политическую власть. Некоторые из них с ужасом всматриваются в будущую реальность, связывая, например, адронный коллайдер с приближающимся вялотекущим самоапокалипсисом [23, с. 221].

Расширение роли техники в жизни человека порождает, с одной стороны, развитие технократического мышления, с другой, его критику. Ведь технократическое мышление по определению решает узкие задачи развития «своего проекта», не учитывая всю совокупность многогранных проблем. Главной проблемой является то, что человек при технократическом мышлении становится не субъектом, а объектом приложения управленческих усилий, действуя в неразрывной связи с машиной [24, с. 62]. В современном общественном сознании присутствует отрицательное отношение к технике и техническому прогрессу, поскольку его рациональность и системность грозит заменить свободу человеческого духа, превратить человека в «серийное существо».

Конечно, технократия представляет собой во многом утопическую концепцию рациональной организации общества, вместе с тем само её существование есть не что иное, как попытка предвосхитить будущее, определить основные параметры развития человеческого общества в XXI в.

Список литературы

1. Азимли А. Ш. О. Социальная оценка роли техники в технократических концепциях XX–XXI веков // Гуманитарный вектор. 2020. № 4. С. 53–58.
2. Foresti T. American economics at the turn of the 20(th) century: Thorstein B. Veblen, Alfred Marshall, and the methodological foundations of institutionalism // Journal of the History of Economic Thought. 2010. Is. 4. P. 613–615.
3. Collins H., Evans R. Populism and Science // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. No. 4. P. 200–218.
4. Воронцов Е. А. Человек в условиях надвигающейся технократии // Интеллектуальные технологии и средства реабилитации и абилитации людей с ограниченными возможностями (ИТСТР-2017): материалы II Всерос. конф. М.: МГТУ, 2018. С. 15–17.
5. Нестеров А. Ю. Платонизм в аналитической философии техники: прагматическое правило в проективном семиозисе // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 4. С. 86–94.
6. Бычков С. Ю. Представление об элите в технократических концепциях XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2011. № 2. С. 25–30.
7. Laniuk Y. Utopia revived? Parag Khanna's technocracy in America and Thomas More's Utopia // Journal of Dharma. 2020. No. 1. P. 9–28.

8. Михайловский А. В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров // *Философские науки*. 2013. № 7. С. 79–95.
9. Кочергин Д. Г. О влиянии технократического мышления на становление постиндустриальной теории // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2011. № 3. С. 107–110.
10. Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 С.
11. Skrbina D. German Metaphysical Insights Dessauer, Juenger, Heidegger // *Metaphysics of Technology*. 2015. Vol. 94. P. 70–93.
12. Makeev С. В. Технократизм как объект философского исследования и теории (концепции) технократизма как предмет историко-философского анализа // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»*. 2008. № 1. С. 114–127.
13. Ефременко Д. В. Техника в политическом измерении: от мегамашины до нанороботов et vice versa // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. № 4. С. 46–63.
14. Мохов В. П., Железняк В. Н., Столбова Н. В. Техника, технология и инженерное творчество как предмет исследования и фактор формирования смыслообразующего пространства (на примере научного журнала «Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право») // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета*. 2017. № 2. С. 7–17.
15. Костерев А. Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. № 58. С. 41–47.
16. Горохов В. Г. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 2012. № 12. С. 3–23.
17. Фарукшин М. Х. Технократия: надежды и риски // *Социологические исследования*. 2019. № 5. С. 76–86.
18. Николаев А. Н. Становление и трансформация советской технократической элиты // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право*. 2018. Вып. 273, № 2. С. 83–95.
19. Linde A. N. Comparative analysis of cases of technocratic governance and deliberative-democratic self-rule in internet sphere // *Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*. SPb: Saint-Petersburg Polytechnic University, 2019. С. 345–350.
20. Нестеров А. Ю., Горбунов Д. В. Технологическое будущее России: вызов «третьей природы» // *Вестник Самарского университета. Аэрокосмическая техника, технологии и машиностроение*. 2017. № 4. С. 60–71.
21. Вздорова Л. П. Шестой технологический уклад: технократия как возможный режим управления государством // *Евразийское научное объединение*. 2017. № 11. С. 136–138.
22. Коваленко И. Н. Информационное общество и элитарность технократии // *Науковедение*. 2010. № 4. С. 1–6.
23. Кутырев В. А. Прогресс транстехнологий как отрицание человека: критические точки взаимодействия // *Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. 2016. № 6. С. 209–221.
24. Кулюткин Ю. Н. Технократия и гуманизм // *Человек и образование*. 2005. № 2. С. 61–65.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021; принята к публикации 17.03.2021

Сведения об авторе

Азимли Азиз Шахин Оглы, аспирант, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва; 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: azimliaziz@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6682-100X>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-011-00462А «Философия техники Фридриха Дессауэра: эпистемология и антропология реалистской теории творчества».

Библиографическое описание статьи

Азимли Азиз Шахин Оглы. Технократия как мировоззрение // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 2. С. 39–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-39-45.

References

1. Azimli, A. Sh. O. Social Assessment of the Role of Technology in the Technocratic Conceptions of 20th – 21st Centuries. *Humanitarian Vector*, no. 4, pp. 53–58, 2020. (In Rus.)
2. Foresti, T. American Economics at the Turn of the 20th Century: Thorstein B. Veblen, Alfred Marshall, and the Methodological Foundations of Institutionalism. *Journal of the History of Economic Thought*, is. 4, pp. 613–615, 2010. (In Engl.)
3. Collins, H., Evans, R. Populism and science. *Epistemology & Philosophy of Science*, no. 4, pp. 200–218, 2019. (In Engl.)

4. Vorontsov, E. A. Man in the Process of Impending Technocracy. Intellectual technologies and the rehabilitative and habilitative means for people with disabilities (ITSR-2017): II All-Russian conference. M: MGGEU, 2018: 15–17 (In Rus.)
5. Nesterov, A. Y. Platonism in the Analytical Philosophy of Technology: Pragmatic Rule in Projective Semiosis. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, no. 4, pp. 86–94, 2016. (In Rus.)
6. Bychkov, S. Yu. Notion of the Elite in Twentieth-Century Technocratic Theories. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences, no. 2, pp. 25–30, 2011. (In Rus.)
7. Laniuk, Y. Utopia revived? Parag Khanna's technocracy in America and Thomas More's Utopia. Journal of Dharma, no. 1, pp. 9–28, 2020. (In Engl.)
8. Mikhailovskiy, A. V. Freedom of technology? On the Ernst and Friedrich Georg Jünger's understanding of technology. Philosophy sciences, no. 7, pp. 79–95, 2013 (In Rus.)
9. Kochergin, D. G. About Impact of Technocratic Thinking on Formation of Post-Industrial Theory. Intelligence. Innovation. Investments, no. 3, pp. 107–110, 2011. (In Rus.)
10. Dessauer, F. Controversy over Technology. Translated from German by A.Yu. Nesterov. Samara: Izdatel'stvo Samarskoi gumanitarnoi akademii, 2017. (In Rus.)
11. Skrbina, D. German Metaphysical Insights Dessauer, Juenger, Heidegger. Metaphysics of technology, vol. 94, pp. 70–93, 2015. (In Engl.)
12. Makeev, S. V. Technocracy as an Object of Philosophical Research and the Theory (Concept) of Technocracy as A Subject of Historical and Philosophical Analysis. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences, no. 1, pp. 114–127, 2008. (In Rus.)
13. Efremenko, D. V. Political Dimension of Technology: from Megamachine to Nanorobots et vice versa. Political expertise: POLITEKS, no. 4, pp. 46–63, 2012 (In Rus.)
14. Mokhov, V. P., Zhelezniak, V. N., Stolbova, N. V. Equipment, Technology and Engineering Creativity as a Subject of Research and the Factor of Formation Sense-Forming Space (on the example of "Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law"). Bulletin of the PNRPU, no. 2, pp. 7–17, 2017. (In Rus.)
15. Kosterev, A. G. The Phenomenon of Soviet Technocratism: To the Formulation of the Problem (Political-ideological and Socio-Cultural Dimensions). Tomsk State University Journal of History, no. 58, pp. 41–47, 2019. (In Rus.)
16. Gorokhov, V. G. Convergence of Biological, Informational, Nano-And Cognitive Technologies: a Challenge to Philosophy (materials of the "round table"). Questions of philosophy, no.12, pp. 3–23, 2012. (In Rus.)
17. Farukshin, M. Kh. Technocracy: Hopes and Risks. Sociological Research, no. 5, pp. 76–86, 2019. (In Rus.)
18. Nikolaev, A. N. Formation and Transformation of the Soviet Technocratic Elite. Bulletin of the PNRPU, no. 2, pp. 83–95, 2018. (In Rus.)
19. Linde, A. N. Comparative Analysis of Cases of Technocratic Governance and Deliberative-Democratic Self-Rule in Internet Sphere. Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018), vol. 273, no. 2, pp. 345–350, 2019. (In Engl.)
20. Nesterov, A. Y., Gorbunov, D. V. Technological Future of Russia: The Challenge of the "Third Nature". Bulletin of Samara University. Aerospace technology, technology and engineering, no. 4, pp. 60–71, 2017. (In Rus.)
21. Vzdorova, L. P. Sixth Technological Order: Technocracy as a Possible Mode of Government. Eurasian Scientific Association, no. 11, pp.136–138, 2017. (In Rus.)
22. Kovalenko, I. N. Society of Information and Elitism of Technocracy. Internet journal. Study of Science, no. 4, pp. 1–6, 2010. (In Rus.)
23. Kutyrev, V. A. Transtechnology Progress as Human Denial: Critical Points of Interaction. Economy Philosophy. Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, no. 6, pp. 209–221, 2016. (In Rus.)
24. Kulyutkin, Yu. N. Technocracy and Humanism. Man and education, no. 2, pp. 61–65, 2005. (In Rus.)

Received: February 14, 2021; accepted for publication March 17, 2021

Information about author

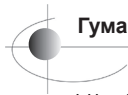
Aziz Sh. O. Azimli, Postgraduate Student, Samara National Research University named after S. P. Korolev; 34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, Russia; e-mail: azimliaziz@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6682-100X>.

Sources of article funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project no. 20-011-00462A "The Philosophy of Technology by Friedrich Dessauer: Epistemology and Anthropology of the Realistic Theory of Creativity".

Reference to the article

Aziz Sh. O. Azimli. Technocracy as the Ideology // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 39–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-39-45.

УДК 334

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-46-55

Екатерина Михайловна Лига,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: ligaem@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5367-7766>

Социально ориентированные некоммерческие организации в государстве всеобщего благосостояния

Бурное развитие в последние годы институтов самоорганизации граждан, возникающих и существующих в различных формах, актуализируют вопросы, связанные с их возникновением и ролью в реализации социальной политики. Данный тип организаций, задача которых – оказание социальной помощи и поддержки группам социального риска, стал в последние годы предметом научных дискуссий и исследований. В центре внимания учёных – разные стороны и направления развития государства всеобщего благосостояния, формы реализации, модели социальной политики, факторы, детерминирующие его эволюцию, включающую в себя становление, расцвет и вступление в эпоху кризиса. Цель данного исследования – рассмотреть эволюцию государства всеобщего благосостояния как основу появления институтов самоорганизации граждан. Методологическую основу работы составляют концепции постиндустриального общества, позволившие рассмотреть возникновение и эволюции институтов самоорганизации граждан как отражение процессов, происходящих в обществе, определить их место и роль в государстве всеобщего благосостояния. Кроме этого, использовались исторический подход, позволивший проанализировать этапы возникновения социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), формы их включённости в социальную политику государства; метод выявления причинно-следственных связей, что позволило обозначить факторы, влияющие на взаимодействие СО НКО и государства. В статье дана характеристика деятельности различных форм государства всеобщего благоденствия в сфере социальной защиты населения; выделены позиции в научной среде по проблеме возникновения институтов самоорганизации граждан; проведён анализ причин возникновения СО НКО и сделан вывод о том, что именно эволюция государства всеобщего благосостояния стала основой появления институтов самоорганизации граждан.

Ключевые слова: социальная структура, типы государства всеобщего благосостояния, институт самоорганизации граждан, конфронтация, соперничество, социальная политика, социально ориентированные некоммерческие организации – СО НКО

Ekaterina M. Liga,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: ligaem@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5367-7766>

Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Welfare State

In recent years, the rapid development of the institutions of self-organization of citizens emerging and existing in various forms actualizes the issues related to their emergence and role in the implementation of social policy. This type of organization whose task was to provide social assistance and support to social risk groups has become the subject of scientific discussions and research in recent years. Scientists focus on various aspects and directions of development of the welfare state, forms of implementation, models of social policy, factors that determine its evolution, which includes the formation, flourishing and entry into an era of crisis. The purpose of the study is to consider the evolution of the welfare state as the basis for the emergence of institutions of self-organization of citizens. The methodological basis of the study is formed by the concepts of post-industrial society, which made it possible to consider the emergence and evolution of institutions of self-organization of citizens as a reflection of the processes taking place in society, to determine their place and role in the state of general welfare. A historical approach was also used, which made it possible to analyze the stages of the emergence of socially-oriented non-profit organizations (SO NPOs), the forms of their involvement in the social policy of the state; a method for identifying cause-and-effect relationships, which made it possible to identify factors that influence the interaction of SO NPOs and the state. This article describes the activities of various forms of the welfare state in the field of social protection of the population. We highlighted the positions on the problem of the emergence of institutions of self-organization of citizens in scientific thought and analyzed the reasons for the emergence of SO NPOs. The conclusion was drawn that it was the evolution of the welfare state that became the basis for the emergence of institutions of self-organization of citizens.

Keywords: social structure, types of welfare state, institution of citizens' self-organization, confrontation, rivalry, social policy, socially oriented non-profit organizations – SO NPOs

© Лига Е. М., 2021

Введение. Свою композицию в историю общества внесли 50–60-е гг. XX в. Становление постиндустриальной цивилизации имело своим следствием появление новых явлений, трендов, событий. Во-первых, коренным качественным образом изменился облик общества, личности: первостепенное значение стали играть знания, интеллектуальный капитал, появились три новых социальных кластера, характеристику которых дал в своё время Д. Белл. К статусному кластеру исследователь отнёс работников научно-технической сферы, администраторов, работников торговли, имеющих разный уровень образования и квалификации. Основным критерием принадлежности к статусному кластеру является квалификация личности, которая детерминирована разными факторами: уровнем образования, стажем трудовой деятельности, ценностями и мотивацией личности.

Второй кластер, названный ситуционным (от лат. *situ* – положение, позиция), состоит из людей разных профессий, в связи с чем Д. Белл обращает внимание на разнородность данного социального кластера, выделяя в нём следующие функциональные подкластеры:

– «научный, технический (т. е. прикладные профессии: инженерное дело, экономика, медицина);

– административный и культурный;

– пять институциональных ситусов: экономические предприятия; государственные учреждения; университеты и научно-исследовательские центры; социальные комплексы (например, больницы, центры социальных услуг) и армия» [3]. Главным индикатором, определяющим отнесения людей к данному кластеру, по мнению учёного, является профессия.

Третий социальный кластер образуют люди, осуществляющие функции управления и контроля, играющие ведущую роль в экономике, политике, культуре и имеющие высокий уровень образования. Эта группа в научной литературе получила название меритократии (Д. Белл), техноструктуры (Дж. Гэлбрейт), адхократии (Э. Тоффлер); класса символических аналитиков (Р. Райх), когнитивных работников (Г. Бехман), инженеров знания (М. Кофранек), развития (Ю. Громыко). По мнению Ф. Уэбстера: «Эти люди ключевые игроки в информационном обществе, им выпало счастье получить первоклассное образование, обеспечившее их информационными возможностями, которые позволяют выжить в новой глобализо-

ванной экономике» [17]. Происходят существенные изменения и в сфере экономики, где ведущую роль стал играть сектор производства услуг, составляющий большую долю в ВВП [16]. Также начался процесс возникновения нового сектора, получившего название «третий сектор». Он представлен организациями, оказывающими социальную помощь и поддержку. Эти организации стали возникать в период существования государства всеобщего благосостояния, в котором была создана система социальной поддержки как для работников, предпринимателей, так и для бедных нетрудоспособных граждан, инвалидов, сирот. В это время активно началось строительство жилья для малоимущих, получавших страховые выплаты.

В 1960-е гг. по инициативе президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона была разработана программа создания «общества всеобщего благоденствия», результатом реализации которой стало бы изменение социальной составляющей американского общества. При этом государство должно активно вмешиваться в экономическую сферу, используя такие механизмы, как государственные расходы, налоги и банковские кредиты. Концептуальной основой этого проекта стали идеи Дж. Кейнса, который считал, что экономический рост зависит напрямую от покупательной способности населения, которая определяется заработной платой и государственной социальной поддержкой незащищённых слоёв населения, зависит от его материального уровня [7]. Учёный разработал стратегию экономической политики, основанную на принципе обязательного «стимулирования личного потребления и повышения жизненного стандарта» [Цит. по: 13, с. 4, 5].

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составили концепции постиндустриального общества, позволившие рассмотреть возникновение и эволюции институтов самоорганизации граждан как отражение процессов, происходящих в обществе, определить их место и роль в государстве всеобщего благосостояния. В рамках данных концепций стало возможным выделить два подхода, описывающих эволюции данных организаций; показать, что предметом спора являются только условия возникновения данных организаций.

В современных условиях государства активно сотрудничают с СО НКО, реализуя через их деятельность социально значимые

проекты, с одной стороны, с другой, оказывая им финансовую и ресурсную поддержку. В связи с этим актуальным становится обращение к историческому подходу, позволяющему рассмотреть историю появления СО НКО, формы их включённости в социальную политику государства. Такой подход даст возможность рассмотреть роль этих организаций в социуме, т. к. история – это основа настоящего и будущего. В эпоху Четвёртой промышленной революции повышается роль СО НКО в решении жизненных проблем как индивидуальной, так и социальной субъектности личности, адаптации человека к новым социально-технологическим условиям, новому жизненному пространству.

Сегодня актуальным становятся выявление и описание причинно-следственных связей между факторами, влияющими на взаимодействие СО НКО и государства; разработка методик оценки эффективности деятельности организаций третьего сектора в решении социальных проблем; исследование технологий социального партнёрства государства и СО НКО в обеспечении достойного качества жизни.

Результаты исследования и их об- суждение. Высокую оценку деятельности государства всеобщего благосостояния в социальной сфере дали многие учёные. Так, Ж. Фурастье говорил о том, что время существования государства всеобщего благосостояния – это время «славного тридцатилетия». П. Джонсон дал характеристику этому типу государства как этапу «...небывалого социального и экономического развития», одному «из самых поразительных в истории периодов» [Цит. по: 13, с. 5].

Главной целью государства всеобщего благосостояния стало обеспечение достойного качества жизни населения как нового индикатора оценки социального развития страны [8]. Эта цель озвучена в предновогодних выступлениях президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона [14]. Получила рефлексию в различных концепциях: У. Росту [9] («стадии экономического роста»), Дж. Гэлбрейта [4] (дающей характеристику новому обществу, приходящему на смену индустриальному), Д. Белла [3] (рассматривающей современное общество как постиндустриальное), общества «Третьей волны» Э. Тоффлера [16], индивидуализированного общества З. Баумана [2], новых материалистических ценностей Р. Ингелгарта [5]. Позже правительство Б. Клинтона планировало осуществить широкую социальную программу, увеличить расходы на об-

разование, здравоохранение, социальное обеспечение, социальное страхование, пенсионное обеспечения. В деятельности государства социальная сфера была объявлена приоритетной. Однако под влиянием общественности социальные программы государства сокращаются, уменьшается доля бюджетного финансирования социальных расходов, увеличивается количество платных социальных услуг, снижается их качество, активно развивается частная медицина, широко создаются частные образовательные учреждения, начинается процесс приватизации общественных благ и услуг, технологии, применяемые в управлении частными компаниями, переносятся в государственный сектор управления.

В современной научной литературе государство всеобщего благосостояния трактуется как государство, в котором главным трендом социальной политики становится решение проблем, связанных с созданием условий для решения основных социальных проблем населения.

Учёные, давая оценку определениям государства всеобщего благосостояния, обращают внимание на выделение в них двух направлений, по которым деятельность государства – это:

– «синоним системы обеспечения социальных потребностей общества;

– оптимальное сочетание свободных рыночных экономических отношений и участия правительственных институтов в решении социальных вопросов» [10, с. 24]. Однако ни в одном из приведённых определений государства всеобщего благосостояния и его типов нет указания на существование третьего сектора – деятельность организаций, имеющих своей приоритетной целью оказание социальной помощи и поддержки различным социальным группам. Расцвет этих организаций приходится на 80–90-гг. XX в., он обусловлен: изменениями в социальной деятельности государства, уменьшением финансирования учреждений социальной сферы (образования, здравоохранения и социальной защиты): активным вмешательством государства в деятельность профсоюзов, в конфликты, возникающие в трудовой сфере; вступлением государства всеобщего благосостояния в эпоху кризиса. В этих условиях государство передало ряд социальных функций СО НКО, что было детерминировано имеющимся опытом в решении социальных проблем.

Впервые классификация государства всеобщего благосостояния была дана

Г. Эспигн-Андерсен. Учёный выделил следующие критерии: «природа вмешательства государства в жизнедеятельность общества, расслоение социальных групп и тот предел, после которого рыночное распределение заменялось бюрократическим распределением благ» [Цит. по: 10, с. 25]. Используя данные критерии и осуществив анализ реальных фактов, рефлексиирующей деятельностью данных государств в социальной сфере, Г. Эспигн-Андерсен описал

типы государств всеобщего благосостояния: американский, получивший название «неолиберальный», скандинавский – как социально-демократический; франко-германский, названный консервативно-корпоративистским.

Государство выполняет в сфере социальной поддержки нуждающихся социальных групп общие функции (экономическую, семейную, социальную), отличающиеся по своему содержанию (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика деятельности различных форм государства всеобщего благосостояния в сфере социальной защиты населения

Функция	Форма государства		
	Неолиберальная	Социально-демократическая	Консервативно-корпоративистская
Экономическая	Экономическое распределение является главным, детерминируется непосредственным участием человека в системе производства	Высокий уровень занятости	Низкий уровень занятости, особенно женской
Социальная	Социальная форма присутствует, занимает незначительное место, формируется по остаточному принципу	Социальная поддержка касается всех видов риска, имеет довольно высокий размер, находится под строгим контролем государства	Основной источник формирования социальной поддержки – страховые взносы. Основой критерий получения социальных выплат – профессиональный статус
Семейная	–	Женщины принимают активное участие в производстве, что избавляет государство от различных форм социальной защиты	Существует поддержка семьи через выплаты, предоставляемые мужчине. В случае развода женщина лишается всех льгот

Классификация, представленная Г. Эспигн-Андерсен [15, с. 78], вызвала научные споры, в центре которых оказались вопросы, касающиеся самих критериев классификации, а стало быть, и обозначенных типов государств, их структуры. Кроме того, отмечалось, что данная классификация касалась только капиталистических государств, оставляя без внимания модели социализма, вне поля зрения оказывались институты самоорганизации граждан, их взаимодействие с государством и бизнесом.

Как подчёркивает Т. Ю. Сидорина, результатом всех дискуссий, предметом которых было государство всеобщего благосостояния, стало появление большого количества его классификаций, что имело как положительные, так и негативные эффекты. Среди положительных можно выделить следующие: более глубокое изучение государства всеобщего благосостояния в различных его аспектах: структурно-функциональном, историческом, социально-экономическом. К числу отрицательных можно отнести: наличие большого количества индикаторов, положенных в основу существующих класси-

фикаций, что не позволяет создать строгую, чёткую, единую классификацию; единственным актором реализации социальной политики названо государство, СО НКО в его структуре не выделены, что не даёт возможности определить основные направления и формы взаимодействия с СО НКО, увидеть роль последних в реализации социальной политики, определить их место и функции в государстве всеобщего благосостояния; выявить уровень его социального и экономического благополучия.

По мнению учёных, в основу классификации государства всеобщего благосостояния должны быть положены два критерия, отражающие его сущность и содержание, роль в жизнедеятельности общества, основные тренды социальной политики, но самое главное – политику по отношению СО НКО. В частности, Дж. Боноли (его точку зрения приводит Т. Ю. Сидорина) доказывает на основе анализа существующих классификаций государства всеобщего благосостояния, что при выстраивании основных направлений деятельности по отношению к СО НКО возможны только два критерия:

«...социальные расходы как процент от ВВП и финансирования вклада и налогового финансирования социальных расходов» [19]. Одной из проблем в рамках исследования государства всеобщего благосостояния является рассмотрение места, роли и функций СО НКО в его структуре. О чём речь шла ранее.

Многие исследователи не рассматривают СО НКО как субъект социальной политики, обращая внимание на то, что они действуют в противовес государственной политики в сфере социальной защиты. Ряд учёных придерживаются позиции, согласно которой, институты самоорганизации населения выступают как фактор, оказывающий влияние на состояние и развитие государства всеобщего благосостояния, его социальную политику, выступая формой решения широкого спектра социальных проблем [18]. Г. Эспинг-Андерсен высказывает довольно-таки интересную мысль, касаясь значимости институтов самоорганизации граждан. Он считает, что не уровень экономического развития (хотя и не исключается его значимость), а именно политическая сила трудовых движений, объединений детерминируют социальную составляющую государства всеобщего благосостояния [20].

В то же время существует противоположная точка зрения, согласно которой, институт самоорганизации граждан не рассматривается как фактор, оказывающий влияние на его социальную политику. Существует даже позиция, которая рассматривает взаимоотношения государства всеобщего благосостояния и организаций третьего сектора как конфронтацию и соперничество. Но она вызывает критику учёных, ей противоречит существование организаций третьего сектора, а главное их деятельность. Проблематика институтов самоорганизации граждан получила освещение в концепции гражданского общества Л. Саламона и Х. Анхейер, по которой взаимодействие государства и СО НКО не существует, это есть конфронтация и соперничество, и оно не отражает основные направления его деятельности, формы реализации социальной политики. В рамках такого подхода уходят из поля зрения учёных и практиков существующие формы сотрудничества, что подтверждается фактами реальной действительности. Авторы обращают внимание на взаимосвязь между уровнем благосостояния и характером гражданского общества, гражданского об-

щества концепции, признавая наличие организаций третьего сектора как элементов государства всеобщего благосостояния, выделяют их функции: возможность влиять на социальную политику; принятие на себя ответственности за предоставление социальных услуг и их качество [21].

Таким образом, становится очевидным, что в вопросе по времени возникновения институтов самоорганизации граждан в научной мысли сложились две позиции. Первая признаёт наличие институтов третьего сектора в структуре государства всеобщего благосостояния как его элементы, реализующие совместно с государством социальную политику, оказывающие социальные услуги группам риска. Формой взаимодействия является сотрудничество. Результат деятельности данного типа государства – быстрый экономический рост, развитие системы социального страхования, повышение уровня жизни населения, усиление социальной составляющей. В то же время следует выделить весьма существенный недостаток деятельности государства всеобщего благосостояния: воспитание иждивенчества, отказ от самостоятельного решения социальных проблем, надежда на общество. В рамках данной точки зрения существуют разные подходы к оценке основных функций СО НКО. В частности, функции данного института трактуются как защитные от различного рода социальных рисков. Кроме того, функции данных институтов сводятся к организации взаимодействия между тремя субъектами: рынком, государством и семьёй [6]. Таким образом, выделяются два типа функций институтов самоорганизации населения, направленных на поддержку и социальную защиту граждан в современном обществе. Вторая функция представляется более широкой и содержательной, поскольку включает в процессе взаимодействия оказание поддержки разным группам населения.

По второй позиции: институты самоорганизации граждан появляются в период кризиса государства всеобщего благосостояния. Социальные проблемы существовали всегда, они вечны. В любом государстве есть группы, требующие поддержки (группы социального риска, пенсионеры, многодетные, лица, с ограниченными возможностями развития), поэтому, если государство сокращает своё участие в социальной сфере, то его функции передаются социально ориентированным некоммерческим организациям, способным в различных формах решать социальные проблемы, становить-

ся активными акторами социальной политики.

Г. Эспинг-Андерсен в своей концепции игнорирует роль общественных институтов самоорганизации граждан в деятельности государства всеобщего благосостояния. А. Саламон считает, что закат государства всеобщего благосостояния детерминирован рядом факторов социального и экономического характера (табл. 2). Исследователь выделяет следующие факторы: «Возрастание интереса к частным некоммерческим организациям появилось, прежде всего, благодаря ощутимому кризису современного “социального государства”. Укрепилось мнение, что система защиты пожилых людей и безработных, создаваемая в большинстве западных стран с 1950-х годов, уже не действует. По меньшей мере, это были четыре важных момента развития, опровергнувшие идею социального государства (1) нефтяной шок, который замедлил экономический рост, тем самым привлек внимание к тому, что расходы на социальное обеспечение необыкновенно выросли, (2) убежденность в том, что правительство перегружено и неспособно выполнять задачи, входящие в его сферу его компетенции, (3) политика социального государства постепенно создавала такое давление на постоянно повышающиеся цены за услуги, что превысило порог терпимости людей и те отказывались за них платить, (4) все чаще появлялись утверждения, что социальное государство вместо того, чтобы улучшать экономическую мощь (посредством защиты отдельных лиц от опасного риска), ослабляет инициативу, лишает людей личной ответственности и поддерживает их зависимость» [Цит. по: 1, с.104, 105]. По мнению отдельных исследователей, именно кризис государства всеобщего благосостояния является основным фактором появления организаций третьего сектора, которые свидетельствуют о снижении роли государства в реализации социальной политики, её сокращении, а стало быть и об уменьшении количества предоставляемых социальных услуг и их получателей, реализация части которых передаётся организациям третьего сектора. Все эти процессы свидетельствуют о неэффективности деятельности государства в социальной сфере. В этих условиях появляется новый субъект социальной политики – СО НКО. «Дискредитация правительственных программ, сокращение

бюджетов на социальные нужды привела к активизации других способов решения социальных проблем» [Цит. по: 12, с. 120]. СО НКО оказались в состоянии решать многие проблемы: «самоопределения, ответственности за самого себя, свободы, солидарности и принимать участие в каждойдневной жизни» [Там же]. Обе эти точки зрения объединяет признание СО НКО как института самоорганизации граждан, как одного из состоявшихся и развивающихся элементов государства, которые могут решать различные социальные проблемы, оказывая поддержку государства в реализации социальной политики. М. Феррер считал, что изменение целей социальной политики имеет своим следствием появление новых видов СО НКО, изменение существующих функций, появление в деятельности инновационных технологий. «Основная цель политики государства всеобщего благосостояния в XX в., заключалась в обеспечении экономической безопасности людей пожилого возраста. Основная цель социальной политики XXI в. – предоставление справедливых жизненных шансов молодежи. Социальная политика должна быть прогрессивной, что предполагает инвестирование в дошкольное образование, в образование в целом, необходимы приоритеты семейной политики. Образование должно стать органическим и центральным компонентом социального государства. Необходима поддержка индивидуальных перспектив и достижений, содействие эффективному равенству возможностей и шансов, справедливой социальной мобильности. Прогрессивным является инвестирование в социальный капитал и подготовку квалифицированных кадров» [Там же, с. 126, 127].

Таким образом, М. Феррер проводит мысль, согласно которой, общество XXI в. формирует новую социальную политику, политику, нацеленную на решение социальных проблем отдельного человека, отдельных социальных групп, что характеризует новый социум как индивидуализированное общество. Он выделяет основные тренды социальной политики, а именно, образование, которое становится решающим фактором экономического развития общества, сферой формирования интеллектуального капитала. Все эти моменты находят отражение в деятельности СО НКО, которые реагируют на изменения, происходящие в социальной и экономической жизни значительно быстрее, нежели государство [22].

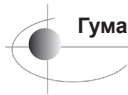

Таблица 2

Модели развития институтов гражданского общества (по Л. Саламону и Х. Анхейеру)¹

<i>Модель развития институтов гражданского общества</i>	<i>Участие государства в социальной сфере</i>	<i>Активность организаций третьего сектора</i>	<i>Условия реализации моделей организаций третьего сектора</i>
Либеральная	Малое участие государства в решении социальных проблем	Высокого уровня	Значительную роль в социальной сфере играет средний класс, оказывая влияние на социальную политику, её содержание
Корпоративная	Активное участие государства в решении социальных проблем	Среднего уровня	Участие социальных групп элиты в решении социальных проблем
Стэйтистская	Высокий уровень участия государства в реализации социальной политики	Среднего уровня	Поддержка формирования и реализации социальных программ государства промышленной элитой
Социал-демократическая	Активное участие государства в социальной сфере за счёт бюджетного финансирования	Низкого уровня	Ведущую роль в социальной структуре играет рабочий класс и политические организации, рефлексиирующие в своей деятельности его интересы

Другим аспектом исследования СО НКО, рефлексиирующим оценку их роли как нового актора социальной политики, стал анализ причин их возникновения. Безусловно, эта сторона вопроса однозначно связана

с другим дискуссионным вопросом, о котором речь шла ранее: временем появления данного института самоорганизации граждан. Этот вопрос получил свою реализацию в различных концепциях (табл. 3).

Таблица 3

Концепции, фиксирующие причины появления СО НКО как института самоорганизации граждан

<i>Автор</i>	<i>Концепция</i>	<i>Причины появления СО НКО</i>
Б. Вайсброт	Концепция общественной пользы	Современное государство в силу объективных причин не может удовлетворить все потребности граждан, особенно в области здравоохранения, образования, социальной поддержки в силу того, что они не получают прибыли от своей деятельности. В этих условиях реализация ряда потребностей граждан переходит к институтам самоорганизации
Е. Джеймс	Концепция оказания услуг	Появление социального предпринимательства, ориентированного на создание различного рода организаций, реализующих социальные услуги населению, которые не оказывают рынок и государство
Г. Хансманн	Концепция доверия	Социальные услуги предоставляются государством и институтами гражданского общества. Однако население как получатель услуг от государства не обладает информацией об их качестве. СО НКО не получают материальных доходов от своей деятельности. Поэтому есть все основания говорить о более высоком качестве услуг, которые они авансируют населению
В. Зомбарт	Концепция социального движения	Необходимость решения социальных и политических проблем с целью сохранения стабильности и устойчивости общества

В современных условиях государство заинтересовано в передаче ряда социальных функций СО НКО в силу таких обстоятельств, как сокращение расходов государства в социальной сфере; увеличение количества социальных программ и проектов, расширение их видов и спектров; активное участие СО НКО не только в разработке социальных программ, но и их реализации свидетельствует о их демократичности (табл. 4).

Возможность организаций третьего сектора участвовать в осуществлении под-

держки населения, детерминирована следующими факторами:

- высокий уровень доверия граждан (значительно выше, нежели к государству);
- оказание социальных услуг с учётом индивидуальных особенностей их потребителей, условий проживания и социальных проблем;
- имеются условия для предоставления особенных, единичных услуг, их не в состоянии создать ни государство, ни рынок;
- широкий охват получателей социальных услуг различными формами защиты как

¹ Источник: [11, с. 87–100].

пассивными (оказание благотворительной помощи), так и активными (разные виды реабилитационных мероприятий, социальная адаптация, социальное сопровождение и др.);

- создание и реализация на практике инновационных технологий;

- организация взаимодействия бизнеса, государства и самих СО НК;
- рост профессионализма участников данных институтов;
- расширение сферы деятельности как производителя социальных услуг.

Таблица 4

Положение институтов самоорганизации населения в структуре государства всеобщего благосостояния

Критерий оценки	Позиция учёных	
	первая точка зрения	вторая точка зрения
Место и роль	Институты самоорганизации населения являются структурным элементом государства всеобщего благосостояния	Институты самоорганизации населения не являются структурным элементом государства всеобщего благосостояния
Формы взаимодействия	Сотрудничество	Конфронтация и соперничество
Время возникновения	Вместе с государством всеобщего благосостояния	Кризис государства всеобщего благосостояния

Заключение. Таким образом, существуют две основные позиции по проблеме возникновения институтов самоорганизации граждан: 1) позиция, признающая наличие институтов третьего сектора в структуре государства всеобщего благосостояния как его элемента, реализующего совместно с государством социальную политику, оказывающее социальные услуги группам риска; 2) позиция, считающая, что институты самоорганизации граждан появляются в период кризиса государства всеобщего благосостояния.

Существует два типа функций институтов самоорганизации населения: первый тип направлен на поддержку и социальную защиту граждан; второй включает оказание поддержки разным группам населения.

Эволюция государства всеобщего благосостояния стала основой появления институтов самоорганизации граждан, роль

которых на всём протяжении его существования кардинальным образом менялась: от положения СО НКО как структурного элемента до признания данных организаций как активной, наряду с другими акторами, социальной политики (бизнес, политические партии, социальные движения и др.), выполняющей различные функциональные рефлексии, существующей в различных формах, детерминированных как общими, так и специфическими особенностями государств данного типа, проводимой ими социальной политики.

Материалы проведённого исследования могут быть применены при изучении и выявлении функций институтов самоорганизации граждан в современном российском обществе, при определении механизмов взаимодействия государства и СО НКО в целом, в сфере передачи ряда социальных функций СО НКО в частности.

Список литературы

1. Бакалдина Е. С. Государственная социальная политика Российской Федерации: выбор приоритетов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4. С.104–107.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 158 с.
4. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества: пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
5. Инглетарт Р. Культурный сдвиг в зрелом постиндустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе: пер. с англ. М.: Academia, 1999. 640 с.
6. Якобсон Л. И. Институты самоорганизации и качество жизни населения. М.: Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. 2009. 148 с.
7. Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег: пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. 494 с.
8. Лига М. Б., Захарова Е. Ю., Томских М. С. Управление качеством жизни. Новосибирск: Наука, 2019. 176 с.

9. Росту У. Политика и стадии роста: пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 150 с.
10. Сидорина Т. Ю. «Социальное рыночное хозяйство» Германии и проблема систематизации моделей социальной политики // Историко-экономические исследования. 2006. № 2. С. 21–31.
11. Сидорина Т. Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 87–100.
12. Сидорина Т. Ю. Партнерство государства и институтов самоорганизации граждан в реализации социальной политики. Terra Economicus // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2010. № 1. С. 117–128.
13. Силачев Д. А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 3–21.
14. Тодоров А. С. Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций: пер. с англ. М.: Прогресс, 1960. 224 с.
15. Томских М. С. Управление качеством жизни: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Чита, 2017. 154 с.
16. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: Корпорация, 2004. 557 с.
17. Узбестер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект-пресс, 2004. 400 с.
18. Ascoli U., Ranci C. Dilemmas of the Welfare Mix. The New Structure of Welfare in an Era of Privatization. New York: Springer Science + Media, 2002. 264 p.
19. Bonoli G. Classifying Welfare States: a Two-dimension Approach // Journal of Social Policy. 1997. No. 3. P. 351–372.
20. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism // Princeton univ. press, Cop. 1990. No. 8. P. 9–54.
21. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally // Voluntas. 1998. No. 3. P. 213–248.
22. Smith R.G., Gronbjerg K.A. Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations // The Non-Profit Sector: A Research Handbook / Eds. W. Powell, R. Steinberg. New Haven & London: Yale University Press, 2006. P. 221–242.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021; принята к публикации 21.03.2021

Сведения об авторе

Лига Екатерина Михайловна, аспирант, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: ligaem@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5367-7766>.

Источники финансирования статьи

Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы № 329-ГР реализации гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Социальное партнёрство государства и социально ориентированных некоммерческих организаций в обеспечении достойного качества жизни населения».

Библиографическое описание статьи

Лига Е. М. Социально ориентированные некоммерческие организации в государстве всеобщего благосостояния // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 46–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-44-55.

References

1. Bakaldina, E. S. State social policy of the Russian Federation: choice of priorities. Bulletin of the Kemerovo State University, no. 4, pp.104–107, 2014. (In Rus.)
2. Bauman, Z. Individualized society. M: Logos, 2005. (In Rus.)
3. Bell, D. The coming post-industrial society. Social forecasting experience. M: Academia, 2004. (In Rus.)
4. Galbraith, J. K. Economic theories and goals of society. M: Progress, 1973. (In Rus.)
5. Inglehart, R. Cultural shift in a mature post-industrial society. A new post-industrial wave in the West. M: Academia, 1999. (In Rus.)
6. Yakobson, L. I. Institutions of self-organization and the quality of life of the population. Research report. M: Centr issledovanij grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora, 2009. (In Rus.)
7. Keynes, D. The general theory of employment, interest and money / transl. from English. M: Progress, 1978. (In Rus.)
8. Liga, M. B., Zakharova, E. Yu., Tomskikh, M. S. Quality of life management. Novosibirsk: Nauka, 2019. (In Rus.)
9. Rostou, U. Politics and stages of growth. M: Progress, 1973. (In Rus.)

10. Sidorina, T. Yu. "Social market economy" of Germany and the problem of systematization of social policy models. *Social sciences and modernity*, no. 2, pp. 21–31, 2006. (In Rus.)
11. Sidorina, T. Yu. Institutions of self-organization of citizens and the development of the theory of the welfare state. *Social sciences and modernity*, no. 5, pp. 87–100, 2010. (In Rus.)
12. Sidorina, T. Yu. Partnership between the state and institutions of self-organization of citizens in the implementation of social policy. *Terra Economicus. Economic Bulletin of the Rostov State University*, no. 1, pp. 117–128, 2010. (In Rus.)
13. Silachev, D. A. Social consequences of the transition from industrialism and modernity to post-industrialism. *Questions of philosophy*, no. 7, pp. 3–21, 2005. (In Rus.)
14. Todorov, A. S. *Quality of life: a critical analysis of bourgeois concepts*. M: Progress, 1960. (In Rus.)
15. Tomskikh, M. S. *Quality of life management: socio-philosophical analysis*. Cand. sci. diss. Chita, 2017. (In Rus.)
16. Toffler, E. *Shock of the future*. M: Korporatsiya, 2004. (In Rus.)
17. Uebster, F. *Information Society Theories*. M: Aspekt-press, 2004. (In Rus.)
18. Ascoli, U., Ranci, C. *Dilemmas of the Welfare Mix. The New Structure of Welfare in an Era of Privatization*. New York: Springer Science + Media, 2002. (In Engl.)
19. Bonoli, G. *Classifying Welfare States: A Two-dimension Approach/ Journal of Social Policy*, no. 3, pp. 351–372, 1997. (In Engl.)
20. Esping-Andersen, G. *The three worlds of welfare capitalism/ Princeton univ. press, Cop.*, no. 8, pp. 9–54, 1990. (In Engl.)
21. Salamon, L. M., Anheier, H. K. *Social Origins of Civil Society: Explaining the Nonprofit Sector Cross-Nationally. Voluntas*, no. 3, pp. 213–248, 1998. (In Engl.)
22. Smith, R. G., Gronbjerg, K. A. *Scope and Theory of Government-Nonprofit Relations*. Powell, W. W., Steinberg, R. (eds.) *The Non-Profit Sector: A Research Handbook*. New Haven & London: Yale University Press, 2006: 221–242. (In Engl.)

Received: February 14, 2021; accepted for publication March 21, 2021

Information about author

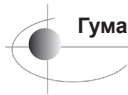
Liga Ekaterina M., Postgraduate Student, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: ligaem@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5367-7766>.

Sources of article funding

The paper was written within the framework of the research work no. 329-G, implementation of the research grant of the Council for scientific and innovative activities of Transbaikal State University on the theme "Social partnership between the state and socially-oriented non-profit organizations to provide a decent quality of life"

Reference to the article

Liga E. M. *Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Welfare State // Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 39–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-46-55.

УДК 338.48

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-56-65

Виктория Валерьевна Лиханова,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: vika_likhanova@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1799-9001>***Марина Павловна Титова,***Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: titovamarina1@inbox.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-7445-0635>*

Выставочная деятельность туристического предприятия в условиях формирования информационного общества

Одним из наиболее эффективных средств представления и продвижения результатов социального, экономического, научного и управленческого характера выступает выставочная деятельность. Выставочные мероприятия выполняют важную функцию в развитии современного информационного общества и имеют значение регионального, государственного и международного плана. Происходящие глобальные изменения в мировой экономике обуславливают процессы возрастающей интернационализации рынка, усиливающегося разделения труда на международном уровне, увеличения объёмов мировых продаж и прямых инвестиционных вложений. Возникает необходимость представления посредством выставок международного характера достижений отдельных стран, и в данном случае выставки становятся центром концентрации информационных ресурсов о достижениях человечества научно-технического и социально-экономического плана. Цель данного исследования заключается в проведении анализа выставочной деятельности на примере туристического агентства «Маджестик-Тур» и в разработке рекомендаций для его участия в выставке «Leisure-2021». Для проведения исследования были использованы источники научного и информационного характера, а также отчётная документация о выставочной деятельности туристического агентства. Авторами проанализировано понятие выставки и выявлены основные особенности её организации для туристического предприятия; проведён анализ выставочной деятельности туристического агентства «Маджестик-Тур» за период 2019–2020 гг.; обозначены основные проблемные стороны организации данного вида деятельности и предложены рекомендации по её совершенствованию как фактора формирования современного информационного общества.

Ключевые слова: туризм, выставочная деятельность, информационное общество, продвижение, технология выставочного мероприятия

Victoria V. Likhanova,*Transbaikal State University**(Chita, Russia)?**e-mail: vika_likhanova@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1799-9001>***Marina P. Titova,***Transbaikal State University**(Chita, Russia),**e-mail: titovamarina1@inbox.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-7445-0635>*

Exhibition Activity of Tourist Enterprise in the Context of Information Society

One of the most effective means of presenting and promoting the results of social, economic, scientific and managerial activities is exhibition activity. Exhibition events perform an important function in the development of the modern information society and are of regional, national and international significance. The ongoing global changes in the world economy cause the process of increasing internationalization of the market, increasing of international division of labor and the volume of global sales and direct investment.

Achievements of countries should be presented at international exhibitions and though exhibitions become the center of information concentration about scientific, technical and socio-economic achievements of mankind.

The purpose of this study is to analyze the exhibition activities on the example of the travel agency "Majestic-Tour" and to develop recommendations for its participation in the exhibition "Leisure-2021". To conduct the study, we used sources of scientific and informational nature, as well as reporting documentation on the exhibi-

© Лиханова В. В., Титова М. П., 2021

tion activities of the travel agency. The authors analyze the concept of an exhibition and identify the main features of its organization for a tourist enterprise, analyze the exhibition activities of the travel agency "Majestic-Tour" for the period 2019–2020, identify the main problematic aspects of the organization of this type of activity and offer recommendations for its improvement as a factor in the formation of modern information society.

Keywords: tourism, exhibition activity, information society, promotion, technology of the exhibition event

Введение. Большую популярность у туристических агентств в последнее время приобретает выставочная деятельность, вне зависимости от масштабов и организационной структуры предприятия. Это объясняется тем, что выставочная деятельность представляет собой один из новых и современных каналов продвижения турпродуктов фирмы на рынке услуг.

Для обеспечения конкурентоспособности своих товаров и услуг предприятия туристической отрасли используют эффективные методики продвижения, в основе которых лежат как собственные интересы, так и потребителей. Данные методики продвижения для туристических фирм выступают гарантом высокого уровня обслуживания и безопасности оказываемых услуг своим клиентам. Хорошо продуманная и организованная рекламная деятельность турагентства способствует реализации предлагаемой продукции от туроператора быстро и без задержек; происходит ускорение оборота финансовых средств; формируются стабильные контакты между производителями и потребителя товаров и услуг; изменяется спрос, что оказывает существенное влияние на формирование предложения, приводит к росту уровня производственной эффективности.

Выставочная деятельность туристических компаний требует различных ресурсов: финансовых, материально-технических, кадровых, научных (дополнительное обучение работников для организации и управления выставочными процессами).

Целью данного исследования является анализ выставочной деятельности туристических агентств и повышение её эффективности на примере деятельности ООО «Маджестик-Тур».

Научная значимость проведённого исследования состоит в изучении отдельного аспекта выставочной деятельности (выставки как организации, обладающей особым экономическим и социальным эффектом), а также в аргументации возможностей выставочных мероприятий в русле формирования информационного общества и продвижения инновационных продуктов и услуг на туристический рынок.

Методология и методы исследования. Анализу рекламных коммуникаций по-

священы работы многих отечественных и зарубежных авторов, среди которых особо следует выделить В. В. Ученову, И. Я. Рожкова, Ж. Ж. Ламбена, С. Блэка, Л. Перси. Выставочная деятельность как разновидность маркетинговых коммуникаций достаточно широко рассматривается в научной периодике.

Особый вклад в вопросы методологии и организации выставочной деятельности внесён А. С. Белянским, Е. В. Сорокиной, Т. Ю. Жолнеровой, Н. А. Александровой, А. Н. Голубковым, И. К. Филоненко, Ф. Котлером, С. Миллером, Я. Г. Критсотакисом [1–4]. Проблемами сущности и специфики организации выставочных мероприятий посвящены труды В. Г. Петелина, Л. Е. Стровского, К. В. Симоновой [5; 6]. Немаловажные для изучения аспекты организации выставок и других выставочных мероприятий, а также вопросы управления выставочной практикой рассматривались такими зарубежными и российскими учёными, как М. Драгичевич-Шешич, М.-О. де Бари, А. Б. Лорд, Л. Дорд, А. В. Мельтон, И. М. Коссова, Е. О. Торопова, В. И. Ревякин [7; 12; 13].

При выполнении исследовательской работы авторам потребовалось обращение к системному подходу (Д. В. Нестерова, Э. Б. Гусев, М. И. Беляев), который раскрывает исследуемую проблему с системно-исторической, системно-функциональной и системно-коммуникационной точек зрения.

При написании статьи использованы методы теоретического анализа и синтеза, описания, систематизации, классификации, обобщения научных источников, анкетирования, анализа отчётной документации туристического агентства.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведение выставочных мероприятий осуществляется приглашёнными представителями с целью презентации товаров и услуг для широкого информирования целевой аудитории и стимулирования сбыта и продаж, что создаёт для предприятия возможности одновременного распространения и получения информации экономического, организационного, технического и коммерческого плана при относительно небольших финансовых затратах.

В современных маркетинговых исследованиях учёные определяют выставку, как

«уникальный инструмент продвижения» [8]; «рыночное мероприятие с ограниченным временем проведения, проходящее в четко установленные сроки и повторяющееся через определенные промежутки времени» [9]. Эта «стартовая площадка, на которой происходит первая и зачастую самая важная встреча клиента и поставщика» [1].

В ходе изучения понятийного аппарата выставочной практики выяснено, что кроме реализации информационных и коммерческих функций выставки являются фактором развития индустрии как на национальном, так и международном уровнях, выступая при этом информационно-аналитическим ядром прогнозирования развития сферы производства.

Выставочные мероприятия выступают одним из мощных каналов распространения информации и рекламы и способствуют решению следующих задач, которые ставят перед собой как коммерческие, так и некоммерческие организации:

- информирование – распространение информации о производимых товарах и оказываемых услугах среди целевых аудиторий;

- обращение внимания потенциальных потребителей к информационной среде организации: концентрирование интереса покупателей на определённых видах товаров и услуг, знакомство групп общественности с предприятием и его областью производства;

- формирование положительного общественного мнения: выставки способствуют формированию положительного имиджа организации в сознании потенциальных потребителей [3; 7; 10].

Таким образом, выставочные мероприятия выступают одним из средств коммуникации со своими характерными особенностями и способами проведения.

В качестве объекта для анализа выставочной деятельности было выбрано туристическое агентство ООО «Маджестик-Тур». Данное предприятие является одной из ведущих туристических организаций г. Читы.

В структуре маркетинговой деятельности предприятия в ходе анализа выявлены следующие направления:

- прямые продажи;
- рекламные мероприятия в средствах массовой информации;
- выставочная деятельность.

К преимуществам участия в выставочной деятельности руководство туристического агентства относит:

- низкую стоимость рекламного контакта относительно других видов рекламной деятельности;

- нейтральный характер территории, на которой осуществляется выставочное мероприятие;

- возможность изучить конкурентов в ходе выставочных мероприятий;

- наличие готовых рекламных материалов для средств массовой информации с целью получения публичности.

Анализ отчётной документации отдела маркетинга туристического агентства «Маджестик-Тур» показал, что в 2018–2019 гг. туристическая фирма принимала участие в выставочном мероприятии: международной туристской выставке «Путешествия и туризм». Эта выставка является туристическим выставочным мероприятием «номер один» в Российской Федерации, входит в пятёрку ведущих выставок по туризму в мире, имеет признание международного туристического сообщества. Количество участников выставочного мероприятия «Путешествия и туризм» ежегодно составляет более 200 мировых стран и регионов. Главный организатор выставки – лидер выставочного бизнеса России – группа компаний ITE [5].

На этой выставке представлены как зарубежные туристические направления, так и направления внутреннего туризма по России. В 2019 г. она проходила в ЦВК «Экспоцентр», заняла семь павильонов, общая площадь экспозиции составила более 44 тыс. м².

Участие в выставочном мероприятии такого уровня даёт возможность оценки российского туристического рынка, корректировки ценовой политики туристического агентства, заключения новых деловых контактов. Ежегодно в выставке принимают участие «Интурист», *TUI*, *Anex*, *Tez Tour*, «Библио Глобус», федеральные курорты (Кавказские Минеральные воды, Сочи, Анапа, ЗАО СКО «Адлеркурорт»), администрации городов России и т. д.

Для эффективного участия в выставочных мероприятиях необходимо тщательное планирование данного вида маркетинговых коммуникаций. Структура затрат ООО «Маджестик-Тур» для участия в выставке «Путешествия и туризм» включала в себя следующие статьи расходов: арендная плата, монтаж и демонтаж экспозиции, расходы на рекламные и информационные материалы, расходы представительского характера (рис. 1).

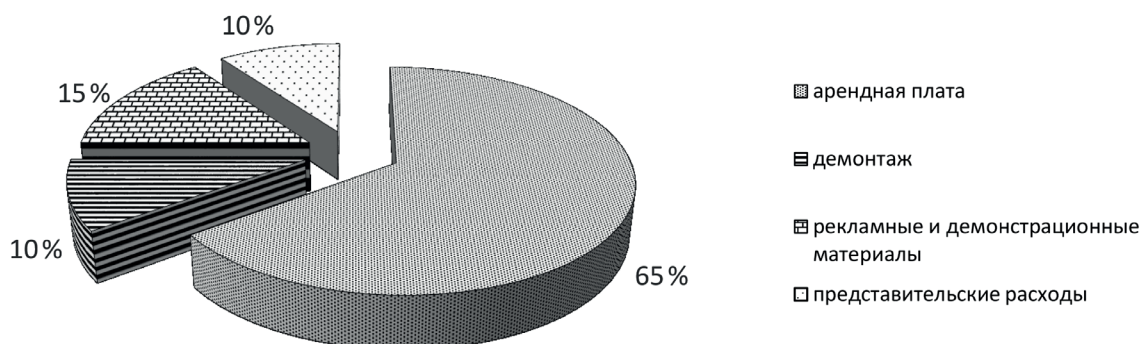

Рис. 1. Структура затрат ООО «Маджестик-Тур» для участия в выставке

Fig. 1. Cost structure of Majestic-Tour Company for participation in the exhibition

Анализ анкет, которые экспоненты заполняли в ходе выставочного мероприятия, а также опрос сотрудников туристического агентства «Маджестик-Тур» выявили следующие недостатки в организации выставочного мероприятия:

- предвыставочная подготовка работы с клиентами характеризуется слабым уровнем: адресная рассылка приглашений была организована достаточно слабо; не осуществлён контакт с потенциальными посетителями после рассылки приглашений на выставочное мероприятие; не учтены новые категории потенциальных потребителей и контрагентов, а также специфика из деятельности;

- разработка плана выставочной деятельности туристического агентства осуществлена хаотично, без чёткой организации и структуры (однако результаты опроса показали необычность и яркость экспозиции и оригинальность оформления стендов туристического агентства «Маджестик-Тур»);

- тематическая составляющая выставки не учтена в полном объёме, что сказалось на отсутствии ориентировки на особенности производственной деятельности потенциальных контрагентов и потребителей;

- данный вид маркетингового мероприятия недостаточно профинансирован;

- отмечен слабый уровень организации послевыставочной стадии, а именно, не были определены критерии оценки выставочной деятельности туристического агентства, не осуществлён анализ контактов во время работы экспозиции, соответственно не была пополнена клиентская база туристического агентства, аналитический отчёт об участии ООО «Маджестик-Тур» в данной выставке не был составлен.

Для решения названных проблем в ходе осуществления выставочной деятельности

туристическим агентством нами разработаны предложения по совершенствованию данного вида маркетинговых мероприятий.

Участие ООО «Маджестик-Тур» в выставках стран СНГ и России будет способствовать, на наш взгляд, расширению клиентской базы, поиску новых контрагентов, а также формированию новых каналов сбыта. В связи с этим среди основных задач участия туристического агентства в выставочных мероприятиях нам видятся следующие:

- повышение рыночной доли до 20 %;

- расширение ассортимента туристических направлений Забайкальского края и, соответственно, рост объёма продаж до 25 %;

- закрепление имиджа туристического предприятия и повышение уровня лояльности потенциальных покупателей к услугам агентства;

- развитие розничной сети за счёт расширения контрагентской связи.

Для реализации данных задач сотрудникам отдела маркетинга туристического агентства необходимо учитывать в своей работе ряд этапов выставочной деятельности (рис. 2).

Для разработки стратегического плана выставочной деятельности руководству туристического агентства рекомендуется отправить запросы в выставочные организации о планируемых выставках и условиях участия в них в начале года. Календарный график подготовки участия ООО «Маджестик-Тур» в выставочных мероприятиях составляется на основе полученной информации. Необходимо учитывать, что подготовка к выставочному мероприятию занимает не менее четырёх недель, а крупные национальные и международные выставки начинают подготовку за полгода.

Рис. 2. Этапы выставочной деятельности ООО «Маджестик-Тур»

Fig. 2. Stages of exhibition activity of Majestic-Tour Company

Разработка и утверждение выставочного стенда туристического агентства должно осуществляться за месяц до начала выставочного мероприятия и включать в себя два этапа:

1. Отдел маркетинга получает техническое задание от руководства туристического агентства.

2. Сотрудники отдела определяют сценарий работы на выставочном мероприятии, вид и количество проводимых акций, месторасположение стенда и стендистов и т. д.

После прохождения этих этапов отдел маркетинга туристического агентства переходит к стадии разработки идей по оформлению стенда. Особое внимание стоит уделить тексту в каталогах туристического агентства: текст должен быть отредактирован и содержать все необходимые контактные данные ООО «Маджестик-Тур».

В период за две недели до начала выставочного мероприятия менеджер отдела по работе с клиентами осуществляет рассылку индивидуальных приглашений потенциальным клиентам для участия в выставочном мероприятии.

С целью разработки выставочных стандартов работы менеджер отдела продаж вместе с менеджером отдела маркетинга делят потенциальных посетителей на группы в зависимости от их интересов и предпочтений. Это необходимо для подготовки раздаточных материалов и предвосхищении ожидаемых вопросов, а также необходимой информации о туристическом агентстве, его услугах, сотрудниках, основных направлениях деятельности.

В период за 2–3 дня до начала выставочного мероприятия руководителю туристического агентства необходимо провести инструктаж стендистов: довести до сотрудников показатели эффективной работы на выставочном мероприятии; пояснить основные цели, преследуемые туристическим агентством; разъяснить принципы организации выставочной деятельности с различными группами потенциальных клиентов.

Для оценки участия туристического агентства «Маджестик-Тур» в выставочных мероприятиях необходимо определить критерии оценки данного вида деятельности:

1. Показатели выполнения стратегического плана, разработанного сотрудниками отдела маркетинга ООО «Маджестик-Тур».

2. Отчёты деятельности отдела продаж в течение шести месяцев последующих после участия туристического агентства в выставочном мероприятии (могут быть представлены данные различного характера: источники получения информации о туристическом агентстве среди новых клиентов, анализ данных продаж в разрезе источников информации, показателей прибыли, общего количества заключённых договоров за определённый период).

В качестве конкретного примера нами было разработано планирование выставочной деятельности для туристического агентства ООО «Маджестик-Тур» на 2021 г., где запланировано участие в выставке «Leisure-2021».

Подготовка к выставочному мероприятию «Leisure-2021» начинается с составления организационного плана выставочного проекта (рис. 3).

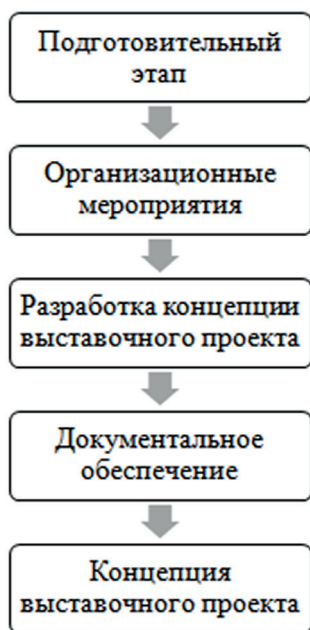

Рис. 3. Этапы подготовки выставки ООО «Маджестик-Тур» на 2021 г.

Fig. 3. Stages of preparation of the exhibition Majestic-Tour Company for 2021

Подготовительный этап выставочной деятельности туристического агентства связан с организационно-документальным обеспечением выставочного проекта. Документация для участия в любом выставочном мероприятии, как правило, носит стандартный характер и представляется с помощью

организационного плана и соответствующего ему документооборота.

При разработке концепции выставочного проекта необходимо обратить внимание на название и классификатор выставки. Название должно отвечать таким требованиям, как точность, интернациональность, юридическая прозрачность, а классификатор – определять тип выставочного мероприятия.

Организационные мероприятия участия ООО «Маджестик-Тур» в выставке «Leisure-2021» включают в себя:

- анализ коммерческой состоятельности участия и определение стоимости аренды выставочной площади;
- заключение договора на аренду выставочной площади;
- разработку фирменного стиля;
- подготовке информационного письма о выставочном мероприятии, составление программы;
- оформление заявочной документации.

Для приглашения участников выставочного мероприятия необходимо составить информационное письмо, которое должно содержать название выставки, место и время её проведения, программу мероприятий, контактные данные организаторов. Кроме того, информационное письмо должно отражать элементы фирменного стиля выставочного мероприятия. Объём информационного письма не должен превышать двух страниц печатного текста.

Под заявочной документацией по проекту имеется в виду бланк заявки, а именно, договор на участие в выставочном мероприятии, согласно которому происходит выставление счёта-фактуры экспоненту. Данный счёт-фактура описывает условия участия в выставочном мероприятии, способы оплаты, размер площади аренды, список дополнительного оборудования и услуг, которые предоставляются организаторами выставки «Leisure-2021».

Среди дополнительных услуг, которые предлагают организаторы выставки, особый интерес для ООО «Маджестик-Тур» представляет индивидуальная программа, включающая в себя презентацию сильных сторон выставки и её проектов, а также детализацию рекламных инструментов для туристического агентства. Среди основных организационных мероприятий рекламной кампании туристического агентства ООО «Маджестик-Тур» в рамках выставочной деятельности нами были выбраны следующие:

- создание структуры проекта продвижения товаров и услуг туристического агентства;
- разработка системы информационной поддержки проекта, рекламных материалов;
- корректировка текстового содержания;
- определение совокупности продукции полиграфического характера, мероприятий рекламного характера: виды рекламы, акции и др.;
- подготовка и сдача в печать рекламных материалов.

Организационные мероприятия предвыставочной работы сотрудников отдела маркетинга ООО «Маджестик-Тур» включают в себя проведение:

- рекламной кампании, которая предполагает размещение рекламы и информации о выставочном мероприятии в средствах массовой информации с целью привлечения потенциальной аудитории;
- прямой рассылки информационных писем о выставочном мероприятии на основе клиентской базы туристического агентства с обязательным последующим обзвоном;
- переговоров и договоров на участие в выставочном мероприятии отдельных туристических компаний;
- подготовки мероприятий деловой программы (формирование и уточнение тематики докладов, пресс-релизов, графика проведения мероприятий); рекламно-информационных материалов (каталоги, справочники, CD-диски) и работы по их размещению;
- проверки и необходимой корректировки плана экспозиции выставки;
- работы по организации на выставочном мероприятии сервис-бюро, по решению технических вопросов организации участия туристического агентства в выставке.

В ходе проведения выставочного мероприятия сотрудникам ООО «Маджестик-Тур» необходимо осуществить изучение двух аспектов: во-первых, во время выставки необходимо произвести регистрацию и учёт посетителей как коммерческих, так и частных, а во-вторых, необходимо провести анализ туристического рынка.

Среди основных причин проведения статистических и социологических исследований во время выставочной практики, на наш взгляд, можно определить следующие:

- полученные и верно обработанные данные статистики способствуют достиже-

нию выставочным проектом международного успеха и признания;

- собранные в ходе анализа данные статистики являются базой для корректировки направлений и общей стратегии туристического агентства;

– маркетинговое исследование рынка – коммерческая информация для участников выставочного мероприятия, и таким образом, её получение по время выставки повышает привлекательность данного инструмента маркетинга;

– анализ маркетинговой информации в динамике позволяет получить представление об основных тенденциях развития туристического рынка, что дополняет разделы последующих выставок новой информацией и корректирует деловую программу будущего выставочного мероприятия.

В качестве объекта социологического и статистического исследования в ходе выставочного мероприятия выступают посетители, для разных категорий которых разрабатывается определённый вид анкеты.

К правилам и формам регистрации посетителей выставочного мероприятия международными организациями и союзами определены достаточно жёсткие требования. Регистрационный блок, как правило, формируется исходя из этих норм. Примерная анкета посетителя представлена на рис. 4. Подобные анкеты заполняются либо вручную, либо с помощью компьютерной системы, а также путём выборочного опроса посетителей посредством интервью. Для привлечения внимания посетителей выставочного мероприятия к заполнению таких анкет туристическое агентство может использовать следующие виды поощрений:

- буклеты или билеты с купонами на скидку для приобретения товаров и услуг туристического агентства;
- выдача именного купона или билета на посещение выставочного мероприятия на постоянной основе;
- раздача информационных материалов туристического агентства или сувенирной продукции.

Конечной целью описанных на рис. 4 действий является подготовка отчёта об эффективности участия туристического агентства ООО «Маджестик-Тур» в выставочном мероприятии «Leisure-2021».

Таким образом, нами предложена технология организации выставочной деятельности для туристического агентства на основе анализа предыдущего опыта участия в подобном мероприятии.

Вопрос	Ответ
Фамилия, имя, отчество	
Название организации, которую Вы представляете	
Адрес организации, представителем которой Вы являетесь	Страна _____ Город _____ Электронная почта _____
Цели участия в выставке	
Откуда Вы узнали о данной выставке	
Оценка выставки от 0 до 5	

Рис. 4. Анкета посетителя выставки

Fig. 4. Exhibition visitor questionnaire

Заключение. Рост объёма информации, который происходит в современном мире, является неотъемлемой составляющей развития общества. Имеющиеся информационные ресурсы, которые современное общество может использовать, выступают условием развития человеческой деятельности в экономическом, научном и культурном аспектах. В условиях глобализации и интенсификации международного сотрудничества повышается роль выставочной деятельности, которая, развиваясь вместе с обществом, подвергается значительным изменениям в различных аспектах и выступает средством ретрансляции в современное общество объективных инновационных процессов.

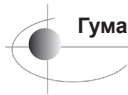
В настоящее время туристические компании используют различные рекламные средства с целью привлечения внимания потенциальной аудитории. Основным эффектом таких средств заключается, главным образом, в психологическом воздействии на человека таким образом, чтобы в его подсознании формировалось определённое пред-

ставление о продукте или услуге. На выставках, как правило, посетителям демонстрируются фотографии туристического продукта, что определено спецификой туристского производства. В связи с чем, выставка выступает своеобразным средством коммуникации, имеющим свои отличительные черты и возможности.

На наш взгляд, основным из способов повышения эффективности выставочных мероприятий в туристской сфере выступает маркетинговое сопровождение выставочной деятельности, предполагающее информационную поддержку выставки, применение новых усовершенствованных методов сбора и обработки информации, а также общее развитие управления выставочной деятельностью туристического агентства. Достижение целенаправленности и эффективности работы туристской выставки невозможно без чёткого планирования и проведения целевых исследований маркетинговой направленности с целью подготовки и проведения выставочного мероприятия.

Список литературы

1. Жолнерова Т. Ю. Выставка: маркетинг-микс здесь и сейчас // Практический маркетинг. 2005. № 8. С. 9–11.
2. Александрова Н. В. Выставочный менеджмент: стратегии управления и маркетинговые коммуникации. М.: РИА ПРОЭКСПО, 2006. 240 с.
3. Филоненко И. К. Основные проблемы выставочной деятельности в России. М.: Дашков и К°, 2003. 218 с.
4. Критсотакис Я. Г. Торговые ярмарки и выставки. Техника участия и коммуникации. М.: Дашков и К°, 2015. 1012 с.
5. Садовнича А. В. Выставочно-ярмарочная деятельность как эффективная организационная форма реализации стратегических интересов государства // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 96–109.
6. Фролов А. А., Бычков И. Г., Щербанский В. Б. Управление выставочной деятельностью с использованием информационных технологий: монография. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 265 с.

7. Котов Ю. И. Выставочная деятельность как отрасль российской экономики. М.: Норма, 2007. 122 с.
8. Селезнева Е. В. Маркетинг выставочной деятельности предприятия // Молодой учёный. 2018. № 29. С. 76, 77.
9. Беляновский А. С. Выставка как инструмент маркетинга // Продовольственный бизнес. 2002. № 9. С. 17–22.
10. Алексеев С. П. Условия эффективности выставочно-ярмарочной деятельности. М.: Центр, 2018. 212 с.
11. Жарников Д. С. Методика оценки эффективности выставки // Практический маркетинг. 2004. № 11. С. 2–5.
12. Rio J. The Trade Show Chronicles: Everything you Need to Succeed at Exhibitions in a Unique Novel // Create Space Independent Publishing Platform. 2017. 28 February. 130 p.
13. The International Exhibition Industry and Its Future. Looking Ahead To 2020. Delphi Study. URL: https://www.ufi.org/archive/info-newsletter/138-UI_L1-1032-L2-1032-16198.pdf (дата обращения: 28.11.2020). Текст: электронный.
14. Kenyon B. Trade Show Guide to Success // Independently Published. 2019. 23 March. 62 p.
15. Masiello L. Insider's Guide to Trade Show and Event Management: 23 Expert Insights, Best Practices and Money-Saving Tips You Can Use Today to Make Your Trade Show or Conference a Smashing // Kindle Edition Asil Media Group. 2018. 31 May. 79 p.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021; принята к публикации 24.03.2021

Сведения об авторах

Лиханова Виктория Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: vika_likhanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1799-9001>.

Титова Марина Павловна, кандидат философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: titovamarina1@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7445-0635>.

Вклад авторов в статью

В. В. Лиханова – основной автор, обобщение итогов реализации коллективного проекта.

М. П. Титова – систематизирование материала, формулирование выводов, оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Лиханова В. В., Титова М. П. Выставочная деятельность туристического предприятия в условиях формирования информационного общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 56–65. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-56-65.

References

1. Zholnerova, T. Y. Exhibition: marketing mix here and now. Practical marketing, no. 8, pp. 9–11, 2005. (In Rus.)
2. Alexandrova, N. V. Exhibition management: management strategies and marketing communications. M: PROEXPO, 2006. (In Rus.)
3. Filonenko, I. K. The main problems of exhibition activity in Russia. M.: Dashkov & K, 2003. (In Rus.)
4. Kritsotakis, Ya. G. Trade fairs and exhibitions. Technique of participation and communication. M: Dashkov & K, 2015. (In Rus.)
5. Sadovnichaya, A. V. Exhibition and fair activities as an effective organizational form of implementing the strategic interests of the state // Managerial consulting, no. 7, pp. 96–109, 2017. (In Rus.)
6. Frolov, A. A. Management of exhibition activities with the use of information technologies: monograph. Yekaterinburg, 2014. (In Rus.)
7. Kotov, Y. I. Exhibition activity as a branch of the Russian economy. M: Norma, 2007. (In Rus.)
8. Selezneva, E. V. Marketing of the exhibition activity of the enterprise, no. 29, pp. 76, 77, 2018. (In Rus.)
9. Belyanovsky, A. S. Exhibition as a marketing tool. Food business, no. 9, pp. 17–22, 2002. (In Rus.)
10. Alekseev, S. P. Conditions of the effectiveness of exhibition and fair activities. M: Center, 2018. (In Rus.)
11. Zhamikov, D. S. Methodology for evaluating the effectiveness of the exhibition. Practical marketing, no. 11, pp. 2–5, 2004. (In Rus.)
12. Rio, J. The Trade Show Chronicles: Everything you need to succeed at exhibitions in a unique novel. Create Space Independent Publishing Platform. February 28, 2017. (In Engl.)
13. The International Exhibition Industry and Its Future. Looking Ahead To 2020. Delphi Study. Web. 28.11.2020. https://www.ufi.org/archive/info-newsletter/138-UI_L1-1032-L2-1032-16198.pdf (In Engl.)

14. Kenyon, B. Trade Show Guide to Success. Independently published. March 23, 2019. (In Engl.)
15. Masiello, L. Insider's Guide to Trade Show and Event Management: 23 Expert Insights, Best Practices and Money-Saving Tips You Can Use Today to Make Your Trade Show or Conference a Smashing. Kindle Edition Asil Media Group. 1 edition. May 31, 2018. (In Engl.)

Received: February 22, 2021; accepted for publication March 24, 2021

Information about author

Likhanova Victoria V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: vika_likhanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1799-9001>.

Titova Marina P., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: titovamarina1@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7445-0635/>

Contribution of authors to the article

V. V. Likhanova – is the main author who has formulated the conclusions in realization of the group project.

M. P. Titova – has carried out the systematization of material, formulated the conclusions; she has also designed the article.

Reference to the article

Likhanova V. V., Titova M. P. Exhibition Activity of Tourist Enterprise in the Context of Information Society // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 56–65. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-56–65.

АКСИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

AXIOLOGY OF CULTURE

УДК 141.333+177.7

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-66-73

Олег Дмитриевич Агапов,

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

(г. Казань, Россия),

e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0001-6352-8505

Радость бытия как антропологическая практика

Радость бытия связана с воплощением в ответе на вызовы стихий/безмерности бытия, обладающих независимостью от Я человека, его субъектности. В контексте ответа на вызовы бытия человек осваивает определённую силу бытия в себе и в мире. Тем самым радость бытия связана с выходом жизни человека на уровень «чудесной плодотворности» (Э. Левинас), уровень «внутренней необходимости своей жизни» (Ф. Василюк), уровень великодушия (М. Мамардашвили). Онтологический долг человека – это состояться в качестве человека. Радость бытия тесно связана с переживанием человеком своей причастности бесконечности/вечности и осознанием своей субъектно-субъективной временности/конечности, что настраивает его на абсолютную серьёзность по отношению к воплощению в жизни. Радость – это конституирующий антропологический феномен в структуре способов переживания человеческого бытия. Радость бытия как антропологическая практика выступает как постоянно расширяющаяся сфера субъектности человека, где происходит преобразование сил бытия под знаком выси (Блага). Вне возможности претворения человек устаёт от жизни, погружается в унылость лени и беспросветность суеты. Радость бытия связана с единством, стягивающим множественность жизни человека под эгидой смысла, позволяющего ясно видеть Иное/Другое гетерогенного бытия, осознавать сопричастность и ответственность силам бытия, а также действовать в синергии с ними. Радость бытия предстаёт перед человеком как радость отцовства/материнства, радость свидетельствования о мире в творчестве (субъект как способ отступить перед миром, дать миру сиять), радость каждого дня, спасённого от абсурда, от тьмы, от безличного существования тотального.

Ключевые слова: радость, высшая реальность, антропологическая практика, высь, субъект, трансценденция, практика совладания

Oleg D. Agapov,

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

(Kazan, Russia),

e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru,

https://orcid.org/0000-0001-6352-8505

The Joy of Being as Anthropological Practice

The joy of being is connected with one's activities aimed at responding to the challenges of the elemental forces and the boundlessness of being, which are independent of human subjectivity. In the context of rising to the challenges of being, one settles to acquire a certain power of being in themselves and in the world. Thus, the joy of being is tied to achieving the level of the "miraculous fecundity" (E. Levinas), "an internal necessity of one's life" (F. Vasilyuk), magnanimity (M. Mamardashvili). The ontological duty of any human being is to succeed at being human. The joy of being is closely connected to experiencing one's involvement in the endless/eternity and realizing one's subjective temporality/finitude, which attunes him to the absolute seriousness in relation to one's complete realization in life. Joy is a foundational anthropological phenomenon in the structure of ways of experiencing the human condition. The joy of being as an anthropological practice can appear as a constantly expanding sphere of human subjectivity where the transfiguration of the powers of being occurs under the sign of the Height (Levinas) / the Good. Without the possibility of transfiguration human beings get tired of living, im-

© Агапов О. Д., 2021

merse themselves in the dejected state of laziness and the hopelessness of vanity. The joy of being is connected to unity, gathering the multiplicity of human life under the aegis of meaning that allows us to see the other and the alien in heteronomous being, and understand the nature of co-participation and responsibility before the forces of being, and also act in synergy with them. The joy of being stands before a human being as the joy of fatherhood/motherhood, the joy of being a witness to the world in creative acts (the subject as a means to retreat before the world and let the world shine), the joy of every day that was saved from absurdity, darkness and the impersonal existence of the total.

Keywords: joy, higher reality, anthropological practices, “the height”, subject, transcendence, practice of coping

Введение. Обращение святого апостола Павла – «*Всегда радуйтесь!*» – звучит как вызов (1Сол 5:6), как вызов повседневности с её рутинной и монотонностью; вызов алармистской «повестке дня», прошитой заботой об ответственности за разрешение глобальных проблем современности; вызов всем установкам общества риска (по У. Беку).

Воззвание святого Павла к филиппийцам – «*Всегда радуйтесь в Господе; / И ещё говорю, радуйтесь*» (Флп 4:4) – ещё более скандально для человека современности, ибо в нём призыв всегда радоваться в Господе, т. е. радоваться в Том, кого эпоха модерна с века Просвещения (XVIII в.) изгоняет из всех социальных институций и сознания. В то же время следует признать, что апостол Павел прав в своём свидетельстве о духовной реальности, в своём манифесте о преодолении косности и инертности «мира сего», забывшего о конституирующих его цивилизационный проект антропологических феноменах.

Становление человеческого рода, то, что обычно скрывается за термином «антропосоциогенез», таит в себе множество кардинальных и качественных трансформаций в существовании рода, создавших пространство и время человеческого бытия в его современном виде. Однако политкорректный образ развития человеческого рода, как правило, исключает или замалчивает ряд качественных характеристик человека. Удивительно, что из содержания человеческой жизни изгоняются не только фигуры смерти, горя, насилия, нищеты, страдания и так далее, но и счастья, радости, любви. Происходит смысловая и сущностная подмена полновесных онтологических человеческих качеств, им на смену идут эрзацы, где вместо счастья – удовольствие, вместо любви – секс, и вместо радости – удовлетворение от шопинга или фитнеса. Мир человека современности тем самым редуцируется, делается плоским, размеренным и одновременно непригодным для жизни, ибо вместо сложной, насыщенной антиномиями структуры человеческого бытия (между смертью и жиз-

нью, между верхом и низом) остаётся схема одномерных жизненных стратегий, отвечающих миссиям и функциям политических режимов, транснациональных корпораций и т. д. Иными словами, вместо человеческой жизни выстраивается человекообразный мир людей, неспособных к полноте бытия, к творческому преображению ни мира, ни себя. Тем самым человек современности открывает путь экзистенциализму, выбирает путь Ухода [1; 10].

Таким образом, если до эпохи постмодерна антропосоциогенез рассматривался как процесс восхождения и преодоления, процесс движения от «ублещенной к симфонической личности» (по Л. Карсавину), социально-антропологический/цивилизационный проект постмодерна предлагает относиться к динамике человеческого рода как к игре с нулевой суммой, как к движению без движения или вечному «плато» существования. В этой трактовке образа и способа жизни человека нет интенции к культуре *мужества быть*. Вместе с тем реальность антроподинамики человеческого рода свидетельствует, что самовольное исключение качественных характеристик, отказ от многообразия форм человеческой субъектности оборачивается антропологической катастрофой (по М. Мамардашвили), проявляющейся во множестве феноменов, имеющих как социально-психологическую (рост неврозов, психозов, депрессий, активных и пассивных форм суицидального поведения), так и экономические, политические и социокультурные формы [3–8].

Методология и методы исследования. Одна из актуальных задач современного социально-гуманитарного сообщества состоит в развитии такой теоретико-методологической оптики восприятия и понимания развития человеческого рода, которая будет способна отстаивать целостный образ человека, а также защищать от редукции и аннигиляции ниши человеческого бытия. На наш взгляд, сегодня антропология всё больше должна брать пример с экологии, представители которой смогли создать не только развитую научно-мировоззренческую кон-

цепцию биосферы, но широкое и массовое общественное движение, направленное на последовательную критику различных хищнических практик деятельности человека, а также выстраивание более рациональных моделей взаимодействия между человеческим родом и природой.

Нам необходимо восстановить в полноте конституирующие бытие человека феномены. Например, Ф. Е. Василюк в своё время обратил внимание на онтолого-антропологический статус переживания в существовании человека. «Переживание в предельно абстрактном понимании – это борьба против *невозможности жить*, это в каком-то смысле борьба против смерти внутри жизни. Но, естественно, не всё, что отмирает или подвергается какой-либо угрозе внутри жизни, требует переживания, а только то, что существенно, значимо, принципиально для данной формы жизни, что образует её *внутренние необходимости*» [9, с. 78, 79]. Он пишет, что горе – это «конституирующий антропологический феномен: ни одно самое разумное животное не хоронит своих собратьев. Хоронить – следовательно, быть человеком. Но хоронить – это не отбрасывать, а прятать и сохранять. И на психологическом уровне главные акты мистерии горя – не отрыв энергии от утраченного объекта, а устроение образа этого объекта для сохранения в памяти» [10].

Фёдор Василюк делает смелое предположение о том, что «человеческое горе не деструктивно (забыть, оторвать, отделиться), а конструктивно, оно призвано не разбрасывать, а собирать, не уничтожать, а творить – творить память», поэтому гуманитарии должны развивать *парадигму памятования* вместо *парадигмы забвения* [Там же]. Иными словами, горе и страдания человек не должен избегать, а должен признавать как одни из ситуаций, свойственных человеческому бытию, и по возможности преобразить их в рамках определённой *практики совладания*.

В целом человек должен научиться творческому отношению к жизни, которая выступает для него «внутренне сложной и внешне трудной», это бытие через кризисы. Развитие личности, её масштаб и динамика жизни определяются способностью преодолевать кризисы личностного развития, жизненные невзгоды и вызовы. Неслучайно среди важнейших качеств личностной формы бытия выступает жизнестойкость (*hardiness*) [3; 4; 7].

Кризисы, как показывает Ф. Василюк, – это всегда «критический момент и поворотный пункт жизненного пути» человека [9, с. 48], который в пограничной ситуации может обрести «внутреннюю необходимость жизни», её онтологическое основание, смысл и цель. «Внутренняя необходимость жизни» не дана от рождения, она формируется в рамках антропологической практики (практик) себя, требующих от человека открытия себя, пробуждения Я, осознания и практики способов существования Я.

Кризисная ситуация – это момент выбора в жизни человека, где предметом выступает осознанность или неосознанность собственной жизни. Первой интенцией выступает стремление к восстановлению докризисного распорядка жизни, привычных структур повседневности. Однако возможно и кардинальное преобразование, «перерождение её в другую по существу жизнь» [Там же]. Фактически речь идёт «некотором порождении собственной жизни, о самосозидании, самостроительстве, т. е. о творчестве, ибо что есть творчество, как не порождение и созидание» [Там же, с. 149].

Фёдор Василюк в творческом (в противоположность гедонистическому и реалистическому) переживании жизни видит три смысла, вне созидания, осмысления и воплощения которых человек никогда не выйдет на уровень полноты бытия. Первый смысл творческого переживания состоит «в нахождении новой ценностной системы, способной лечь в основу нового осмысленного жизненного замысла (в этой своей части творческое переживание совпадает с ценностным)». Второе значение переживания – в глубоком освоении новых ценностей, в их «приложении к собственной индивидуальности», в стремлении создать «в этой ценностной системе идеал самого себя». И, наконец, третья задача переживания «в реальном чувственно-практическом искоренении зараженности душевного организма отмирающими лжеценностями (и соответствующими мотивами, установками, желаниями и пр.) и одновременно в чувственно-практическом же утверждении и воплощении выстраданного идеала» [Там же, с. 151].

Митрополит Антоний Сурожский утверждает: «Подвигом, вдохновением, упорным трудом строится человек; и человек должен себя так любить, так ценить, так уважать своё достоинство человеческое, чтобы понимать: нет такого усилия, которое не стоило бы приложить, для того чтобы

стать достойным своего человеческого призвания» [11, с. 48].

Таким образом, условием преодоления кризисных ситуаций для человека выступает выход на аксиологический уровень бытия, существования, по Э. Левинасу, под эгидой выси/смыслов/ценностей. Открытие ценностей человек осознаёт и переживает как трансценденцию и экстенденцию одновременно, переход от безличного и безликого бытия к личностной форме бытия в мир, пронизанный смыслом и межличностными отношениями. В противоположность М. Хайдеггеру, левинасовская трактовка мира имеет не только негативный характер, который можно описывать через категории заброшенности или падшести. Структуры мира обладают «собственным равновесием, гармонией и позитивной онтологической функцией: возможностью вырваться из анонимного бытия» [12, с. 26].

В философско-антропологической концепции Э. Левинаса переход от плоской реальности к реальности смысла описывается как движение от злобытия/ужаса (*il y a*) к миру. «Бытие глубоко чуждо, оно нас ушибает. Мы терпим его объятия, удушающие, подобно ночи, но оно не отвечает. Это *злобытие*. Если философия является вопросом о бытии, она тем самым берет на себя бремя бытия. И если она больше, чем этот вопрос, значит, она позволяет себе превзойти вопрос, но не ответить на него. Больше вопроса о бытии может быть не истина, а благо» [Там же, с. 11].

Антропологическая практика переживания радости пронизана дуализмом существующего Я и существования. Жизнь нашего Я носит «мерцающий», событийный характер. Важно помнить, что «субъективность возникает, чтобы вновь исчезнуть – как момент, необходимый для проявления структуры Бытия, Идеи. Момент в квазивременном смысле моментального, мимолетного, преходящего, даже если на этом переходе вырисовывается вся история и вся цивилизация» [Там же, с. 335]. К тому же «субъективность как выстраивание интеллигибельных структур не имеет никаких внутренних целей. Мы присутствовали бы при крушении мифа о человеке, при конце самости и появлении некоего нового порядка – ни человеческого, ни бесчеловеческого» [Там же].

Итак, рассматривая антропологические практики древности и современности, следует иметь в виду, что они проявляют себя как минимум дважды: как антропологиче-

ский импульс и как социально-объективированная (через язык, символы, деятельность) практика.

Двойственность антроппрактик показывает онтологическую структуру бытия человеческого рода. Импульс свидетельствует о моменте захваченности человека бытием, моменте включённости и отзывчивости человека на множественные воплощения бытия. «Мы сразу находимся в бытии, ведем свою партию в его игре, являемся партнерами раскрытия. Остается лишь описать способы раскрытия, являющиеся способами существования» [Там же, с. 267]. Кардинальное отличие между ними состоит в том, что импульс мгновенен, реактивен и пассивен, а практика – активна и рефлексивна, способна к продлению и развитию. Иными словами, вторично антроппрактика являет себя как способ существования субъекта/субъектом, различающего себя и мир, себя и Другого. Следовательно, если возможно поставить вопрос о практике радости бытия, (а святой апостол Павел прямо к этому призывает), то правомерно поставить вопрос о двойной структуре радости доступной человеку: пассивной и активной.

Радость рождения Я связана с удивлением перед миром, это радость причастности мгновению жизни (закат, рассвет, вид, Лик). Причастность со-бытию становления бытия, «соприкосновение со светом, миг, когда мы открываем глаза, озарение, заключающееся в простом ощущении, представляются вне связи, не являются ответами на вопросы. Свет озаряет и понимается естественно, являясь самым актом понимания. Но внутри этой естественной корреляции между нами и миром путем своего рода раздвоения возникает вопрос: удивление перед этим озарением. Удивление, которое Платон считает началом философии, это изумление чем-то естественным и понятным. Сама понятность света удивительна: свет и тьма сдвоены» [Там же, с. 11].

Именно в удивлении перед великим и малым, прекрасным и безобразным в бытии, в этой замороженности миром пробуждается наше Я, рождаемся мы как субъекты бытия, где субъект, по мысли Э. Левинаса, выступает как «гостеприимный хозяин» [Там же, с. 141], а не только как захватчик/Господин.

Свет в философии Э. Левинаса – это событие приостановки бега жизни, это необходимое для становления человека в качестве субъекта и личности событие, в акте которого в мир человека входит

знание и ясность: знание, раскрывающее перед человеком пространство мира и ясность нетождественности Я и мира. «Заданное светом пространственное отстояние светом же мгновенно и поглощается» [13, с. 58].

Для развития практики радости бытия важно сохранить память о со-бытии света, развивать способность видеть свет – созерцательность, не растворяясь полностью в суе повседневной рутины. Развитие искусства – видеть свет, предстоять перед его знанием и ясностью, это искусство трансценденции, дающее исток для эстетического, этического и метафизического отношения к жизни. Бытие человека – это череда начинаний, где способность к рефлексии, рефлексивность Я – «не что иное, как бытие началом начала» [12, с. 336], быть субъектом.

Субъект для Э. Левинаса – это способность «бесконечного отступления, позволяющая всегда находиться за тем, что с нами происходит», это «свобода по отношению к любому объекту, отступление, это субъект сам по себе» [Там же, с. 29].

Событие света – это свидетельство высшей реальности, где возможны смысл, любовь, благо. Например, «иметь смысл значит помещать себя относительно абсолюта, т. е. исходить из той инаковости, которая не исчерпывается её восприятием» [Там же].

Увидеть в мире инаковость – это понять, что в мире есть не только Я, не только одиночество и заброшенность, а посмотреть на мир как «чудесное изобилие» множества предметов/вещей мира. Множественность мира буквально развязывает язык человека, заставляя человека воспевать красоту мира. «Иметь смысл значит научать чему-то или самому научиться, говорить или иметь возможность быть высказанным» [Там же].

Бытие человека в качестве личности возможно только под эгидой осознания времени жизни как «чудесной плодотворности в то самое мгновение, когда оно возобновляется как другое» [13, с. 58].

Событие света амбивалентно: вместе с высью и смыслом человек осознаёт свою уязвимость, свою недостаточность. Радость открытия мира омрачается травмой страдания, которое Э. Левинас определяет как «невозможность отступить», это «загнанность в жизнь, бытие», «невозможность уйти в ничто» [Там же, с. 68]. Следовательно, исследуя радость как одну из практик бытия человека, следует помнить о том, что способно

вытеснить это возвышающее человека переживание.

На наш взгляд, радость преобразует ужас перед бытием и небытием. Э. Левинас показывает, что мы исходим в своей жизни из факта безличного наличия (*il y a*), где совпадают субъективное и объективное существование, где мы не можем с лёгкостью относиться к ничто и к смерти. «Страх небытия соизмерим лишь с нашей вовлечённостью в бытие. Существование трагично само по себе, а не из-за своей конечности» [12, с. 10].

Результаты исследования и их осуждение. Итак, радость бытия возможна как *деятельное бытие* человека в качестве субъекта, основанное на памяти – созерцании о свете/выси/смысле. Быть субъектом означает претворять и пребывать, воплощаться и давать пребывать и осуществляться силам/стихиям бытия.

Открывая благодаря трансценденции (экстенденции) пространство света и мира, человеческий род выходит за пределы свободы восприятия, выходит на уровень «наслаждения миром, миром, который “для-меня”, который меня удовлетворяет. Стихии не относятся к человеку как к месту ссылки, унижая его и ограничивая его свободу. Человек вовсе не пребывает в мире абсурда, куда он якобы заброшен (*geworfen ist*). Это – абсолютная истина» [Там же, с. 158].

Стихии бытия, обнаруживаемые человеком в себе и мире, есть обнаружение принципиально иного/Иного, чем Я, переживается человеком как бесконечное, как вызов-возможность, дающий ему стать собой, испытать чувство наслаждения жизнью. Обнаружение и осмысление стихий бытия даёт возможность конституироваться таким качеством, как воля, вера, разум и т. д.

Человек перед стихиями мира ощущает одновременно «головокружение и трепет» [Там же, с. 276], наличие стихий переживается им и как чувство наслаждения причастности миру, и как травма уязвлённости бытием. Однако наслаждение первичнее, чем травма, ибо причастность жизни переживается как экстаз, упоение, как радость нахлынувших сил и возможностей, как переживание мира выси или свободы. Конкретнее Мераб Мамардашвили связывал его с радостью, с освобождением, с истиной [8, с. 15], а Ф. Е. Василюк называет свободу «распахнутой радостью», где «нота свободы – ликующая радость невысказанных возможностей» [9, с. 59, 60]. Более того, осознание бесконечного не унижает человека, но «оно ста-

вит под вопрос наивное право моей власти, победительную спонтанность живого, “наступательную силу” [12, с. 301]. Тем самым человек обучается обращению с силами бытия, приобретает ответственность за их развитие, качество, содержание и смысл.

Многообразие сил бытия размыкает не только одиночество Я, но и его тотальность. Я человека оказывается сообществом, способным к плюральности способов бытия. Тем самым человек обретает способность сначала в сознании, потом в деятельности вести сложную intersubъектную и интерактивную жизнь, обретает способность к преодолению страхов и угроз незрелой личности, пребывающий во власти “il y a”.

Невозможность претворения обретенных в момент света/выси сил и стихий переживается человеком как скованность и разочарование, как невозможность осуществлять «внутреннюю необходимость жизни» (по Ф. Е. Василюку), связанную со свидетельствованием, утверждением и претворением бытия. Важно помнить, что «мы не просто существуем, страдая и радуясь, – мы существуем страданием и радостями. Питая себя своей деятельностью – это и есть наслаждение» [Там же, с. 134].

Действительно, радость бытия – это процесс переживания наслаждения и счастья от жизни, процесс со-существования и со-бытийствования в мире и с миром. Это внутреннее согласие или «добрая воля» на то, чтобы мир был. Фактически, это конституирование такого качества человеческой субъектности, как великодушие, где в позитивном залоге принимается не только собственное Я, но и весь мир. «Великодушие, питаемое тем, что желают; отношение, при котором расстояние не исчезает, стало быть, не происходит сближения; или, если попытаться как можно теснее соединить друг с другом сущность великодушия и сущность желания, отношение, позитивный смысл которого зависит от степени отделения, удаленности; великодушие, которое, если так можно сказать, питается своим голодом» [Там же, с. 74].

Радость бытия – это форма любви к жизни, к её феноменам, которые не являются мною, но «они мне дороже, чем мое бытие: мыслить, есть, спать, читать, работать, греться под солнцем. Отличные от моей субстанции и вместе с тем образующие ее, эти содержания определяют цену моей жизни. Сведенная к голому существованию, подобному существованию теней, увиденных Улиссом в аду, жизнь превратилась бы в

ть. Жизнь – существование, не предшествующее собственной сущности» [Там же, с. 135].

Радость и счастье в жизни человека – это «не акциденция бытия, поскольку мы рискуем бытием ради счастья» [Там же], – это событие свершения. Например, счастье живёт в «душе, получившей удовлетворение, а не в душе, искоренившей в себе потребности, не в оскопленной душе. А поскольку жизнь – это счастье, она носит личностный характер. Личностность личности, самость “я” в них более, чем в свойствах атомов или индивидов, заключена особенность получаемого от наслаждения счастья» [Там же, с. 137].

Утверждая деятельностный характер радости бытия, мы должны помнить, что сама радость не содержится в самой деятельности, она, как показывает Э. Левинас, связана «с другими соображениями – радостью выполненной задачи и долга, героизмом трудностей и самопожертвования» [Там же, с. 19]. Самым сложным моментом для современного цивилизационного проекта (по А. Пигалеву, [14]) является, на наш взгляд, установление корреляции между радостью бытия и требованием исполнения определённого долга (Перед кем? Чем?), радостью бытия и самопожертвованием (Ради чего? С какой стати?)

Заключение. Онтологический долг человека – это состояться в качестве человека. Радость бытия тесно связана с переживанием человеком своей причастности бесконечности/вечности и осознанию своей субъектно-субъективной временности/конечности, что настраивает его на *абсолютную серьёзность* по отношению к воплощению в жизни. Горизонт временности становится источником не наслаждения, а *озабоченности* жизнью. Озабоченности, которая может превращаться в смысл только тогда, когда человек не бежит от творческого бытия в жизни. Радость бытия как форма любви к жизни связана с отцовством/материнством, супружеством, с практиками субъектности, где в деятельности претворяется та или иная сила/стихия бытия. Вне возможности претворения человек устаёт от жизни, погружается в унылость лени и беспросветность суеты. Например, лень – это «бессильное безрадостное отвращение по отношению к самому существованию как грузу. Это страх жить, являющийся, тем не менее, жизнью, в которой боязнь непривычного, приключения, неизвестности – следствие тошноты,

вызванной отвращением к *предприятию существования*» [12, с. 15].

Вопрос о самопожертвовании тесно связан с идеей долженствования человека. Ибо вопрос свершения предполагает не простое изменение как перемену одного на другое, а развитие, подразумевающее кардинальное преобразование, исход из рабства обезличенности сущего, из сферы "и/у а". В частности, Э. Левинас отмечает, что «начать по-настоящему значит начать, неотчуждаемо владея собой. Это значит быть не в состоянии вернуться назад. Это значит подняться на борт и отдать швартовы. Но тогда нужно прожить авантюру (*человеческой жизни – О. А*) до конца» [Там же, с. 14].

Также и в христианстве, понимаемом как духовная практика человека, связанном с предстоянием перед Богом, хождением «во-след Христу», прежняя до-евангельская жизнь рассматривается как пребывание в рабстве у греха. В связи с этим, активная или деятельная радость, например, связана с *памятованием* о Христе, испутившем

грехопадение Адама (всего человечества), связана с преодолением усталости от жизни, различных форм отчуждения, несправедливости, насилия, смерти. Главное, как показывает митрополит Антоний Сурожский, самим христианам не забыть в повседневности «ликующую радость» Евангелия [15, с. 194]. Он пишет: «Когда Христос говорит: Радуйтесь и веселитесь! (Мф 5:12) – это завершение заповедей блаженства, где говорится о гонениях, об испытаниях и о трудностях жизни. И по существу Христос нам говорит: что бы ни было с вами в жизни, об одном вы можете радоваться – радуйтесь и перерастайте себя, будьте выше себя самих, не сводите жизнь к масштабу собственного восприятия: вы – дети Божии» [Там же, с. 221].

Основанием для преобразования из человека в личность выступает не просто человек, жертвующий/инвестирующий в развитие самого себя, свои предполагаемые способности, а человек, стремящийся к новому качеству себя под знаком выси/смысла, предстоя Богу и Другим.

Список литературы

1. Азаренко С. А., Макаров Д. И. Синергичная антропология как междисциплинарная парадигма. Размышления об онтологии «интерфейса» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 61–71.
2. Хоружий С. С. Очерки синергичной антропологии М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
3. Frankl V. E. Man's Search For Ultimate Meaning. New York: Basic Books, 2000. 208 p.
4. Fromm E. The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil. New York: Lantern Books, 2010. 144 p.
5. Girard R. Things Hidden Since the Foundation of the World. Stanford: Stanford University Press, 1987. 470 p.
6. Levinas E. Humanism of the Other. Illinois: University of Illinois Press, 2005. 136 p.
7. Maddi S. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. Luxemburg: Springer, 2013. 100 p.
8. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. 549 с.
9. Василюк Ф. Е. Психология переживаний. М.: Изд-во МГУ, 1984. 240 с.
10. Василюк Ф. Е. Пережить горе. URL: <http://www.nkozlov.ru/library/psychology/d3469/> (дата обращения: 20.09.2020). Текст: электронный.
11. Сурожский А. Труды: в 2 т. М.: Практика, 2007. 964 с.
12. Левинас Э. Тотальное и Бесконечное. Избранное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
13. Левинас Э. Время и другой. СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 1998. 265 с.
14. Пигалев А. И. Апокалиптика постмодерна. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 231 с.
15. Сурожский А. Человек перед Богом. М.: Практика, 2007. 348 с.

Статья поступила в редакцию 25.09.2020; принята к публикации 07.11.2020

Сведения об авторе

Агапов Олег Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева; 420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42; e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>.

Библиографическое описание статьи

Агапов О. Д. Радость бытия как антропологическая практика // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 66–73. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-66-73.

References

1. Azarenko, S. A., Makarov D. I. Synergetic anthropology as an interdisciplinary paradigm. Thoughts on the ontology of the "interface". Questions of Philosophy, no. 2, pp. 61–71, 2019. (In Rus.)
2. Khoruzhiy, S. S. Sketches on synergetic anthropology. M: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2005. (In Rus.)
3. Frankl, V. E. Man's Search for Ultimate Meaning. N. Y.: Basic Books, 2000. (In Engl.)
4. Fromm, E. The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil. N. Y.: Lantern Books, 2010. (In Engl.)
5. Girard, R. Things Hidden Since the Foundation of the World. Stanford University Press, 1987. (In Engl.)
6. Levinas, E. Humanism of the Other. University of Illinois Press, 2005. (In Engl.)
7. Maddi, S. Hardiness: Turning Stressful Circumstances into Resilient Growth. Springer, 2013. (In Engl.)
8. Mamardashvili, M. K. Lectures on Proust. M: Ad Marginem, 1995. (In Rus.)
9. Vasilyuk, F. E. Psychology of experiences. M: MGU, 1984. (In Rus.)
10. Vasilyuk, F. E. Going through grief. Web. 20.09.2020. <http://www.nkozlov.ru/library/psychology/d3469/> (In Rus.)
11. Surozhskiy, A. Works. Vol. 2. M: Praktika, 2007. (In Rus.)
12. Levinas, E. Collected works: Totality and Infinity. M., SPb: Universitetskaya kniga, 2000. (In Rus.)
13. Levinas, E. Time and the Other. SPb: Izd-vo Vysshey religiozno-filosofskoy shkoly, 1998. (In Rus.)
14. Pigalev, A. I. Apocalyptic visions of postmodernity. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2012. (In Rus.)
15. Surozhskiy, A. Man before God. M: Praktika, 2007. (In Rus.)

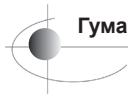
Received: September 25, 2020; accepted for publication November 7, 2020

Information about author

Agapov Oleg D., Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov; 42 Moskovskaya st., Kazan, 4201111, Russia; e-mail: ag.oleg2015@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6352-8505>.

Reference to the article

Agapov O. D. The Joy of Being as Anthropological Practice // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 66–73. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-266-73.

УДК 294.321+ 001.19

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-74-79

Татьяна Владимировна Бернюкевич,*Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет**(г. Москва, Россия),**e-mail: bernyukevich@inbox.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>*

Наука и религия в XXI веке: буддийский вектор

В статье дан анализ отношений буддизма и науки, представленный в работах и деятельности буддийских лидеров и учёных. Целью исследования является определение специфики отношений буддизма и науки, связанных как с особенностями развития современной науки, так и с особенностями самой религии. Исследование базируется на комплексном подходе, позволяющем выявить проблему отношений буддизма и науки на разных уровнях: на доктринальных положениях буддизма, текстах буддийских лидеров и их деятельности, анализе этих отношений представителями науки. Одним из феноменов диалога буддизма и науки является созданный в 1987 г. институт «Ум и жизнь», инициаторами которого выступили Далай-лама XIV, учёный и философ Франсиско Варела, юрист и предприниматель Адам Энгл. В основу создания этого института легла идея о том, что наука – не только современный источник знания, но и кардинальное средство улучшения качества жизни, это средство можно совершенствовать, объединяя с мудростью буддийского учения. Интерес к проблеме взаимодействия буддизма и науки заметно активизировался в последнее десятилетие в России. Он нашёл выражение в издании книг буддийских лидеров и учёных на эту тему, проведении встреч исследователей и буддийского духовенства с дискуссиями на сложные темы познания, организации научных конференций, посвящённых диалогу буддизма и науки. Активизация диалога буддизма и науки связана с целым рядом причин: поиском новых эффективных путей решения глобальных проблем; актуализацией системного подхода к решению ряда сложных исследовательских проблем (например, проблемы сознания); интересом к возможности синтеза буддийских техник и идей и научных подходов как ресурса развития и буддизма, и науки.

Ключевые слова: наука и религия, буддизм, Далай-лама, тибетский буддизм, исследования буддизма, буддология

Tatiana V. Bernyukevich,*Moscow National Research State Construction University**(Moscow, Russia),**e-mail: bernyukevich@inbox.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>*

Science and Religion in the 21st Century: Buddhist Vector

The article analyzes the relationship between Buddhism and science, presented in the works and activities of Buddhist leaders and scholars. The aim of the study is to determine the specifics of the relationship between Buddhism and science, associated with both the peculiarities of the development of modern science and the peculiarities of the religion itself. The study is based on an integrated approach that allows to identify the problem of relations between Buddhism and science at different levels: the doctrinal provisions of Buddhism, the texts of Buddhist leaders and their activities, the analysis of these relations made by representatives of science. One of the phenomena of the dialogue between Buddhism and science is the Mind and Life Institute, created in 1987, initiated by the 14th Dalai Lama, scientist and philosopher Francisco Varela, lawyer and entrepreneur Adam Engle. The creation of this Institute was based on the idea that science is not only a modern source of knowledge but also a critical means of improving the quality of life; this means can be developed by combining it with the wisdom of Buddhist teachings. Interest in the problem of interaction between Buddhism and science has noticeably intensified in the last decade in Russia. It was expressed in the publication of books of Buddhist leaders and scholars on this topic, holding meetings of researchers and Buddhist clergy for discussions on complex topics of knowledge, organizing scientific conferences on the dialogue between Buddhism and science. The intensification of the dialogue between Buddhism and science and its reflection in the research of scientists and the activities of Buddhist organizations are associated with a number of reasons: the search for new effective ways to solve global problems; the actualization of a systematic approach to solving a number of complex research problems (for example, the problem of consciousness); interest in the possibility of synthesizing Buddhist techniques and ideas and scientific approaches as a resource for the development of both Buddhism and science.

Keywords: science and religion, Buddhism, Dalai Lama, Tibetan Buddhism, Buddhist studies, Buddhology

© Бернюкевич Т. В., 2021

Введение. Проблема отношений науки и религии в настоящее время не теряет своей актуальности, а скорее, обретает новые темы и аспекты рассмотрения. Кроме традиционных вопросов мировоззренческой направленности науки и религии, определения рациональных и иррациональных оснований, способов аргументации и так далее сегодня обостряется интерес к возможностям сочетания религиозных и научных подходов в конкретных областях исследований, например, в психологии. Достаточно много дискуссий посвящено способам совмещения религиозной картины мира и постнеклассической научной картины мира. Есть работы по этому вопросу как учёных, так и теологов и представителей духовенства.

В данном исследовании анализируется буддийский вектор рассмотрения проблемы отношений науки и религии. Целью данной работы является выявление роли этой проблематики в современных российских буддологических и религиоведческих исследованиях; анализ проводимых в последние годы конференций, посвящённых теме «Буддизм и наука»; рассмотрение основных направлений и способов взаимодействия буддизма и науки, определяемых буддийскими лидерами.

Методология и методы исследования. Исследование основывается на комплексном подходе, обеспечивающем рассмотрение разных аспектов отношений буддизма и науки в конце XX – начале XXI в. Речь идёт о том, как эта проблема рассматривается в исследовательских работах, какие основания для этого взаимодействия видят буддийские лидеры, какие направления они считают перспективными с точки зрения развития связей буддизма и науки и повышения роли буддизма в обществе. В спектр такого комплексного исследования включается и анализ социокультурного контекста актуализации интереса к вопросам отношений буддизма и науки.

Компаративистский метод позволяет выявить специфику видения вопросов связи буддизма и науки в научных работах и в трудах представителей буддийского духовенства, а также определить место данной проблематики и формы её институализации в России и в других странах.

Значимым источником для проведённого анализа стал труд Далай-ламы «Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе мира» [1]. В этой же серии «Буддизм и наука» в издательстве фонда «Сохраним Тибет» в 2019 г. была опубликована книга

С. Ю. Александрова «Буддизм глазами физика» [2].

Анализ отношений буддизма и науки представлен в публикациях таких известных исследователей (среди которых есть и буддологи, и представители других направлений науки и философии), как В. Г. Лысенко [3; 4; 5], Д. И. Дубровский [6], Л. Е. Янгутов [7], А. А. Терентьев [8], И. С. Урбанова [9], С. Ю. Лепехов [10], И. В. Кульганек [11], Ж. А. Аякова [12], Д. В. Аюшеева [13], Н. В. Пупышева [14] и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Обычно, когда называют примеры взаимодействия буддизма и науки и его форм существования и организации, то приводят в качестве самого яркого примера образование в 1987 г. института «Ум и жизнь», инициаторами которого выступили Далай-лама XIV, учёный и философ Франсиско Варела, юрист и предприниматель Адам Энгл. В основу создания института легли идея о том, что наука является ведущей структурой для исследования природы реальности и современным источником знаний, которые могут помочь улучшить жизнь людей и всей планеты, а также стремление понять, какого воздействия можно добиться, объединив научные исследования с преобразующей силой созерцательной мудрости¹.

Создатели Института считали, что созерцательные практики и интроспективные методы буддизма могут использоваться в познании наряду с принятыми в науке эмпирическими подходами и конкретными методами. Это не только будет способствовать гуманизации науки, но и поможет преодолеть разрыв между наукой и духовностью, улучшить качество жизни людей. История развития Института показала, что она стала частью «растущего глобального движения за социальные изменения»². Она реализуется в трёх основных направлениях: 1) развитие личности в умственной отношении и в эмоциональном («способы воспитания положительных эмоций, включая любовь, сострадание, благодарность и прощение»); 2) создание сострадательного сообщества; 3) осознание взаимосвязанности всей жизни, что необходимо как для самих людей, так и для всей целостной системы Земли³.

Далай-лама XIV говорит о роли института «Ум и жизнь» в книге «Вселенная в одном

¹ Mind & Life Institute. – URL: <https://www.mindandlife.org/about/> (дата обращения: 20.10.2020). – Текст: электронный.

² Там же.

³ Там же.

атоме. Наука и духовность на службе мира», которая посвящена не только самому диалогу буддизма и науки, но и его цели и предполагаемому результату – целостной картине мира. Далай-лама пишет: «Данная книга не является попыткой объединить европейскую науку и духовность (представленную здесь буддизмом, который мне известен лучше других духовных традиций). В ней я стараюсь рассмотреть две важнейшие области человеческой культуры для того, чтобы выработать более всесторонние и целостные подходы к пониманию природы, тщательно исследующие видимый и невидимый мир в поисках доказательств, подкрепленных здравыми рассуждениями» [1, с. 29].

В качестве одной из задач книги обозначается подчёркивание для «братьев-буддистов» необходимости «серьёзного отношения к научному знанию и включения научных представлений в их картину мира» [Там же]. Именно этот аспект – «включения научных представлений» в картину мира буддиста – кажется нам наиболее интересным с точки зрения общего контекста отношений религии и науки и дискуссий по данному вопросу. Основу возможности такого дополнения религиозной картины мира Далай-лама видит в том, что «хотя буддизм развивался как религиозная система со своими священными писаниями и ритуалами, строго говоря, авторитет священных текстов в буддизме не должен превалировать над пониманием, основанным на рассуждениях и авторитете» [Там же]. Для доказательства данного утверждения Далай-лама обращается к истории буддизма, указывая на высказывание Будды, в котором тот призывает своих последователей не признавать истинность его слов (и как следствие истинность текстов), исходя только из почтения к автору [Там же]. В качестве возможной корректировки буддийского учения в соответствии с научными открытиями Далай-лама видит, например, необходимость пересмотра в буддизме традиционной «собственной примитивной физики её ранней атомистической теорией», а именно представлений о восьми неделимых «атомных субстанциях» [Там же, с. 78, 79]. В то же время буддийский лидер определяет научную перспективность буддийской философии пустотности для преодоления «пропасти», которая разделяет классическую научную (физическую) картину мира, опыт повседневного восприятия и представления квантовой механики. Таким образом, по его мнению, может быть созда-

на «непротиворечивая модель понимания реальности» [Там же, с. 102].

Пока сложно говорить о следствиях таких модернизационных тенденций, не только сближающих буддийские онтологические идеи и современную научную картину мира, но и определяющих возможную корректировку положений буддизма.

Активизация интереса к диалогу буддизма и науки может быть связана и с распространением так называемого «секулярного буддизма». Описывая этот культурный феномен в Америке, А. Я. Аякова отмечает, что «секулярный буддизм подходит к проблемам личности и общества без религиозных понятий и терминов, с рациональным обоснованием и практическим соображением, в основе которых лежат буддийские принципы и методы» [12, с. 69]. В рамках секулярного буддизма акцентируется внимание на буддийской медитации, которая интерпретируется как способ осознанности и самоконтроля, «как *mindfulness* или “практика осознанности”» [Там же, с. 68].

В тоже время Далай-лама отмечает целый ряд фундаментальных различий между буддийскими и научными представлениями. Так, для науки «критическая граница» проходит между неживой материей и живыми организмами, а для буддизма важно разделение на «бесчувственную материю и чувствующие существа» [1, с. 102]. Одной из проблем, в решении которой, по мнению Далай-ламы, буддийские идеи и практики могут существенно обогатить науку, является проблема возникновения и функционирования сознания. В частности, речь идёт об обогащении научного знания путём изучения техник созерцания, практик медитации, особых состояний «ясного света».

И, безусловно, важным аспектом диалога буддизма и науки являются вопросы этики, связанные с современными научными разработками и результатами их использования. Данный вопрос конкретизируется в главе «Этические проблемы генетики». Наиболее важным фактором этической оценки подобных современных исследований и технологий Далай-лама указывает – фактор сострадания.

Интерес к проблеме диалога буддизма и науки заметно активизировался в последнее десятилетие в России. В той же серии «Буддизм и наука» фондом «Сохраним Тибет» в 2019 г. была издана уже упомянутая книга С. Ю. Александрова «Буддизм глазами физика». Её автор, идентифицируя себя как «физик и одновременно буддист» пыта-

ется рассмотреть следующие вопросы: «Как религиозные взгляды буддизма могут уживаться с научным мировоззрением? Каково буддийское и научное видение реальности и абсолютной истины? Что общего между квантовой гравитацией и буддийским пониманием “пустоты”?» [2, с. 7]. Один из выводов данной книги – утверждение о том, что «и буддизм, и теоретическая физика ведут нас к некоей единой фундаментальной основе всего существующего, представляющей собой абсолютный уровень реальности». Автор убеждён, что буддизм и наука не слишком далеки друг от друга в определении реальности и её свойств. Однако буддизм включает определение особого свойства, которого нет в абсолютной реальности теоретической физики, а именно – «самоосознания». И поскольку между буддийским постижением мира и научным познанием прослеживается много аналогий и параллелей, то становится возможным их синтез, в котором «познание мира соединяется с познанием нашей собственной природы, а ясный свет нашего ума рождает Вселенную» [2].

В контексте рассмотрения возможного взаимодействия буддийских и научных подходов к изучению сознания состоялись встречи Далай-ламы и российских философов и учёных. В г. Нью-Дели с 5 по 9 августа 2017 г. прошла международная конференция о природе сознания. В рамках этого мероприятия делегация российских учёных и философов провела серию дискуссий с Далай-ламой XIV, а также с буддийскими учёными и монахами. Предметом обсуждений были концепции и идеи изучения сознания российских исследователей. Организаторами конференции выступили «Центр тибетской культуры и информации, фонд «Сохраним Тибет» (Юлия Жиронкина) и «Московский центр исследования сознания» при философском факультете МГУ [5].

Осенью 2019 г. на базе буддийских монастырей на юге Индии был открыт «Центр исследований медитации и изменённых состояний сознания», руководителем которого является известный физиолог, много лет возглавлявший Институт мозга человека им. Н. П. Бехтерева РАН, академик Святослав Медведев¹. Цель исследований, проводимых в этом Центре, – поиск «глубинных оснований человеческого сознания».

Конференции, посвящённые диалогу буддизма и науки, проводились в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ). Так, в 2012 г. прошла научная конференция с участием иностранных учёных «Наука и буддизм». На данном мероприятии были представлены следующие направления: 1) наука и буддизм: актуальные направления взаимодействия и перспективы межкультурного диалога; 2) философские и теоретико-методологические аспекты изучения буддизма; 3) буддизм и современное общество [11].

Исследователи отмечают, что «мостом» между буддизмом и наукой может стать философия. Но это философия особого типа: известный буддолог В. Г. Лысенко видит такой потенциал и перспективы у «межкультурной философии». Это «новый вид философского дискурса, формирующийся в эпоху глобализации на основе поликультурного образования» [4, с. 81]. Основа этой философии – в «признании принципиальной возможности для индивида, группы или общества творчески развивать собственную культурную идентичность путем включения в нее иную культурного опыта» [Там же]. В истории российской науки и философии сформировались свои предпосылки для межкультурной философии. Среди идей, лежащих в их основе, В. Г. Лысенко называет концепцию Ф. И. Щербатского и его ученика О. О. Розенберга, идеи российского философа А. М. Пятигорского.

Говоря о представленности проблематики диалога буддизма и науки в России, нельзя не обратить внимания на роль в этом процессе буддийских организаций и буддийских образовательных учреждений. Несмотря на различия в формах деятельности и её разнообразии в зависимости от принадлежности к определённым школам буддизма, многие буддийские организации проявляют сегодня активный интерес к вопросам диалога буддизма и науки. Ранее уже говорилось о роли в реализации проектов по взаимодействию российских учёных и буддийских лидеров организации «Сохраним Тибет», (конференции, издание книг по данной проблематике). Довольно широко представлена тема отношений буддизма и науки на ставших уже традиционными конференциях «Буддизм Ваджраяны в России», проводимых по инициативе Российской ассоциации буддистов Алмазного пути традиции Карма Кагью совместно с различ-

¹ Сохраним Тибет. – URL: <http://savetibet.ru/2020/07/06/dalai-lama-and-scientists.html> (дата обращения: 20.10.2020). – Текст: электронный.

ными общественными организациями и образовательными учреждениями.

Тема диалога буддизма и науки нашла широкое отражение и в деятельности организации «Буддийская традиционная сангха России», в том числе в содержании образовательного процесса в Буддийском университете Даши Чойнхорлин им. Дамба Даржа Заяева (Бурятия) и Агинской буддийской академии (Забайкальский край). Один из ярких представителей российского буддийского духовенства – В. Л. Чимитдоржиев (Бабу-лама) (1956–2011) – стремился в своей организационно-образовательной деятельности реализовать идею сочетания религиозного и светского образования в подготовке обучающихся в Агинской буддийской академии, успешно использовать достижения тибетской медицины при возможности получения стандартного медицинского среднего профессионального образования (Агинский медицинский колледж). Данный опыт, как и опыт проведения совместных конференций представителей российского буддийского духовенства и учёных в конце XX – XXI в., ещё нуждается в изучении и осмыслении.

Заключение. Активизация диалога буддизма и науки и его проявление в исследованиях учёных и в направлениях деятельности буддийских организаций связаны с целым рядом причин.

Это причины глобального порядка, обусловленные поисками путей развития цивилизации и сохранения возможностей для сохранения мира и развития человека в нём. В данном контексте буддизм выступает не просто как религия и философия, а как способ решения проблемы цивилизационного развития и воплощения коэволюции человека и природы. Способ, который не противостоит науке с её технологиями и возможностями, а, скорее, дополняет и корректирует их.

Это причины, вызванные сложностью объяснения ряда вопросов, которые имеют не только собственно научное, но и широкое социальное и антропологическое значение. Такими проблемами обозначаются в настоящее время проблемы сознания.

Это причины, связанные с обозначением религиозными организациями, в данном случае буддийскими, своей роли в разных сферах общественной жизни, в том числе в науке и образовании, в политических процессах, в выборе пути развития социума. В определённой степени это возможность религиозных институтов занять важное место в жизни современного общества и человека.

К перечисленным причинам можно добавить поиск ресурсов развития, как религии, так и науки. Вероятно, в качестве подобного ресурса определяется и возможный синтез науки и религии

Список литературы

1. Далай-лама. Вселенная в одном атоме. Наука и духовность на службе мира / пер. с англ. С. Хоса; отв. ред. Н. Иноземцева. М.: Фонд «Сохраним Тибет». 2018. 256 с. (Буддизм и наука).
2. Александров С. Ю. Буддизм глазами физика. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2019. 176 с.
3. Дубровский Д. И., Лысенко В. Г., Синеокая Ю. В. Природа сознания: Восток – Запад // Философский журнал. 2018. № 2. С. 106–122.
4. Лысенко В. Г. Какая философия может послужить мостом между наукой и буддизмом? Российский подход // Философские науки. 2018. № 3. С. 81–98.
5. Лысенко В. Г., Чикин А. А. Диалоги российских и буддийских ученых о природе сознания // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 208–215.
6. Дубровский Д. И. Буддизм и наука: круглый стол (г. Москва, Ин-т философии РАН, 31 октября 2017 г.) // Философские науки. 2018. № 3. С. 42–80. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-3-42-80.
7. Янгутов Л. Е., Урбанаева И. С. Об актуальности совмещения «Внешнего» и «Внутреннего» подходов в исследовании буддизма. Текст: электронный // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnosti-sovmescheniya-vneshnego-i-vnutrennego-podhodov-v-issledovanii-buddizma> (дата обращения: 10.12.2020).
8. Терентьев А. Предисловие // Буддизм глазами физика / С. Ю. Александров. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2019. С. 3, 4.
9. Урбанаева И. С. Буддийская медитация и феноменологический метод: основания и смысл сравнения // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 177–187.
10. Лепехов С. Ю. Наука и буддизм // Восток (ORIENS). 2013. № 1. С. 159–163.
11. Кульганек И. В. Рецензия к материалам конференции «Наука и буддизм» // Наука и буддизм: сборник докладов науч. конф. с уч. иностранных учёных (г. Улан-Удэ: 6–8 июля 2012 г.) / гл. ред. Б. В. Базаров; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. С. 310–313.
12. Аякова Ж. А. Феномен секулярного буддизма как явление общества: медитация, ум и жизнь // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 5. С. 68–76.

13. Аюшеева Д. В. Взаимодействие тибетского буддизма с западной культурой // Власть. 2015. № 6. С. 106–110.

14. Пупышева Н. В. Парадигмальная основа различий между буддизмом и западной наукой // Буддизм Ваджраяны в России: традиции и новации: монография / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин. М.: Алмазный путь, 2016. С. 483–500.

Статья поступила в редакцию 24.10.2020; принята к публикации 11.12.2020

Сведения об авторе

Бернюкевич Татьяна Владимировна, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет; 129337, Россия, г. Москва, ул. Ярославское шоссе, 26; e-mail: bernyukevich@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>.

Библиографическое описание статьи

Бернюкевич Т. В. Наука и религия в XXI веке: буддийский вектор // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 74–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-74-79.

References

1. Dalaj-lama. The Universe is in one atom. Science and spirituality in the service of peace. Transl. from English. S. Khosa, edited by N. Inozemtseva. M: Fond "Sohranim Tibet", 2018: 256. (In Rus.)

2. Aleksandrov, S. Buddhism through the eyes of a physicist. M: Fond "Sohranim Tibet". 2019: 176. (In Rus.)

3. Dubrovskiy, D. I., Lysenko, V. G., Sineokaya, Yu. V. The nature of consciousness: East – West. Philosophical Magazine, no. 2, pp. 106–122, 2018. (In Rus.)

4. Lysenko, V. G. What philosophy can serve as a bridge between science and Buddhism? Russian approach. Philosophical Sciences, no. 3, pp. 81–98, 2018. (In Rus.)

5. Lysenko, V. G., Chikin, A. A. Dialogues between Russian and Buddhist scientists on the nature of consciousness. Philosophy questions, no. 4, pp. 208–215, 2018. (In Rus.)

6. Dubrovskiy, D. I. Buddhism and Science. Round table. Moscow, Institute of Philosophy of RAS, October 31, 2017. Philosophical sciences, no. 3, pp. 42–80, 2018. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-3-42-80. (In Rus.)

7. Yangutov, L. E., Urbanaeva, I. S. On the relevance of combining the "External" and "Internal" approaches in the study of Buddhism. Vestnik BGU, no. 6, 2015. Web. 10.12.2020. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/ob-aktualnosti-sovmescheniya-vneshnego-i-vnutrennego-podhodov-v-issledovanii-buddizma>. (In Rus.)

8. Terent'ev, A. Preamble. Aleksandrov S. Yu. Buddhism through the eyes of a physicist. M: Fond "Sohranim Tibet", 2019. (In Rus.)

9. Urbanaeva, I. S. Buddhist meditation and the phenomenological method: the foundations and meaning of the comparison. Questions of philosophy, no. 2, pp. 177–187, 2018. (In Rus.)

10. Lepikhov, S. Yu. Science and Buddhism. Vostok (ORIENS), no. 1, pp. 159–163, 2013. (In Rus.)

11. Kul'ganek, I. V. Review: Science and Buddhism: proceedings of a scientific conference with the participation of foreign scientists (Ulan-Ude-Baikal: July 6–8, 2012). Collection of reports / Ch. ed. B. V. Bazarov. Institute for Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, RAS. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2012: 310–313. (In Rus.)

12. Ayakova, Z. A. The Phenomenon of Secular Buddhism as a Phenomenon of Society: Meditation, Mind and Life. Bulletin of the Buryat State University, no. 5, pp. 68–76, 2017. (In Rus.)

13. Ayusheeva, D. V. Interaction of Tibetan Buddhism with Western Culture. Power, no. 6, pp. 106–110, 2015. (In Rus.)

14. Pupyshva, N. V. Paradigmatic Basis of Differences Between Buddhism and Western Science. Vajrayana Buddhism in Russia: Traditions and innovations. M: Almaznyi put', 2016: 483–500. (In Rus.)

Received: November 24, 2020; accepted for publication December 11, 2020

Information about author

Bernyukevich Tatiana V., Doctor of Philosophy, Professor, Moscow National Research State Construction University; 12933726, Yaroslavskoye sh., Moscow, Russia; e-mail: bernyukevich@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4471-0381>.

Reference to the article

Bernyukevich T. V. Science and Religion in the 21st Century: Buddhist Vector // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 74–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-74-79.

Владимир Максимович Соколов,

*Бирский филиал Башкирского государственного университета
(г. Бирск, Россия),
e-mail: sokolov-vlad@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>*

Андрей Владимирович Стомба,

*Бирский филиал Башкирского государственного университета
(г. Бирск, Россия),
e-mail: stovbaav2006@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>*

Императивность биоэтического подхода к морально-политическим проблемам коронакризиса COVID-19

Массовые заболевания в современном мире, такие как эпидемии и тем более пандемии, представляют глобальные угрозы и риски для человеческой цивилизации. Немногие известные или возникающие новые инфекционные заболевания ставят жизненно важные этические проблемы так быстро и резко, как вспышка новой формы коронавируса COVID-19. Особенность этой эпидемии заключается в том, что чрезвычайная ситуация в здравоохранении за короткий период времени переросла в экономический и геополитический кризис, получивший одно из его названий «Коронакризис-2020». Всемирная организация здравоохранения классифицировала COVID-19 как всемирную пандемию. На момент написания данной статьи эпидемия пошла на спад, но в последующем сохраняется угроза «новой волны» инфекционных заболеваний. Моральные и политические дилеммы, возникающие из-за вспышки нового коронавируса, среди прочих проблем актуализируют также множество биоэтических соображений по выработке методов и тактики борьбы с эпидемией. Ограниченные возможности системы здравоохранения и медицины в лечении инфекций выдвигают на первый план необходимость осмысления биоэтических подходов ко многим проблемам и вызовам, затрагивающим жизненно важные ценности и интересы отдельного человека, медицинских работников и общества в целом. В статье предпринята попытка выявления и краткого анализа некоторых аспектов морально-политического состояния современного общества, вследствие коронакризиса COVID-19. Проводится сравнительный анализ существующих концепций биоэтики с акцентом на необходимость адаптации этических норм и требований к политике общественного здравоохранения. Подчеркивается важность соблюдения принципа взаимной моральной ответственности государства и личности; защиты социально-экономических и политических прав и свобод человека в период реализации долгосрочных мер самоизоляции и длительной чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: коронавирус COVID-19, пандемия, биоэтика, политика, организация здравоохранения

Vladimir M. Sokolov,

*Birsk Branch Bashkir State University
(Birsk, Russia),
e-mail: sokolov-vlad@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>*

Andrey V. Stovba,

*Birsk Branch Bashkir State University
(Birsk, Russia),
e-mail: stovbaav2006@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>*

The Imperative of the Bioethical Approach to the Moral and Political Problems of the Coronacrisis COVID-19

Mass diseases in the modern world, such as epidemics and even more pandemics pose global threats and risks to human civilization. Few infectious diseases known or emerging pose vital ethical problems as quickly and sharply as they did during the outbreak of the new form of the coronavirus COVID-19. The peculiarity of this epidemic is that the emergency situation in healthcare over a short period of time escalated into an economic and geopolitical crisis, which received one of its names "Corona Crisis 2020". The World Health Organization has classified COVID-19 as a worldwide pandemic. At the time of writing this article, the epidemic has declined, but in the future, there is a threat of a "new wave" of infectious diseases. The moral and political dilemmas arising from the outbreak of the new coronavirus, among other problems, also actualize many bioethical considerations

© Соколов В. М., Стомба А. В., 2021

in developing methods and tactics for combating the epidemic. The limited capabilities of the healthcare system and medicine in the treatment of infections highlight the need for understanding bioethical approaches to many problems and challenges affecting the vital values and interests of the individual, medical workers and society as a whole. We attempt to identify and briefly analyze some aspects of the political and moral state of modern society, due to corona crisis COVID-19. A comparative analysis of existing concepts of bioethics with an emphasis on the need for adapting ethical standards and requirements for public health policies is given. We stress the importance of adhering to the principle of mutual moral responsibility of the state and the individual; the protection of socio-economic and political rights and freedoms of a person during the period of implementation long-term measures of isolation and long-term emergency situation.

Keywords: coronavirus COVID-19, pandemics, bioethics, policy, health organization

Введение. Инфекционные заболевания являются одной из основных причин плохого состояния здоровья людей во всём мире. Многовековая история человечества демонстрирует

нам много примеров эпидемий/пандемий, уносивших большое количество жизней. Начиная с раннего появления людей, инфекционные заболевания несут так много жертв, что они приуменьшают даже влияние всех войн на ход истории.

В последние десятилетия, несмотря на возможности современной науки, медицины и санитарной профилактики, стали возникать новые и неизвестные ранее опасные инфекции, которые и сегодня продолжают традицию «дурной бесконечности» катастрофических эпидемий в истории человеческих болезней. В этом плане эпидемии/пандемии можно рассматривать как некий вариант вызова и момент истины, который позволяет посмотреть, например, на то, как система здравоохранения, наука, политика отвечает на эти вызовы. Одновременно с этим на фоне беспрецедентных мер, принимаемых разными государственными структурами в борьбе с пандемией, следует отметить недостаточное внимание к этой проблеме с точки зрения решения этических вопросов, возникающих в случаях, когда инфекционные заболевания не имеют эффективного лечения или вакцины. «Этот кризис, – по заявлению Генсека ООН А. Гутерриша, – носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности»¹.

Инфекционные заболевания внезапно вторглись и нарушили привычный образ жизни людей. Происходит ломка всех привычных стереотипов общественного сознания, а вместе с этим перестройка морально-этических норм и правил поведения в повседневной жизни в период длительного периода самоизоляции и сопутствующих ей ограничений. Сегодня остро встаёт вопрос о непростых последствиях пандемии COVID-19, которые могут привести к кризис-

ным явлениям не только в политике и экономике, но и в гуманитарной сфере. Поэтому представляется важным понять, как изменится социокультурная среда общества, пережившего пандемию. По словам председателя Российского комитета по биоэтике при комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, академика РАН А. Г. Чучалина: «Мы сейчас вступаем в фазу, когда вирус начнет отступать, а проблемы психического здоровья и этики будут на первом месте [1, с. 7].

Мы также можем утверждать, что в данных условиях как никогда актуальным становится императивный характер биоэтического подхода в успешном решении морально-психологической адаптации общества в условиях постпандемийной кризисной реальности.

Методология и методы исследования. Исследованию проблем эпидемиологии и инфектологии со стороны биоэтики уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания, по сравнению с такими явлениями, как аборт, эвтаназия, генетика, клонирование, применение стволовых клеток и т. д. Между тем международные структуры (в лице ЮНЕСКО²) и межправительственные комитеты по биоэтике в своих исследованиях предлагают руководства по этическому реагированию на период пандемий [2], чтобы помочь правительственным организациям принимать верные этические решения в сфере социально-поведенческого реагирования в условиях пандемии и чрезвычайных ситуаций. Российские учёные, задействованные в исследованиях по этике здравоохранения и инфектологии, публи-

¹ Гутерриш А. Этот кризис носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/above-all-human-crisis-calls-solidarity> (дата обращения: 20.05.2020). – Текст: электронный.

² Заявление по COVID-19: этические аспекты в глобальном масштабе. – Текст: электронный // Международный комитет ЮНЕСКО по биоэтике (МБК) и Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ). – 2020. – 6 апр. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373115> (дата обращения: 20.05.2020).

куют научные материалы [3–6], проводятся научные онлайн-конференции¹.

Спецификой темы данной статьи является тот факт, что феномен «коронакризиса», возникший вследствие распространения COVID-19, пока ещё не получил развёрнутого анализа в научно-философской литературе. Сложность экспликации морально-политического контекста глобального коронакризиса COVID-19 обусловила стремление обратиться к методологии междисциплинарных научных исследований в области политики, социальной философии, экономики, организации здравоохранения и медицины.

Результаты исследования и их суждение. Биоэтика как междисциплинарная и интегральная область знания никогда не была далека от политики и находится в тесных переплетениях и взаимодействиях с ней. Постоянно меняющиеся реалии медицины и биомедицинских наук, доступные информационные ресурсы и взгляды, ценности и убеждения различных заинтересованных сторон играют всё более важную роль в биоэтических дискуссиях и сближают их с политикой.

Тема эпидемий/пандемий затрагивает вопросы политического значения, а этические дилеммы, возникающие из-за вспышек инфекционных заболеваний, нуждаются в биоэтических соображениях и рекомендациях для последующей выработки правильных политических решений в области здравоохранения. Биоэтика всегда была вовлечена в политику, выступая в качестве субъекта и актора общественно-политического дискурса. Если политику можно определить как практику и теорию влияния на людей, то можно утверждать, что большинство биоэтиков пытаются это сделать. К примеру, в США около 1 400 самых выдающихся биоэтиков и руководителей здравоохранения страны подписали письмо в Конгресс и Белый дом², в ко-

¹ См. например: Кравчук М. Пандемия коронавирусной инфекции: психологические и этические последствия. – Текст: электронный // Научная Россия. – 2020. – 30 апр. – URL: <https://scientificrussia.ru/covid/pandemiya-koronavirusnoj-infektsii-psihologicheskie-i-eticheskie-posledstviya> (дата обращения: 21.05.2020); Пензина А., Беленицкая О., Кравчук М. Коронавирус – глобальный вызов науке. – Текст: электронный // Научная Россия. – 2020. – 30 апр. – URL: <https://scientificrussia.ru/covid/koronavirus-globalnyj-vyzov-nauke> (дата обращения: 21.05.2020); Хужина Я. Настоящее и будущее: моделирование выхода из коронакризиса. – Текст: электронный // Научная Россия. – 2020. – 25 мая. – URL: <https://scientificrussia.ru/covid/modelirovanie-budushchego-pryamaya-translyatsiya> (дата обращения: 27.05.2020).

² America's Bioethicists: Government Must use Federal Powers to Fight COVID-19. – URL: <https://www.thehastingscenter.org/news/americas-bioethicists-government-must-use-federal-powers-to-fight-covid-19/> (дата обращения: 23.05.2020). – Текст: электронный.

тором призвали администрацию Д. Трампа немедленно использовать свою федеральную власть и средства для реагирования на пандемию COVID-19 в качестве морального императива. В этом отношении у американских биоэтиков есть свои моральные позиции и соответствующие политические рекомендации, посредством которых они пытаются влиять на властные структуры и выдвигать хорошо продуманные, подробные и всесторонние экспертизы, касающиеся этических последствий принимаемых решений в области медицины и здравоохранения.

Что касается российской действительности в аспекте оценки морально-политической ситуации с коронакризисом, то здесь можно также выделить некоторые особенности. С этой целью рассмотрим далее, как тема пандемии COVID-19 отражается в информационном пространстве. Зачастую, после ознакомления с противоречивой во многих аспектах информацией из СМИ, создаётся впечатление, что ситуация с новой инфекцией – это, скорее, даже не отдельно медицинская, эпидемиологическая или ещё какая-то узкоспецифическая тема, а эта проблема, благодаря мощной информационной накачке приобретая поистине глобальные масштабы. И тогда в подобной ситуации информационной перегрузки важен критический анализ поступающей информации.

На наш взгляд, следует признать тот факт, что медицина и всё, что связано с ней, в какой-то степени оказались служанками и заложниками политики и СМИ. В этой связи сегодня остро встаёт вопрос информационной этики и безопасности. Как справедливо замечает по этому поводу А. В. Щипков: «Нам явно придётся пересмотреть отношение к информации и её ценности. Возрастает цена точной и качественной информации... Встанет и вопрос об информационном равенстве или неравенстве, поскольку от этого теперь зависит право на жизнь» [7, с. 15].

Кроме проблемы информационной безопасности общества нельзя также игнорировать последствия экзистенциально-антропологической травматизации общества, полученной в результате коронавирусного кризиса. Понятие «травма» уже приобрело социально-философское звучание, оно осмысливается в научной литературе [8; 9] и находит отражение в политической лексике: это состояние, вызывающее эмоциональный шок, депрессию, аномию и т. п. Это про-

www.thehastingscenter.org/news/americas-bioethicists-government-must-use-federal-powers-to-fight-covid-19/ (дата обращения: 23.05.2020). – Текст: электронный.

исходит на фоне всё более глобальной тенденции перехода, с одной стороны, к избыточной медиализации современной жизни, а, с другой, сегодня мы являемся свидетелями процесса политизации медицины, наделённой задачами социального контроля, что объясняет зачастую политизированные оценки вирусологов о происхождении и природе коронавируса. От обеих этих тенденций политика деформируется, по сравнению с её классическим профилем, а научная медицина и врачебное сообщество страдает от некомпетентного вмешательства отдельных политиков и журналистов.

Властно-дисциплинирующей функции государственной «заботы о здоровье» населения в наши дни стало подозрительно «слишком много». Так, например, анонсируемые правительством РФ в ближайшем будущем прививочные мероприятия с принудительной вакцинацией населения от коронавируса вызывают в обществе определённую тревогу и недоверие. Мишель Фуко в своих работах называл такой новый тип государственного управления по-разному, например, «биовластью» или особой «политикой здоровья» [10].

Нынешний коронакризис COVID-19 выявил многие изъяны и недостатки в организации российской системы здравоохранения. Так, по оценке руководителя Высшей школы организации и управления здравоохранением (ВШОУЗ) Гузель Улумбековой: «Только в Москве за время оптимизации обеспеченность инфекционными койками сократилась почти в два раза, и это на фоне роста смертности от инфекционных болезней на 11 % за этот же период. А в России – в 2,5 раза. Сократили и другой коечный фонд»¹.

Биоэтика является философской, морально-правовой, составляющей профессиональной деятельности медицинских работников, затрагивающей ценностные основания личности специалиста-медика. С другой стороны, «признание человеческой жизни в качестве высочайшей ценности современной цивилизации актуализирует проблему формирования биоэтической ответственности в аксиосфере медицинской ментальности» [11, с. 125]. В первую очередь это касается врачей и медработников, находящихся на «передовой коронавирусного фронта» борьбы с эпидемией. Биоэтический импе-

ратив ответственности предполагает также «формирование новой системы обеспечения социально-антропологической безопасности» [12, с. 1154].

Как можно оценить морально-психологическое состояние медицинских работников и врачей в рискованных условиях их труда в период массовых эпидемий и экстремальных ситуаций? По роду своей деятельности сотрудники медицинских учреждений должны, прежде всего, руководствоваться профессиональными медицинскими кодексами, но также их моральный выбор в экстремальных ситуациях будет зависеть от собственной оценки риска и системы ценностей [13, с. 68]. Таким образом, медицинские работники, имеющие дело с COVID-19, находятся в зоне повышенного риска и вследствие этого испытывают повышенное морально-психологическое давление и стресс.

Из многочисленных рисков и угроз, связанных с негативными последствиями коронакризиса, можно выделить также отдельно тему семейных кризисов и проблему семейных отношений. За период самоизоляции и карантина, как сообщают правозащитные организации², отмечаются рост вспышек домашней агрессии и обострение проблемы домашнего насилия [14].

Вопросы организации эффективной системы здравоохранения во внутренней политике большинства развитых государств всегда выделяются как приоритетные. В этой связи представляется актуальным рассмотреть эффективность организации системы общественного здравоохранения в ходе сравнительного анализа двух моделей (форм) биоэтики и применительно к текущей ситуации с коронавирусом COVID-19. В практике современной медицины и здравоохранения одновременно сосуществуют две формы или модели биоэтики: либеральная и консервативная. Кратко отметим некоторые свойства этих моделей.

В основе либерального подхода в биоэтике первично значимыми являются права и свободы человека. Как отмечает В. Н. Засухина: «Свобода, предлагаемая либеральной биоэтикой, – это свобода без ответственности, свобода от лишних обязанностей и ограничений (обязанностей перед ближним, нуждающимся в нашей помощи, и ограничений в получении удовольствий и выгод)» [15,

¹ Сачивко С. Реформаторы Кремля привели российскую медицину к краху, и только Голикова этого не видит. – Текст: электронный // Свободная пресса. – 2020. – 25 мая. – URL: <https://svpressa.ru/society/article/265865/?ec=1> (дата обращения: 23.05.2020).

² См. например: Штурма Я. Некуда пойти: всплеск домашнего насилия в России. – Текст: электронный // Газета.ru. – 2020. – 5 мая. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/05/05/13072729.shtml> (дата обращения: 23.05.2020).

с. 135]. Концепция утилитаризма является одной из нравственных основ либеральной биоэтики. Утилитарный подход был свойственен больше странам Запада, а в последние десятилетия появился и в России, после перехода страны к рыночным отношениям. Приведём характерный пример такого подхода и посмотрим, к каким выводам он нас приведёт. Следуя рекомендациям ВОЗ, большинство стран в борьбе с пандемией применяют жёсткие ограничения для снижения физического взаимодействия между людьми. Однако Швеция пошла по другому пути, не вводя у себя никаких жёстких ограничений. На взгляд шведских властей, борьба с распространением коронавируса – это персональная ответственность каждого, а победить болезнь всё равно не удастся, пока не выработается «коллективный иммунитет». Это классический утилитарный этический расчёт: создание «стадного» (популяционного) иммунитета потенциально спасёт жизни в долгосрочной перспективе и сохранит работоспособную экономику и ресурсы. Но может представлять наибольший риск для пожилых людей и людей с хроническими заболеваниями, а также для наиболее социально уязвимых слоёв общества. Шведская модель борьбы с эпидемией, с одной стороны, имеет много сторонников и в то же время подвергается жёсткой критике в прессе. «Швеция жертвует своими стариками, – пишет шведская газета “Афтонбладет”, – среди северных стран мы справились хуже всех. Спасаем экономику смертельно рискованным способом»¹.

Таким образом, возникает моральная дилемма: должны ли получаемые преимущества и выгоды для наибольшего числа населения преобладать над правами уязвимых групп? Не навредят ли карантинные и прочие меры, призванные остановить эпидемию, больше, чем сам коронавирус? Ведь многие люди оказываются перед угрозой потери работы, разорения бизнеса, неспособности выплатить долги и т. д. В мире спорят, что хуже: умереть от коронавируса или от голода. Международная организация труда (МОТ) обнародовала доклад², в котором утверждает, что повсеместная изоля-

¹ Virus visar hur vi åldersatt de äldre. – Текст: электронный // Aftonbladet. – 2020. – 10 May. – URL: <https://www.aftonbladet.se/a/VbvXwW/virus-visar-hur-vi-arsidsatt-de-aldre>. (дата обращения: 18.05.2020).

² МОТ: Потери рабочего времени и рабочих мест из-за COVID-19 несут катастрофический характер. – URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_741071/lang-ru/index.htm (дата обращения: 22.05.2020). – Текст: электронный.

ция из-за коронавируса приводит к нищенской жизни и делает уязвимыми 2 млрд человек. В Счётной палате РФ не исключают, что в итоге из-за пандемии работу потеряют от 6 до 9 млн россиян³.

Утилитарный и деонтологический подходы в биоэтике устанавливают разные приоритеты и различаются по своим основным моральным мотивациям и действиям. Когда мы принимаем точку зрения деонтологии (и следовательно, сосредоточив внимание на принципах, определяющих наше поведение), получаем комплекс обязательств и гарантий со стороны всей системы органов государственной власти, который предусматривает нормальное функционирование всех сфер общественной жизни, поддержку молодёжи, наличие науки, способной своевременно реагировать на вызовы времени и выработать рекомендации [16]. Важным моментом в проведении социально-экономической политики является и создание и реализация государственных программ, направленных на повышение качества и доступности медицинской помощи, лекарственного обеспечения, особенно для малоимущих групп населения, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия.

Центральный элемент деонтологического подхода – обязательства государственного здравоохранения в виде доступности и бесплатности оказываемой любой медицинской помощи практически для всего населения. Положительный опыт социалистических стран (Китая, Вьетнама и бывшего СССР) показывает нам его огромные возможности, которые эффективно использовались в борьбе с различными эпидемиями.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, насколько сложной может быть сбалансированность утилитарной и деонтологической модели устройства общественного здравоохранения. Из анализа всех возможных моделей биоэтики вытекают два важнейших вопроса: могут ли общества применять эти меры таким образом, чтобы максимизировать общее благо и минимизировать негативные социальные и экономические последствия? Каковы этические последствия этих вмешательств, особенно когда речь идёт о сбалансированности индивидуальных свобод с необходимостью защиты здоровья населения? В нынешнем

³ Апулеев И. Кудрин предупредил о резком росте числа безработных из-за COVID-19. – Текст: электронный // Газета.ru. – 2020. – 13 апр. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/04/13/13046899.shtml> (дата обращения: 20.05.2020).

контексте коронакризиса COVID -19 эти вопросы могут возникать у каждого человека. Независимо от конкретного контекста, при котором возникают такие вопросы, ответ неотделим от какой-либо оценки риска и может иметь последствия на коллективном, общественном и даже на мировом уровнях.

Закключение. Новые повторения («волны») коронавирусной инфекции вполне возможны в ближайшем будущем. Случившаяся пандемия обнажила многие проблемы и недостатки в организации медицины и системы здравоохранения в России. Тот факт, что потенциальные последствия от будущих вспышек инфекционных заболеваний практически не имеют себе равных по масштабу кризисных явлений, является одной из причин того, что рассмотренная нами тема заслуживает большего внимания, в том числе со стороны биоэтиков. Для ситуации, подобной эпидемии COVID-19, когда научная неопределённость в отношении этой болезни была повсеместной, когда не выработаны эффективные способы лечения или вакцины, важным становится профилактика и здоровая окружающая среда. Массовые заболевания современности во многом детерминированы образом жизни людей и экологией. В этом отношении стоит прислушаться к словам академика А. Г. Чучалина: «То, что мы сейчас переживаем – это экологически обусловленные болезни. Они имеют прямое отношение к состоянию ноосферы в целом»¹.

Инфекционные эпидемии всегда связаны и с вопросами справедливости, что должно быть главной заботой биоэтики. В обществе сегодня отмечается рост тревоги и снижение критического мышления. Как

считает специалист по биоэтике Наталия Шок: «Мы наблюдаем “свободное падение” доверия в мире. На этом фоне представляется важным задуматься о глобальной этике, так как именно “распределение здоровья и болезни” отражает то, как организовано общество и как люди относятся в нем друг к другу»².

Профилактические и политико-административные меры со стороны государства могут быть успешными, только в том случае, если существует высокая степень социальной солидарности, которая требует доверия к государственным и общественным институтам. Можем констатировать также тот факт, что в настоящее время происходит медиализация политики, и, с другой стороны, политизация медицины. Поэтому важно в условиях растущего пессимизма и недоверия населения к социальным институтам как можно скорее правительству и другим субъектам власти представить меры и программы перезапуска экономики, дать объективную информацию людям, на основе которой они могли бы формировать своё безопасное будущее.

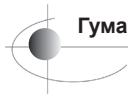
Важный и сложный этический вопрос состоит также и в том, как найти баланс между утилитарной целью укрепления общественного здоровья, с одной стороны, и либеральными целями защиты неприкосновенности частной жизни и свободы передвижения, с другой стороны. Поиск разумного соединения концепции общественного блага и соблюдение прав отдельного человека является этическим и моральным призывом к дальнейшим научным исследованиям и общественным дискуссиям.

Список литературы

1. Чучалин А. Г. Мы расплачиваемся за нашу беспечность // *Международная жизнь* 2020. № 5. С. 4–8.
2. Stand on Guard for Thee. Ethical considerations in preparedness planning for pandemic influenza. A report of the University of Toronto Joint Centre for Bioethics (November 2005). URL: <http://timetravel.mementoweb.org/memento/2005/http://www.utoronto.ca/jcb/home/documents/pandemic.pdf> (дата обращения: 22. 05. 2020). Текст: электронный.
3. Илесанми М. А. Пандемии и проблемы ограничения прав человека // *Юрист*. 2018. № 8. С. 59–65.
4. Кубарь О. И. Этические и правовые аспекты инфектологии и вакцинопрофилактики // *Инфекция и иммунитет*. 2011. № 2. С. 107–112.
5. Кубарь О. И. Этический комментарий к COVID-19 // *Инфекция и иммунитет*. 2020. № 2. С. 287–294.
6. *Этика инфекционной патологии* / под общ. ред. О. И. Кубарь. СПб.: ФБУН НИИЭМ им. Пастера, 2014. 116 с.
7. Щипков А. В. Политическая философия коронавируса // *Международная жизнь*. 2020. № 5. С. 12–20.
8. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 259 с.

¹ Торин А. Александр Чучалин: «Эпидемия коронавируса должна избавить наше общество от беспечности»: материалы онлайн-конференции (16.04.2020). – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26035> (дата обращения: 23.05.2020). – Текст: электронный.

² Шок Н. П. Кто должен жить? COVID-19 стал экзаменом по биоэтике. – Текст: электронный // *ForbesRussia*. – 2020. – 13 апр. – URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/397639-kto-dolzhen-zhit-covid-19-stal-ekzamenom-po-bioetike> (дата обращения: 23.05.2020).

9. Тощенко Ж. Т. Общество травмы. Между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа) М.: Весь мир. 2020. 345 с.
10. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978/79 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 446 с.
11. Соколов В. М. Принцип биоэтической ответственности в контексте моральных ценностей современной медицины // Вестник Башкирского университета. 2007. № 3. С. 125–127.
12. Соколов В. М. Биоэтическая детерминация моральных ценностей современной медицины // Фундаментальные исследования. 2014. № 9/5. С. 1151–1155.
13. Соколов В. М., Стомба А. В. Оценка поведенческих факторов риска медицинских работников в условиях эпидемий и экстремальных ситуаций // Современные исследования социальных проблем. 2020. № 2. С. 68–83.
14. Соколов В. М., Стомба А. В. Морально-правовые коллизии домашнего насилия в России в свете последних законодательных инициатив // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 82–90.
15. Засухина В. Н. Соотношение либерализма и консерватизма в биоэтике и их противостояние этическому нигилизму ницшеанского типа // Гуманитарный вектор. 2020. № 1. С. 133–138.
16. Stovba E., Stovba A., Kolonskikh N. Peculiarities, values and Youth Social Orientation in the Rural Territories in the Republic of Bashkortostan, in Modern Economic Conditions // Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018): Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 198. P. 245–249.

Статья поступила в редакцию 14.08.2020; принята к публикации 21.10.2020

Сведения об авторах

Соколов Владимир Максимович, кандидат философских наук, доцент, Бирский филиал Башкирского государственного университета; 452450, Россия, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; e-mail: sokolov-vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>.

Стовба Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Бирский филиал Башкирского государственного университета; 452450, Россия, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; e-mail: stovbaav2006@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>.

Вклад авторов в статью

В. М. Соколов – основной автор, организатор исследования, осуществление анализа, систематизации и оформления статьи.

А. В. Стомба – анализ и оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Соколов В. М., Стомба А. В. Императивность биоэтического подхода к морально-политическим проблемам коронакризиса COVID-19 // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 80–87. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-80-87.

References

1. Chuchalin, A. G. We pay for our carelessness. *International life*, no. 5, pp. 4–8, 2020. (In Rus.)
2. Stand on Guard for Thee. Ethical considerations in preparedness planning for pandemic influenza. A report of the University of Toronto Joint Centre for Bioethics. November 2005. Web. 22.05.2020. <http://www.timetravel.mementoweb.org/memento/2005/http://www.utoronto.ca/jcb/home/documents/pandemic.pdf> (In Engl.)
3. Ilesanmi, M. A. Pandemics and problems of restricting human rights. *Lawyer*, no. 8, pp. 59–65, 2018. (In Rus.)
4. Kubar', O. I. Ethical and legal aspects of infectology and vaccine prevention. *Infection and immunity*, no. 2, pp. 107–112, 2011. (In Rus.)
5. Kubar', O. I. Ethical commentary on COVID-19. *Infection and immunity*, no. 2, pp. 287–294, 2020. (In Rus.)
6. *Ethics of Infectious Pathology*. Saint Petersburg: FBUN NIIE Mimeni Pastera, 2014. (In Rus.)
7. Shchipkov, A. V. Political philosophy of the coronavirus. *International life*, no. 5, pp. 12–20, 2020. (In Rus.)
8. Kara-Murza, S. G. *Anomie in Russia: causes and manifestations*. M: Nauchniy ekspert, 2013. (In Rus.)
9. Toshchenko, Zh. T. *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (experience of theoretical and empirical analysis)*. M: Ves' mir, 2020. (In Rus.)
10. Fuko, M. *The birth of biopolitics: a course of lectures delivered at the College de France in the 1978/79 school year*. Saint Petersburg: Nauka, 2010. (In Rus.)

11. Sokolov, V. M. The principle of bioethical responsibility in the context of the moral values of modern medicine. Bulletin of the University of Bashkir, no. 3, pp.125–127, 2007. (In Rus.)
12. Sokolov, V. M. Bioethical determination of moral values of modern medicine. Basic research, no. 9/5, pp. 1151–1155, 2014. (In Rus.)
13. Sokolov, V. M., Stovba, A. V. Assessment of behavioral risk factors for medical workers in the conditions of epidemics and extreme situation. Modern researches of social problems, no. 2. pp. 68–83, 2020. (In Rus.)
14. Sokolov, V. M., Stovba, A. V. Moral and legal conflicts of domestic violence in Russia in the light of recent legislative initiatives. Humanitarian and social sciences, no. 2, pp. 82–90, 2020. (In Rus.)
15. Zasukhina, V. N. Correlation of liberalism and conservatism in bioethics and their opposition to the ethical nihilism of the Nietzschean type. Humanitarian vector, no. 1, pp. 133–138, 2014. (In Rus.)
16. Stovba, E., Stovba, A., Kolonskikh, N. Peculiarities, values and Youth Social Orientation in the Rural Territories in the Republic of Bashkortostan, in Modern Economic Conditions. Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018): Advances in Social Science, Education and Humanities Research, vol.198, pp. 245–249, 2018. (In Engl.)

Received: August 14, 2020; accepted for publication October 21, 2020

Information about author

Sokolov Vladimir M., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Birk Branch, Bashkir State University; 10 Internatsional'naya st., Birk, 452450, Russia; e-mail: sokolov-vlad@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0822-7632>.

Stovba Andrey V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Birk Branch, Bashkir State University; 10 Internatsional'naya st., Birk, 452450, Russia; e-mail: stovbaav2006@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0946-4816>.

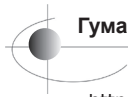
Contribution of authors to the article

V. M. Sokolov – the main author, the organizer of research, who formulates the problem of research and conclusions.

A. V. Stovba – analysis and preparation of the manuscript.

Reference to the article

Sokolov V. M., Stovba A. V. The Imperative of the Bioethical Approach to the Moral and Political Problems of the Coronacrisis COVID-19 // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 80–87. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-80-87.

УДК 316.75:82-343:323.28

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96

Татьяна Владимировна Излученко,
Сибирский федеральный университет
(г. Красноярск, Россия),
e-mail: izluchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ

Исследуется миф в качестве идеологической составляющей экстремизма. Цель работы заключается в определении роли и значения мифа для экстремистской деятельности. Экстремизм рассматривается социокультурным и политическим феноменом современной культуры, выражающимся в действиях против основ конституционного строя и общественной безопасности. Миф способствует формированию целостной картины мира, конструированию альтернативной социальной реальности и созданию моделей мышления и поведения, соответствующих целям и задачам экстремистских организаций. Методология исследования основывается на теориях мифа А. Лосева и М. Элиаде, когнитивных особенностей А. Круглански, трактовке девиантности Я. Гилинского и феноменологическом подходе к конструированию реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Экстремистское поведение есть форма девиантности, проявляющаяся в совершении действий ненормативного характера, которые представляют угрозу стабильности социуму и активируют механизмы социального контроля. Экстремистское мышление понимается как результат психологического конструирования, возникший на основе неестественного функционирования когнитивной системы. Экстремистские идеологии содержат мифы о будущем идеальном государстве и/или обществе, героях и легендарных личностях, а также эсхатологические представления. Сущностно эти мифы не отличаются от мифов, присущих иным видам деятельности и социокультурным феноменам. Однако они способствуют экстремизму посредством демонстрации приемлемых и неприемлемых норм поведения на примере героизированных лидеров; интерпретации исторических событий и процессов социальной действительности в соответствии с политическими целями организаций; создания и трансляции идеологических ценностей; формирования идентичности и ощущения исключительности.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские организации, идеология, миф, будущее государство, идеальное общество, девиантность

Tatyana V. Izluchenko,
Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia),
e-mail: izluchenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>

The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis

This study examines myth as an ideological component of extremism. The objective is to define the role and meaning of myths in extremist activities. Extremism is a socio-cultural and political phenomenon of modern culture, expressed in actions against the foundations of the constitutional order and public security. Myths contribute to the formation of a holistic picture of the world, to the construction of an alternative social reality, and the creation of models of thinking and behavior that correspond to the goals and objectives of extremist organizations. The research methodology is based on the theories of myth by A. Losev and M. Eliade, on the phenomenological approach of P. Berger and T. Luckmann to the construction of reality, on the cognitive features proposed by A. Kruglanski, and the interpretation of deviance by J. Gilinsky. Extremist behavior is a form of deviance, expressing in the committing of non-normative actions that threaten the stability of society and activate the mechanisms of social control. Extremist thinking is the result of psychological construction, which arose on the basis of the unnatural functioning of the cognitive system. Extremist ideologies contain myths about the future ideal state and/or society, heroes, and legendary personalities, as well as eschatological myths. Essentially, these myths do not differ from the myths inherent in other types of activity and socio-cultural phenomena. However, they contribute to extremism by demonstrating acceptable and unacceptable norms of behavior as exemplified by some legendary personalities; interpretation of historical events and processes of social reality following the political goals of organizations; creation and transmission of relevant ideas and values; the formation of identity and a sense of exclusivity among extremists.

Keywords: extremism, extremist organizations, ideology, myth, future state, ideal society, deviance

© Излученко Т. В., 2021

Введение. Проблеме экстремизма посвящено большое количество исследований различных направлений. Существуют работы по выявлению причин возникновения (политических, экономических) [1], характеристике особенностей экстремистского поведения (девиантности) [2; 3] и когнитивных искажений, вызванных данной деятельностью [4], а также по её правовому определению [5].

Экстремизм оказывает дестабилизирующий эффект в общественных сферах, последствия которого будут ощущаться на протяжении длительного времени, но, как и любой социокультурный феномен, он подвержен изменениям. В настоящее время актуализируется необходимость оптимизации существующих мер противодействия, учитывающих не только внешние факторы распространения, но и источник, природу экстремизма.

Обоснование и оправдание совершения экстремистских действий в рамках организованной совместной деятельности содержится в идеологии, положения которой разделяются и признаются истинными участниками. Идеология конструирует альтернативную социальную реальность и формирует соответствующее мировоззрение, ориентированное на достижение как организационных, так и личных целей. Значимую роль в этом процессе занимает мифотворчество.

Мифы активно присутствуют в их повседневности, наполняя идеологическим смыслом события и процессы объективной реальности, направляя и обосновывая необходимость соответствия требуемому образу жизни. Цель нашего исследования – определить роль мифов в идеологии экстремистских организаций, их влияние на мышление и поведение участников.

Методология и методы исследования. Экстремизм понимается как социокультурный и политический феномен, проявляющийся в действиях против основ конституционного строя и безопасности государства, а экстремистская организация – объединение людей, результаты совместной деятельности которых могут привести к дестабилизации существующего социально-политического положения.

Сущность и функции мифа исследуются с позиций А. Лосева и М. Элиаде. Характеристика специфических черт экстремизма и выявление мифов осуществляются типологическим анализом. Рассмотрение процесса конструирования альтернативной социальной реальности экстремизмом происходит на основе феноменологического подхода

П. Бергера и Т. Лукмана [6]. Специфика когнитивных состояний и образа мышления экстремистов определяется в рамках когнитивного подхода А. Круглански. Девиантный характер поведения исследуется специальными социологическими приёмами Я. И. Гиллинского [7]. Символика, содержание идеологических текстов и смыслов, включая мифы, интерпретируются в рамках герменевтического подхода.

Результаты исследования и их об- суждение. Обозначим понятие. «экстремизм». Оно выражает: а) мотивацию и побуждения людей, стремящихся изменить существующий социально-политический порядок; б) идеологию, направленную против основ конституционного строя и безопасности государства, на нарушение прав и свобод человека. «Экстремистская деятельность» указывает на организованные действия по реализации данных воззрений и целей [8, с. 66, 69].

«Экстремистские взгляды» – приверженность к системе убеждений, основанных на ненависти или вражде в отношении иных лиц (группы) по какому-либо признаку [9, с. 197]. Люди склонны к проявлениям агрессии при угрозе их ценностям, в частности религиозным, которые усиливаются совместной деятельностью и способствуют интеграции с определёнными организациями, межгрупповой враждебности и дегуманизации идеологических противников [10]. Возможность совершения действий насильственного характера в отношении лиц (группы) по какому-либо признаку подчёркивается понятием «насильственный экстремизм».

При характеристике экстремизма мы выделяем правовую, поведенческую и когнитивную составляющие.

Правовые определения данного феномена в некоторых случаях расходятся, акцентируя внимание на дестабилизирующем факторе, а во многих государствах даже отсутствует юридический термин. В России под экстремистской деятельностью понимаются действия, указанные в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»¹. Террористические действия можно рассматривать как крайнюю степень реализации экстремистских взглядов, представляющую наибольшую угрозу обществу. В Германии разжигание ненависти или вражды, публичная демонстрация

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон: [от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ]. – Текст: электронный // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 19.10.2020).

запрещённой символики, финансирование и пропаганда терроризма выступают основаниями для закрытия или запрета организаций. В ряде штатов США данные действия квалифицируются как преступления на почве ненависти, что выступает отягчающим вину фактором. Для государств Европы и США актуальными являются преступления террористической направленности, вызванные национальной ненавистью или враждой, которые взаимосвязаны с межрелигиозными конфликтами. «Количество актов террористической направленности, совершаемых представителями праворадикального сектора, начиная с 2014 г., неуклонно растёт» [11, с. 130].

В экстремистской деятельности отмечаются признаки девиантного поведения. Девиация есть отклонение от социальных норм, официально установленных или сложившихся в определённом обществе в конкретный исторический период; несоответствие стиля жизни с общественными нормами [7]. Девиантные проявления присущи «всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность – перманентное свойство общества)» [12, с. 12]. Однако негативная девиация выражается в дезорганизации и повышении энтропии социальной системы, которая стремится выявить их и минимизировать механизмами социального контроля. В основе девиантного поведения находятся диспозиции, определяющие предрасположенность личности к некому восприятию условий социальной реальности и готовность совершить некие действия [13]. Экстремистское поведение воспринимается определённым обществом на конкретном историческом этапе формой негативной девиации, дисфункциональным отклонением.

Экстремизм можно рассматривать в качестве психологической конструкции, обладающей сходствами с иными экстремальными состояниями. Для экстремистов характерны: а) высокая степень веры (не обязательно религиозной); б) нетерпимость к иным взглядам/позициям и людям, отличающимся от них; в) альтруизм, распространяющийся на представителей только своей группы. Предпосылками выступают поиск и утверждение личной значимости, которые обуславливаются обидами и мировоззрением. Человек переживает состояние относительной депривации, воспринимает сложившееся социально-политическое положение как систему ущемления его (его группы) прав и свобод [14]; состояние утраты психо-

логического, экономического и социального значения. Накопившиеся обиды, ощущение несправедливости в отношении себя (своей группы) вызывают отсутствие безопасности и унижение, что в свою очередь рождает чувство бессмысленности и, как следствие, стремление восстановить значимость и получить уверенность [15]. Происходит освобождение от действующих социальных и психологических ограничений с дальнейшим отказом от альтернатив. Насилие представляется действенным средством, оправданным и обоснованным идеологией и социальным окружением.

Когнитивные свойства сознания приобретают специфические проявления в экстремистской деятельности: радикализация взглядов; полная отдача себя организации и достижению цели; обобщение частных негативных случаев на общую ситуацию в обществе и государстве; убежденность в истинности, необходимости противозаконной деятельности и её дальнейшее оправдание. Соответствующим образом перенаправляются когнитивные способности. Приобретение знаний позволяет познать и принять идеологические положения. Активация знания – использовать насилие как идеологически допустимое и самое эффективное средство. Избирательное внимание – сосредоточиться на конкретной цели, отказаться от иных позиций. Подавление и торможение – игнорировать стимулы, связанные с альтернативными направлениями (семьей, физическими потребностями) [4].

Экстремистские организации, используя потребность людей в личной значимости и когнитивные искажения, создают атмосферу сплочённости и справедливого распределения ресурсов, предоставляют варианты личностного роста в рамках общества и организуют коммуникационные связи таким образом, что человек перестаёт критически воспринимать объективную социальную реальность. В результате у человека формируется мировоззрение, которое основывается на истинности его (его группы) убеждений и исключительной значимости себя (своей группы), отказе иных взглядов и жертвенности.

Несмотря на многообразие исследовательских позиций относительно экстремизма, идеологическая составляющая остаётся без должного внимания. Экстремизм связан с крайними идеологиями, приверженностью радикальным взглядам (левым, правым) и/или религиозному фундаментализму. Идеологи экстремистских организаций дегума-

низируют образ врага, идентифицируют его с конкретными людьми (группами) и легитимизируют насилие над ними, используя дуалистический принцип, противопоставление: «мы – свои» – «они – чужие – враги». Они направлены на управление: а) поведением (формируют необходимый образ жизни); б) эмоциями (создают специфический стиль мышления); в) познанием (определяют получаемую участниками информацию и предоставляют соответствующую интерпретацию происходящим процессам). Содержание отличается: а) простотой смыслов; б) упрощённым взглядом на социальные и политические события; в) чёткостью формулировок; г) неточностью статистических данных. Мир позиционируется категориями «чёрное – белое», «свои – чужие». Связность и ясность идеологических положений обеспечивается посредством мифотворчества.

Востребованность мифов и их постоянное присутствие в культуре можно объяснить созданием упрощённой, недостоверной, но удобной для освоения сознанием картины событий, основанной на эмоционально насыщенном, легко визуализируемом наборе символов. Помимо этого, мифы привлекательны, т. к. затрагивают важные проблемы и дают понятное объяснение, не требующее рационального доказательства. Устойчивость к критике обеспечивается когнитивной схематизацией мифа, в рамках которой происходит отбор информации, а всё, что не соответствует, отрицается или игнорируется.

Возникновение нового социокультурного феномена в обществе порождает соответствующий миф, устанавливается взаимозависимость, т. к. миф подтверждает значимость явления и задаёт его структуру. Миф выступает способом объяснения действительности в форме повествования, подкреплённого убеждениями, субъективными предпочтениями и рациональными рассуждениями, а также выборочными научными фактами. Люди создают мифы, отвечающие их потребностям и миропредставлениям. Когнитивная система сознания из многообразия представленных политических, культурных, религиозных и иных видов мифов воспринимает только те, которые согласуются с мировоззрением. Позже они корректируются и дополняются новыми элементами – результатами индивидуальных когнитивных искажений.

Феноменологический подход к мифу позволяет рассматривать его как наивысшую по своей конкретности и максимально ин-

тенсивную реальность для мифологического сознания, которое фрагментарно присутствует всем людям. Мифотворчество никогда не прекращается в обществе. Мифологическое мышление адаптируется к новым социокультурным условиям, использует реальные личности и происходящие социально-политические и экономические процессы. Миф не содержит ничего случайного, выдуманного, произвольного или фантастического [16, с. 35–37]. В нём присутствуют практичность, аффективность и личностные переживания, а также он включает живых личностей, жизнедеятельность которых представлена эмоциональными средствами. Функционально миф демонстрирует модели поведения для совершения ритуальных и повседневных практик. Воспроизведение мифологических событий направлено на передачу знаний, восстановление «начал» и переход/приобщение к сакральному [17]. Люди продолжают деятельность своих легендарных предков, проявляя себя здесь и сейчас, становясь частью Священной истории.

В настоящее время актуализируется мифотворчество для создания политизированных мифов. Исторические факты, религиозные традиции и социально-культурные нормы трансформируются и получают альтернативную интерпретацию, позиционируемую истинной, а за счёт эмоциональности воспринимаемую подлинной реальностью. Происходит распространение конкретной политической позиции, и легитимизируются те или иные решения руководства. Миф выступает манипуляционным инструментом власти, позволяя управлять общественным мнением и убеждать социум в целесообразности конкретного проекта, аргументируя общественной пользой и получением личной выгоды от его реализации. Этому способствуют следующие свойства мифа: а) амбивалентность – противопоставление масс как потребителей мифа и элит как его создателей; б) автономность – принятие мифа самими элитами [18, с. 45]. Миф, с одной стороны, есть инструмент элиты для успешного продвижения социально-политического проекта, позволяющий «замифологизировать» пространство и вызывающий невозможность объективной оценки, неадекватность выводов. С другой стороны, миф всегда является не только волей элиты, но и ответом на существующие в обществе запросы [19, с. 58].

В мифе создаются и транслируются идеи и ценности, формируются идентичность и ощущение исключительности у его

носителей, программируется их определённое социальное поведение. Миф направляет людей, визуализируя желаемое ими будущее. С одной стороны, он влияет на социум, направляет его посредством: а) демонстрации приемлемых и неприемлемых норм поведения на примере героев и легендарных личностей; б) интерпретации исторических событий в контексте современной социально-политической ситуации; в) объяснения социальной действительности и процессов в ней с учётом целей. С другой стороны, миф является продуктом общественного сознания, которое воспринимает актуальные для себя идеи, трансформирует их и успешно использует. Даже будучи нередко созданным элитами, он постепенно видоизменяется под влиянием социума и всегда становится ответом на конкретные общественные потребности.

Современные социально-политические и экономические процессы у некоторых людей вызывают ощущение ненадёжного жизненного положения (*insecure life attachment*), которое сопровождается переживанием страха и социальной незащищённости, провоцирует экстремальное поведение и применение насилия [20]. Создаваемые культурные нарративы помогают понимать действительность и решать жизненные проблемы. Насильственные действия, вызванные жизненными трудностями, культурными паттернами, психологическими травмами и личными особенностями [21], получают обоснование в мифологической форме и воспринимаются действенными средствами определёнными группами. При условиях осуществления совместной организованной деятельности и действий экстремистской направленности данные объединения могут квалифицироваться как экстремистские организации.

Наличие мифов в идеологии экстремистских организаций, действующих на международном и национальном уровнях, позволяет направлять участников, которые никогда не встречались друг с другом, на достижение единой цели, действовать согласно единой модели поведения и мыслить схожими категориями. Миф выступает средством конструирования воображаемой альтернативной социальной реальности, предоставляет соответствующие методы познания. В основе таких идеологий находится система мифов, которые взаимосвязаны и обоснованы друг другом. Этим обеспечивается целостность мировоззрения в заданных рамках, оправдание и обоснование любых

действий, соблюдение требуемых моделей мышления и поведения участниками.

Экстремизм, как и любое социокультурное и политическое явление современной культуры, содержит различного рода мифы. Они не являются специфическими, обладают той же сущностью что и любые другие мифы. На наш взгляд, их можно разделить на мифы, созданные в рамках самой экстремистской деятельности; мифы, сконструированные обществом об экстремизме и экстремистах. Идеологии экстремистских организаций включают оба вида. Первые – для обоснования своей деятельности, а вторые – демонстрации неприемлемости социумом их позиции, возможности и, в некоторых случаях, необходимости применения насильственных мер в отношении его членов. Подкрепляется допустимость насилия когнитивной радикализацией, основанной на высокой самооценке и стремлении к господству (нарциссизм), хитрости и изобретательности (макиавеллизм), эмоциональной холодности и импульсивности (психопатия) [22].

Несмотря на разнообразие, можно выделить некоторые группы наиболее распространённых мифов в идеологии экстремизма. Первые – о времени. Экстремистские организации действуют для достижения определённой политической цели, используя человеческие особенности (физические, психические и когнитивные) и мотивируя своих участников (руководство и рядовых) посредством мифов о прошлом (как золотом веке, давно забытом под влиянием деспотичного политического режима); настоящем (деятельности зла и возможности начала борьбы с ним); будущем (золотом веке, идеальном социально-политическом положении, которое будет превосходить ранее существующие). Формируются утопические представления о будущем, которое на самом деле никогда не наступит, опирающиеся на образ прошлого, которого на самом деле никогда не было. Миф позволяет участникам поверить, что благодаря их деятельности идеальное справедливое общество может стать реальностью. Религиозные экстремистские организации усиливают данные настроения идеями построения «царства небесного на земле» – рая, в виде утопии – места, где несовершенные люди могут стремиться к совершенству: личному, политическому, экономическому и социальному. Экстремистское сознание по сущности является утопичным [23].

Мифы данной категории взаимосвязаны с мифами о государстве и политической

власти, в которых современные социально-политические устройства представляются ложными и существующими с целью уничтожения, порабощения людей. В обращении террористической организации «Народного ополчения имени К. Минина и Д. Пожарского»¹ отмечается: «Власть стала не только нерусской, она стала антирусской, антинациональной не только по этническому происхождению, но и по своему духу поклонения идолу золотого тельца... в России установлен тиранический режим духовного порабощения, национального унижения и социального угнетения»².

Установление нового социально-политического порядка представляется экстремистами естественным результатом исторического развития общества, поэтому он должен быть создан, т. к. это Священная история, а они являются только исполнителями. Будущее государство будет реализовывать не закон людей, а божественную волю, нормы, установленные высшими силами. Согласно идеологии террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»³, человечество проходит следующие основные этапы развития: 1) период пророка Мухаммеда и халифа (прошлое); 2) монархию и деспотичные правления (настоящее); 3) снова халифат (будущее), который получит более совершенную форму, учитывающую все прежние сложности и современные научно-технические достижения. Для этого все участники в различных государствах стремятся получить доступ к политической власти и перейти к созданию халифата.

Вторая группа мифов – о героях и легендарных личностях. Героем, которым может быть как мужчина, так и женщина, является человек, способный преодолеть свои личные и локально-исторические ограничения и перейти к общечеловеческим формам [24, с. 22]. Данные мифы преимущественно содержат следующий сюжет. Человек, живу-

щий обычной жизнью, при определённых условиях (воля священного, невыносимость положения, несправедливость) переходит в область сверхъестественного. Там он сталкивается с мифическими силами, олицетворяющими мировое зло, одерживает победу, преображаясь в качестве спасителя мира, и возвращается. Приобретённые знания и умения он передаёт обществу, члены которого должны уважать их и стараться соответствовать его образу жизни. Позиционируется следующее: любой человек, следуя примерам героев, соблюдая предписанные нормы, будет жить согласно естественному состоянию своего организма, что приведёт его к абсолютному здоровью как физическому, так и психическому. Данная группа мифов развивает представления о здоровье, которое достижимо только при условиях соблюдения определённого образа жизни.

В экстремизме отмечается преимущественное обращение к жизнедеятельности уже умерших легендарных личностей, а не действующих лидеров, т. к. они только повторяют уже указанный путь. Экстремистские организации создают свои перечни: а) легендарных личностей, которые своей деятельностью, включая противоборство государству и смерть, способствовали обществу процветанию, противостоянию со злом; б) героев, творивших в период Священной истории и зачастую являющихся организаторами данных объединений. Сторонники террористической организации «Исламское движение Узбекистана»⁴ отмечают ключевую роль основателя Тахира Юлдашева (1968–2009), всю свою жизнь, по их мнению, посвятившего достижению праведных целей и явившего пример стойкости и веры. Экстремистская организация «Алтай Дян Ак Дян»⁵ позиционирует своего лидера Василия Чекурашева как борца с навязанным японцами алтайскому народу буддизмом, возвращающего алтайцев к истинной вере.

Третья группа мифов содержит эсхатологические мотивы, которые продолжают идеи создания идеального государства. Будущее понимается результатом деятельности участников по приближению конца света

¹ Решение Московского городского суда № 3-15/2015: [от 18 февраля 2015 г.]. – URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-materialy.html> (дата обращения: 28.10.2020). – Текст: электронный.

² О создании Народного фронта освобождения России: заявление Народного ополчения им. Минина и Пожарского (НОМП): [от 18 ноября 2010 г.]. – URL: <https://aakanab.blogspot.com/2010/11/blog-post18.html> (дата обращения: 15.10.2020). – Текст: электронный.

³ Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ14-1424С: [от 29 декабря 2014 г.] – URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 12.10.2020). – Текст: электронный.

⁴ Решение Верховного Суда Российской Федерации № ГКПИ 03-116: [от 14 февраля 2003 г.]. – URL: <https://web.archive.org/web/20160108040711/http://nac.gov.ru/content/3934.html> (дата обращения: 01.11.2020). – Текст: электронный.

⁵ Решение Онгудайского районного суда Республики Алтай: [от 11 декабря 2018 г.]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 01.11.2020). – Текст: электронный.

и исполнению воли священного. С установлением нового мирового порядка наступит конец истории – золотой век, в котором выживут и будут процветать только сторонники определённой позиции, идеологии. Скорое ожидание конца света, в случае с религиозными экстремистами – наступления Страшного суда, характерно для идеологий экстремистских организаций. Эсхатологические и сотериологические мотивы составляют значительную часть роли и миссии основателей тоталитарных движений [17], тем самым формируя их образ как героев вселенского масштаба. Сотериологический элемент используется с целью продемонстрировать исключительность и превосходство своих участников.

Эсхатологические мифы выступают основополагающими элементами идеологии экстремистских организаций. Они соединяют мифы в целостную картину мира, обосновывают и раскрывают цель деятельности, указывают на получение достойной награды участниками. В них визуализируется будущее идеальное государство и/или общество как новый сотворённый мир, пришедший на смену ложному социально-политическому устройству, а люди, которые будут жить, – абсолютно здоровыми и счастливыми. Согласно учению экстремистской организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы»¹, ожидается конец света, в результате которого наступит «царство» последователей под руководством Иисуса Христа, после произойдёт суд: 144 тысяч попадут на небо, а остальные люди будут жить вечно на обновлённой планете. При этом новое общество не будет знать насилия и различного рода конфликтов.

Заключение. В идеологии экстремизма используются мифы для создания необходимого общественного мнения, измене-

ния восприятия происходящих процессов у участников. Они маскируют политические цели организаций, представляя противоправную деятельность как борьбу с мировым злом и как установление идеального справедливого социально-политического устройства. Разрабатываются социально-политические и экономические, а иногда и религиозные, проекты, которые содержат элементы реальности и основываются на существующих проблемах и возможностях их преодоления, также в них отмечаются «испорченность существующей системы» и ангажированность политических элит. Предлагаемые меры ориентированы на свою целевую аудиторию, отвечают её потребностям и интересам. Мифы становятся средствами убеждения в истинности определённых проектов по созданию альтернативной социальной реальности.

Во многом успешность и востребованность идеологии той или иной экстремистской организации обеспечивается мифами. Чем лучше они дополняют, обосновывают и подтверждают друг друга, чем пластичнее они являются, тем дольше существует и продуктивнее функционирует организация, получая возможность в кратчайшие сроки трансформироваться под изменяющиеся условия. Соответственно, организации, существующие несколько десятилетий, пережившие социально-политические кризисы и распространившие своё влияние на различные территории, обладают развитой системой мифов, способной изменяться при сохранении фундаментальных идеологических (ядро) положений. На наш взгляд, при разработке мер противодействия экстремизму и принятии адекватных управленческих решений необходимо учитывать содержание и функциональное значение существующих в нём мифов.

Список литературы

1. Еремин С. Г., Скориков Д. Г., Тришкина Е. А. Генезис экстремизма и формы проявления экстремистской деятельности // Юристы-правоведы. № 1. 2017. С. 218–222.
2. Байсаидова Г. С., Алибекова С. Я. Религиозно-политический экстремизм как форма девиации в конфликтном пространстве // KANT. 2019. № 4. С. 132–135.
3. Ганаева Е. Э. Молодежный экстремизм как тип девиации // Молодой учёный. 2012. № 12. С. 361–363.
4. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // Cognition. 2019. Vol. 188. P. 116–123. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.11.008.
5. Андриянов В. Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 32–42. DOI: 10.17150/2500-4255.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
7. Гишинский Я. И. Глобализация и девиантность // Академический вестник. 2012. № 2. С. 8–13.

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ17-238: [от 20 апреля 2017 г.]. – URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-sudarf-otnaki17-238/> (дата обращения: 02.11.2020). – Текст: электронный.

8. Забиров Р. В., Иванчук О. В. Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Вестник современных исследований. 2019. № 3. С. 66–70.
9. Сергун Е. П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 195–198.
10. Beller J., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355. DOI: 10.1037/rel0000138.
11. Михеева С. Н., Скипский Г. А. Феномен праворадикального экстремизма в странах Европы и США и проблемы противодействия ему органов государственной власти на современном этапе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 129–134.
12. Комлев Ю. Ю. Эмпирическое изучение девиантности. На пути от триангуляции статистических, количественных и качественных методов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1. С. 12–22.
13. Ярошевич Е. А. Девиантность и виктимность личности в генезисе и развитии девиантного поведения // Весник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. каноніка, сацыялогія, права. 2016. № 2. С. 53–59.
14. Kunst J., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55–59. DOI: 10.1016/j.copsy.2020.03.010.
15. Van Prooijen J.-W., Kuijper S.M. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievances. URL: <https://www.researchgate.net/publication> (дата обращения: 24.12.2020). Текст: электронный.
16. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2002. 558 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. 222 с.
18. Белов С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3. С. 39–48.
19. Веретевская А. В. Об опасности политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе) // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 52–64.
20. Ozer S. Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 76. P. 26–36. doi: 10.1016/j.ijintrel.2020.02.007.
21. Hoffman A. Understanding conflict and the role of community development: Is building a peaceful society within our reach? // Aggression and Violent Behavior. 2017. Vol. 37. P. 63–70. DOI: 10.1016/j.avb.2017.09.003.
22. Pavlovic T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. P. 110374. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110374.
23. Coates Jo. Utopia – An obsolete concept // Tech logical Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 113. P. 110–111. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.10.057.
24. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячьми лицами: пер. с англ. Киев: София, 1997. 336 с.

Статья поступила в редакцию 30.11.2020; принята к публикации 29.12.2020

Сведения об авторе

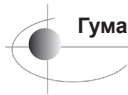
Излученко Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный; e-mail: izluchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>.

Библиографическое описание статьи

Излученко Т. В. Роль мифа в экстремизме: социально-философский анализ // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 88–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96.

References

1. Eremin, S. G., Skorikov, D. G., Trishkina, E. A. Genesis of extremism and forms of manifestation of extremist activity. Jurist-jurist, 2017: 218–222. (In Rus.)
2. Baisaidova, G. S., Alibekova, S. Ya. Religious and political extremism as a form of deviation in the conflict space. KANT, no. 4, pp. 132–135, 2019. (In Rus.)
3. Ganaeva, E. E. Youth extremism as a type of deviation. Young scientist, no. 12, pp. 361–363, 2012. (In Rus.)
4. Kruglanski, A., Fernandez, J., Factor, A., Szumowska, E. Cognitive mechanisms in violent extremism. Cognition, vol. 188, pp. 116–123, 2019. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.11.008>. (In Engl.)

5. Andriyanov, V. N. Constitutional and legal bases of counteraction to extremism. All-Russian criminological journal, no. 1, pp. 32–42, 2017. <https://doi.org/10.17150/2500-4255>. (In Rus.)
6. Berger, P., Lukman, T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. M: Medium, 1995. (In Rus.)
7. Gilinskiy, Ya. I. Globalization and deviance. Academic Bulletin, no. 2, pp. 8–13, 2012. (In Rus.)
8. Zabirov, R. V., Ivanchuk, O. V. Phenomenological analysis of the concepts “extremism”, “youth extremism”, “prevention of youth extremism”. Bulletin of modern research, no. 3, pp. 66–70, 2019. (In Rus.)
9. Sergun, E. P. Legal support for countering extremist activities in the Russian Federation. Legal policy and legal life, no. 2, pp. 195–198, 2006. (In Rus.)
10. Beller, Joh., Kroger, C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist violence. Psychology of Religion and Spirituality, vol. 4, pp. 345–355, 2018. <https://doi.org/10.1037/rel0000138>. (In Engl.)
11. Mikheeva, S. N., Skipskiy, G. A. The phenomenon of right-wing radical extremism in Europe and the United States and the problems of countering it by state authorities at the present stage. Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 3, pp. 129–134, 2020. (In Rus.)
12. Komlev, Yu. Yu. Empirical study of deviance. On the way from triangulation of statistical, quantitative and qualitative methods. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 1, pp. 12–22, 2011. (In Rus.)
13. Yaroshevich, E. A. Deviance and victimhood of the individual in the genesis and development of deviant behavior. Bulletin of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. Ser. D, Economics, sociology, law, no. 2, pp. 53–59, 2016. (In Rus.)
14. Kunst, Jo., Obaidi, M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. Current Opinion in Psychology, vol. 35, pp. 55–59, 2020. doi: 10.1016/j.copsyc.2020.03.010. (In Engl.)
15. Van Prooijen, J.-W., Kuijper, S. M. H. C. A Comparison of Extreme Religious and Political Ideologies: Similar Worldviews but Different Grievance. Pers. Individ. Differ, vol. 159, art. no. 109888, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.109888>. (In Engl.)
16. Losev, A. F. Dialectics of myth. M: Mysl, 2002. (In Rus.)
17. Eliade, M. Aspects of myth / translated from Fr. M: Academic project, 2000. (In Rus.)
18. Belov, S. I. Correlation of the concepts “political myth” and “historical myth”. MSU Bulletin. Episode 12. Political science, no. 3, pp. 39–48, 2018. (In Rus.)
19. Veretevskaya, A. V. On the danger of political myth for social development (on the example of the myth of multiculturalism in Europe). Questions of philosophy, no. 5, pp. 52–64, 2018. (In Rus.)
20. Ozer, S. Globalization and radicalization: a cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism. International Journal of Intercultural Relations, vol. 76, pp. 26–36, 2020. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2020.02.007>. (In Engl.)
21. Hoffman, A. Understanding conflict and the role of community development: is building a peaceful society within our reach? Aggression and Violent Behavior, vol. 37, pp. 63–70, 2017. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.09.003>. (In Engl.)
22. Pavlović, T., Wertag, A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism. Personality and Individual Differences, vol. 168, p. 110374, 2021. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110374>. (In Engl.)
23. Coates, Jo. Utopia – An obsolete concept. Tech logical Forecasting and Social Change, vol. 113, pp. 110–111, 2016. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.10.057>. (In Engl.)
24. Campbell, J. The Hero with a Thousand Faces / transl. from Eng. K: Sofiya, 1997. (In Rus.)

Received: November 30, 2020; accepted for publication December 29, 2020

Information about author

Izluchenko Tatyana V., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Siberian Federal University; 79 Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia; e-mail: izluchenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5644-301X>.

Reference to the article

Izluchenko T. V. The Role of Myth in Extremism: the Socio-Philosophical Analysis // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. Pp. 88–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-88-96.

Диана Викторовна Шульц,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: dianadm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0561-3271>

Современный танец в цифровом пространстве: кинотанец в условиях пандемии COVID-19

Современный танец развивается в условиях новых угроз и возможностей. Как и любое другое общественное явление, он испытывает воздействие внешних по отношению к нему условий, которые способны оказывать воздействие на его содержание, развитие и формы. Пандемия COVID-19 стала самым глобальным условием за последнее время, влияние которого стало ощутимым для всех сфер жизнедеятельности общества. Как и другие отрасли искусства, современный танец был поставлен в новые условия, связанные с ограничительными мерами, которые привели не только к негативным последствиям, но и вызвали всплеск использования информационных технологий для доведения результатов творческих изысканий до зрителя. Именно условия пандемии способствовали интенсивному развитию новых форм взаимодействия профессионального хореографического сообщества и новому этапу развития кинотанца как одной из форм Contemporary Dance. В статье рассматривается воздействие ограничительных условий пандемии на развитие современного танца, в частности такой его формы, как кинотанец. Проанализированы имеющиеся немногочисленные подходы к определению сущности кинотанца, а также опыт хореографов по созданию танцевальных постановок в условиях самоизоляции. Методологической основой исследования послужил анализ научной, философской литературы, освещающей проблемы развития современного танца и кинотанца в частности в условиях пандемии COVID-19. Представлена попытка обобщения результатов рефлексии представителей научного и хореографического сообществ по поводу воздействия ограничительных условий на развитие профессионального сообщества хореографов. Проведённый анализ позволил сделать выводы, что представители профессионального сообщества хореографов смогли использовать условия самоизоляции для воплощения новых творческих идей, а кинотанец стал более популярным и востребованным.

Ключевые слова: современный танец, контемпорари, кинотанец, цифровое пространство, пандемия

Diana V. Schultz,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: dianadm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0561-3271>

Modern Dance in the Digital Space: A Screen Dance in the Context of the COVID-19 Pandemic

Modern dance is developing in the face of new threats and opportunities. Like any other social phenomenon, it is affected by external conditions that can affect its content, development and forms. The COVID-19 pandemic has become the most global condition in recent times, the impact of which has become tangible for all spheres of society. Like other branches of art, Contemporary Dance was put into new conditions, which led not only to negative consequences but also caused a surge in the use of information technologies to bring the results of creative research to the viewer. It was the pandemic conditions that contributed to the intensive development of new forms of interaction between the professional choreographic community and the new stage of the development of the screen dance as one of the forms of Contemporary Dance. The article is devoted to the impact of the restrictive conditions of the pandemic on the development of contemporary dance and its form such as a screen dance. We analyzed the few available approaches to determining the essence of a screen dancer, as well as the experience of choreographers in creating dance performances in conditions of self-isolation. The research is based on the analysis of the scientific literature covering problems of development of modern dance and screen dance in the conditions of COVID-19 pandemic. We concluded that representatives of the professional community of choreographers were able to use the conditions of self-isolation to implement new creative ideas, and the screen dance became more popular.

Keywords: contemporary dance, screen dance, digital space, pandemic

Введение. Современный танец представляет собой постоянно развивающийся феномен современной культуры. Его развитие происходит в рамках разных танцевальных форм и направлений, которые складываются как под влиянием существующей логики и философии танца, так и под влиянием внешних условий, обусловленных спецификой развития культуры и общества на каждом конкретном этапе. В 2020 г., как и другие сферы жизнедеятельности общества, культура столкнулась с ограничительными мерами, вызванными пандемией COVID-19. Значительное количество отраслей искусства были поставлены в новые условия, что вызвало всплеск использования информационных технологий для доведения результатов творческих изысканий до зрителя. Именно условия пандемии способствовали интенсивному развитию новых форм взаимодействия профессионального хореографического сообщества и новому этапу развития кинотанца как одной из форм *Contemporary Dance*.

Методология и методы исследования. Методологической основой представленного в статье исследования является анализ научной, философской литературы, освещающей проблемы развития современного танца и кинотанца в частности в условиях пандемии COVID-19. Произведена попытка обобщения результатов рефлексии воздействия ограничительных условий на развитие профессионального сообщества хореографов.

Результаты исследования и их обсуждение. Кинотанец как феномен современного искусства является обсуждаемой темой среди исследователей, хореографов и режиссёров. Во-первых, исследовательский интерес связан с определением сущности кинотанца и подборкой наиболее точных дефиниций. Несмотря на свою уже немалую историю и множество попыток теоретизирования, понятие «кинотанец» до сих пор не обладает конкретным терминологическим аппаратом. В зарубежном профессиональном сообществе существует значительное количество терминов, так или иначе связанных с попыткой определить сущность кинотанца: *dance film, film dance, cinedance, video dance, dance on camera, dance for camera, screen dance, kinetic cinema, physical cinema*. Такое разнообразие подтверждает отсутствие концептуализированности сущности кинотанца. Многие зарубежные исследователи отмечают, что среди профессионального сообщества существует объективная

необходимость в формировании теоретического фундамента изучения и преподавания кинотанца [1, с. 163]. Под танцевальным видео (*video dance*) понимают хореографические произведения, сущность которых может быть раскрыта только посредством фильма или видео. Создание кинотанца, по словам Р. Алонсо, возможно только тогда, когда хореографы и режиссёры имеют опыт перевода танца со сцены на экран [2, с. 218]. Именно кинотанец (*video dance*) способен создать синтез видеоарта и танцевального искусства на основе сочетания творческих элементов и технических средств¹.

В России термин «кинотанец» появился в 2000-х гг., и сегодня он широко используется в профессиональном сообществе, однако, терминологическая ясность отсутствует. Специальных научных исследований, посвящённых кинотанцу, практически нет. В научном дискурсе присутствуют лишь отдельные работы, затрагивающие данную тему.

А. Кадырина объективно отмечает, что не могут быть названы кинотанцем танцевальные композиции, присутствующие в кино. Сущность кинотанца заключается в изначальном соединении творческих задумок режиссёров и хореографов – это своеобразный тандем, в котором танец и кино существуют отдельно, но сочетаются таким образом, что танец выступает в качестве метафоры, способной показать замысел хореографа².

Фестиваль танцевальных фильмов «Кинотанец» проводится в России с 2005 г. Его основатель – Алла Ковган – считает, что Российское кино «было рождено танцевать». В своём интервью она отмечает, что кинотанец имеет давнюю историю. Одной из точек отсчёта развития кинотанца А. Ковган считает опыт солиста Мариинского театра Александра Ширяева, который с 1902 г. начал создавать анимационные балеты³. Хронологически это была первая попытка передачи танцевального движения с помощью имеющихся средств. С развитием кинематографа появляются новые технические возможности для передачи движения. Уже

¹ McPherson K. *Making Video Dance: A Step-by-Step Guide to Creating Dance for the Screen*. – Boston: Routledge, 2006. – 295 p.

² Кадырина А. Кинотанец как метафора. – URL: <https://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-17905.htm> (дата обращения: 10.01.2021). – Текст: электронный.

³ Васенина Е. Когда кино танцует: интервью с режиссером фильма «Каннингем» Аллой Ковган. – Текст: электронный // Театр. – 2016. – № 27/28. – URL: <http://www.oteatre.info/kogda-kino-tantsuet/> (дата обращения: 10.01.2021).

братья Люмьер запечатлели на плёнке танец американской танцовщицы Лои Фуллер «Серпантин», Томас Эдисон – танец-модерн Рут Сен Денис и Теда Шона. Можно констатировать, что возникновение кино и современного танца относится примерно к одному периоду времени. О тесной связи танца и медиа, танца и кино, танца и телевидения упоминают многие зарубежные исследователи [3, с. 2]. Изначальный синтез и взаимодействие живых танцевальных движений и экранных постановок отметил Дж. Притчард [4]. Дж. Шмидт в качестве примера одновременного показа живого и проектируемого движения привёл «Струну» Триши Браун, исполнявшей танец с привязанным к спине кинопроектором, и «Два раза» Ханс ван Маненна, передавшего предварительно записанную версию произведения на верхний экран одновременно с живым исполнением [5]. Таких постановок немало: данный опыт доказывает, что не только стремление запечатлеть танец и передать его с помощью плёнки и других технических средств стало предтечей возникновения кинотанца, но и сам процесс возникновения средств передачи звука, изображения, движения способствовал возникновению новых творческих задумок на грани кино и хореографического движения [6].

Алла Ковган определяет кинотанец через синтез хореографии и кино, отмечая, что организация действия в пространстве и времени объединяет деятельность хореографов и режиссёров, рассматривая монтаж в качестве процесса, близкого к хореографическому. Основываясь на содержании, сущности сюжета и некоторых технических особенностях, она дифференцирует кинотанец на четыре основных вида (направления):

1) полнометражные фильмы-балеты (танцфильмы) – в их основу положены сценические постановки;

2) киномузыкалы – имеют сюжет, в который гармонично вписаны танцевально-музыкальные номера, как правило, создаются по определённому шаблону;

3) художественные драматические фильмы – в их основе лежат любые истории, связанные с развитием танца, построенные по классическим канонам кинодрамы;

4) короткометражки артхауса – самый распространённый вид, который воплощается не только в танцевальных, анимационных и монтажных короткометражных фильмах, но также в разнообразных клипах.

В кинотанце хореография выступает в качестве основы для воплощения режис-

сёрского замысла. Это не просто танец, запечатлённый на плёнку. Неслучайно в Европе и Америке кинотанец называют физическим, или кинетическим кино. Кинотанец представляет собой фильм, соединяющий язык кинематографии (план, ракурс, монтаж, композицию кадра, цветовое решение) и язык современного танца (*contemporary dance*). Пользуясь инструментарием танца, у хореографов возникает возможность создания кино, в котором идея фильма приобретает неожиданный для автора ракурс. В кинотанце обязательным элементом является хореографическое или перформативное движение – именно оно задаёт направленность и несёт основную смысловую нагрузку фильма. Танец здесь становится не просто хореографией, а скорее экзистенциальным ритмом самой жизни – процессом жизни, протекающим в пластическом выражении перед зрителем. Согласимся с мнением Екатерины Васениной, определяющей кинотанец как особый вид искусства, сплав современного танца и кино, отличающийся особым темпоритмом и специфической геометрией кадра¹.

Зарубежные исследователи отмечают, что танцевальные фильмы позволяют зрителю «ощутить своё собственное тело, взаимодействующее с местами, выделенными в таких фильмах, окружение становится «не просто настройками»..., но партнерами в диалоге с отзывчивым, феноменальным телом» [7]. Ф. Д. Хоффман, исследуя взаимоотношения тела и окружающего пространства в танцевальных фильмах, отмечает, что в таких фильмах нет разрозненности тела, движения и ландшафта: движения танцора являются встроенными в пейзаж, что позволяет зрителю ощутить реальность происходящего [8, с. 34]. Она подчёркивает, что танцующее тело в определённом пространстве является малоизученным, оно должно стать объектом для будущих исследований как с философской, так и с художественной, и культурологической позиций.

С философской точки зрения, интересным представляется исследование сознания танцора, воплощённого в движении и пространстве. С хореографической стороны – кинотанец в открытом ландшафте предлагает некоторый темп, связанный с традиционными ориентирами, и материальная специфика ландшафта может

¹ Кинотанец: «нечто авторское и особенное». – Текст: электронный // Телеканал «Театр». – URL: <https://www.telekanalteatr.ru/kinotanec-nechto-avtorskoe-i-osobennoe.html> (дата обращения: 10.01.2021).

быть источником вдохновения для хореографических постановок. Однако, что ещё более важно, среда кино в связи с танцем обладает способностью вызывать чувства и процесс рефлексии на уровне, отличном от уровня театральной постановки или конкретного спектакля. Мизансцена или встраивание танцора в процессный пейзаж вместе с механикой кинестетической эмпатии позволяют зрителю соединиться с пейзажем на эмоциональном, дорефлексивном уровне [8, с. 35].

Исследуя сущность взаимодействия танцора и зрителя в кинотанце Д. Захави ведёт речь о феноменологии современного танца и феноменологии тела танцора в кинотанце. Он отмечает, что «все виды межличностных отношений, включая понимание действий, приписывание намерений и распознавание эмоций и ощущений, опираются на автоматические и бессознательные воплощенные процедуры моделирования» [9]. Это означает, что наблюдая за движущимся телом, зритель становится соучастником процесса движений и переживаний, которые он видит на экране. «Зритель связывается с эмоциями, которые танцор выражает в фильме – не как сознательная попытка воспроизвести эмоции, а как "автоматическая, бессознательная и долингвистическая симуляция" психических состояний танцора» [9, с. 221].

Именно в этом заключается специфика кинотанца как одной из форм выражения современного танца: он стирает пространство между танцором, режиссёром и зрителем [10; 11].

Если отсчёт развитию кинотанца положили первые съёмки хореографических движений, то его последующее развитие было связано с возникновением новых технических возможностей, развитием информационных технологий, интернета, интерактивных платформ и социальных сетей. Медиатехнологии упростили запись, воспроизводство и тиражирование разнообразной информации, способствовали созданию культуры массового производства [12]. Поэтому современное состояние кинотанца можно охарактеризовать, как его развитие в условиях цифрового и интерактивного пространства, что создаёт и новые возможности фиксации движений, и новые возможности тиражирования произведений танцевально-го искусства.

Интернет предоставил возможность не только смотреть танцевальные фильмы разных периодов времени, но и сделать доступ-

ными архивные работы известных танцовщиков и хореографов [13]. Развитие технологий часто захватывает воображение творческих людей, что обычно приводит к смене парадигм работы с движением или выражения смысла. Например, камеры сверхвысокой чёткости позволяют исследовать движение в замедленном варианте. Появление новых технических возможностей изменяет представление о современном танце, создавая новые художественные образы, идеи и смыслы на основе сочетаний движений. Возникают виртуальные танцевальные произведения. В свою очередь, размещение танцевальных видео в социальных сетях и на интерактивных платформах (*Facebook*, *Vimeo*, *MySpace* и др.) предоставляют возможность получения отклика, быстрой обратной связи, что также является важным для создателей произведений кинотанца.

Что касается воздействия ограничительных условий пандемии на развитие кинотанца, то отметим, что пандемия способствовала интенсификации и появлению новых форм кинотанца. Он в большей степени стал восприниматься как отдельное обособленное направление современной хореографии. Значительно увеличилось количество конкурсов (онлайн-конкурсов) и семинаров, посвящённых кинотанцу. Многие представители современного хореографического сообщества начали онлайн-обучение по созданию кинотанца. В ноябре 2020 г. на базе Александринского театра состоялись воркшоп и конкурс по кинотанцу «Кинотанец. *Weekend*». В рамках данного мероприятия проведены лекции и дискуссионная площадка, а также показ конкурсных работ по кинотанцу.

В декабре 2020 г. в Санкт-Петербурге проводился VIII Международный фестиваль танцевального кино «Кинотанец», где хореографы и режиссёры из Израиля, Норвегии, Франции, России, Нидерландов, Италии, Финляндии, США представили свои работы и провели обучающие семинары по кинотанцу и современному танцу.

Пандемия способствовала цифровизации танцевального пространства и созданию новых танцевальных форм. Владимир Варнава совместно с Павлом Семченко и «Балетом Москва» создали танцевальный спектакль «Прощай, старый мир!». Новшеством стало то, что спектакль создавался в условиях самоизоляции, и его показ прошёл в социальной сети «ВКонтакте». Весь процесс создания спектакля – отбор артистов, просмотр мест съёмок, раздача заданий, репетиций – происходил в дистанционном

формате. В данном произведении танцовщицы одновременно выступили в роли операторов, снимая свои хореографические задумки самостоятельно. Т. Кузнецова называет эту работу сложносочинённым повествованием, в котором соперничают динамичные и статические объекты: «27 самодостаточных неравнозначных фрагментов, в которых художник и хореограф, предмет и человек, картинка и движение попеременно оспаривают лидерство, складываются... в цельный коллаж» [14, с. 8].

Спектакль не просто рассказывает об опыте самоизоляции, он демонстрирует возможность движения в заданном пространстве и телесное выражение мироощущения танцоров. Пространство обычной квартиры впервые стало сценической площадкой для современного танца. Сочетание разнообразных архитектурных пространств, разных сюжетов и замыслов танцоров и постановщиков, с одной стороны, позволило зрителю увидеть происходящие в мире изменения, с другой, прожить с танцорами их чувства и мысли в режиме реального времени. Показательно, что за сутки спектакль посмотрели 643 258 человек. Это небывалая аудитория для современных постановок.

Данный опыт создания и показа современного танца в форме кинотанца позволяет выявить ещё одну закономерность влияния условий пандемии на сферу искусства и культуры в целом – она перестала быть закрытой, элитарной, стала более демократичной и доступной для зрителя [15].

Согласимся с мнением Ф. Д. Хоффман, считающей, что кинотанец (танцевальный фильм) является наиболее подходящим средством для выражения имеющихся или возникающих в обществе проблем, т. к. с помощью современных технологий такой фильм может охватить огромную аудито-

рию. Кинотанец в условиях цифрового пространства не ограничен временем и пространством: не привязан к конкретной дате, показ фильма не зависит от одновременного физического присутствия исполнителя и аудитории. Медийная специфика танца проявляется в кино так же, как и сценические представления, а это означает, что танцевальный фильм предлагает, но и ограничивает подходы к интерпретации поднимаемых проблем.

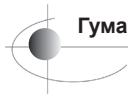
Несмотря на то, что пандемия оказала негативное влияние как на сферу культуры в целом, так и на современный танец, представители профессионального сообщества хореографов смогли использовать условия самоизоляции для воплощения новых творческих идей.

Заключение. Рассмотренный опыт развития современного танца в условиях пандемии позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, анализ исследовательских работ показал, что на сегодняшний день специальных научных работ, посвящённых воздействию пандемии на развитие современного танца, практически нет, так же как и работ о кинотанце. Во-вторых, несмотря на общее деструктивное воздействие ограничительных мер (отмену показов, репетиций, конференций, встреч, мастер-классов, фестивалей), современный танец приобрёл новые формы выражения. Кинотанец стал одной из таких форм, которая не только своеобразным образом компилировала в себе два вида искусства, но и позволила выражать творческие замыслы хореографов и режиссёров в условиях самоизоляции.

Переход в онлайн-пространство, изначально воспринимавшийся как необходимость, постепенно превратился в совокупность возможностей для творческих людей.

Список литературы

1. McPherson K. Watch Films, Watch Dance Films, Watch More Dance Films // *The International Journal of Screendance*. 2016. No. 6. P. 153–165.
2. NRA Candra D. A., Nur Rokhim, Ranang AS, and Muji Soewasta Moving Video Camera Base on Expression Dancer Move and Kinesphere // *Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR)*. 2018. No. 41. P. 216–222.
3. De Marigny C. Dance for and on Television // *Dance Theatre Journal*. 1988. No. 6. P. 2, 3.
4. Pritchard J. Movement on the Silent Screen. *Dance Theatre Journal* // 1995. No. 12. P. 26–30.
5. Schmid J. Exploitation or Symbiosis? On the Contradictions Between Dance and Video // *Ballett International*. 1991. No. 14. P. 97–99.
6. Dodds Sh. *Dance on Screen: Genres and Media from Hollywood to Experimental Art*. Hampshire. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001.
7. Kloetzel M. Bodies in Place: Location as Collaborator in Dance Film // *International Journal of Performance Arts and Digital Media*. 2014. No. 1. P. 1–24.
8. Hoffmann F. D. Exploring The Body-Landscape Relationship Through Dance Film // *Nordic Journal of Dance*. 2020. No. 11. P. 28–36.

9. Zahavi D. Empathy and Mirroring: Husserl and Gallese // *Life, Subjectivity & Art. Phaenomenologica* / Ed. by Roland Breeur and Ullrich Melle. 2011. T. 201. P. 217–254.
10. Кисеева Е. В. Этапы становления и развития танца постмодерн во второй половине XX – начале XXI века // Южно-Российский музыкальный альманах: науч. журнал. 2014. № 2. С. 88–96.
11. Dolan J. Performance, Utopia, and the “Utopian performative” // *Theatre Journal*. 2001. No. 53. P. 455–479.
12. Kellner D. *Media Culture*. London: Routledge, 1995. 352 p.
13. Finn J., Somdahl-Sands K. Media, performance, and pastpresents: authenticity in the digital age // *Geo Journal*. 2015. No. 80. P. 811–819.
14. Кузнецова Т. «Балет Москва» представил онлайн-спектакль «Прощай, старый мир!» // *Коммерсантъ*. 2020. № 97. С. 8, 9.
15. Barnes C., Livet A. *Contemporary dance*. New York: Abbevill Press, 1985. 307 p.

Статья поступила в редакцию 19.01.2021; принята к публикации 23.02.2021

Сведения об авторе

Шульц Диана Викторовна, аспирант, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: dianadm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0561-3271>.

Библиографическое описание статьи

Шульц Д. В. Современный танец в цифровом пространстве: кинотанец в условиях пандемии COVID-19 // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 2. С. 97–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-97-102.

References

1. McPherson, K. Watch Films, Watch Dance Films, Watch More Dance Films. *International Journal of Screendance*, no. 6, pp. 153–165, 2016. (In Eng.)
2. NRA Candra, D. A., Nur Rokhim, Ranang AS, and Muji Soewasta Moving Video Camera Base on Expression Dancer Move and Kinesphere. *Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR)*, no. 41, pp. 216–222, 2018. (In Eng.)
3. De Marigny, C. Dance for and on Television. *Dance Theatre Journal*, no. 6, pp. 2–3, 1988. (In Eng.)
4. Pritchard, J. Movement on the Silent Screen. *Dance Theatre Journal*, no. 12, pp. 26–30, 1995. (In Eng.)
5. Schmidt, J. Exploitation or Symbiosis? On the Contradictions Between Dance and Video. *Ballet International*, no. 14, pp. 97–99, 1991. (In Eng.)
6. Dodds, Sh. *Dance on Screen: Genres and Media from Hollywood to Experimental Art*. Hampshire. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. (In Eng.)
7. Kloetzel, M. Bodies in Place: Location as Collaborator in Dance Film. *International Journal of Performance Arts and Digital Media*, no. 1, pp. 1–24, 2014. (In Eng.)
8. Hoffmann, F. D. Exploring the Body–Landscape Relationship Through Dance Film. *Nordic Journal of Dance*, no. 11, pp. 28–36, 2020. (In Eng.)
9. Zahavi, D. Empathy and Mirroring: Husserl and Gallese. *Life, Subjectivity & Art. Phaenomenologica*, edited by Roland Breeur and Ullrich Melle, Vol. 201. 2011: 217–254. (In Eng.)
10. Kiseeva, E. V. Stages of formation and development of postmodern dance in the second half of XX – beginning of XXI century. *South-Russian musical anthology: the scientific journal*, no. 2, pp. 88–96, 2014. (In Rus.)
11. Dolan, J. Performance, Utopia, and the “Utopian performative”. *Theatre Journal*, no. 53, pp. 455–479, 2001. (In Eng.)
12. Kellner, D. *Media Culture*. London: Routledge, 1995. (In Eng.)
13. Finn J., Somdahl-Sands, K. Media, performance, and past presents: authenticity in the digital age. *GeoJournal*, no. 80, pp. 811–819, 2015. (In Eng.)
14. Kuznetsova, T. “Ballet Moscow” presented the online performance “Goodbye, old World!”. *Kommersant*, no. 97, pp. 8–9, 2020. (In Rus.)
15. Barnes, C., Livet, A. (Eds.). *Contemporary dance*. New York: Abbevill Press, 1985. (In Eng.)

Received: January 19, 2021; accepted for publication February 23, 2021

Information about author

Schultz Diana V., Postgraduate Student, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: dianadm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0561-3271>.

Reference to the article

Schultz D. V. Modern Dance in the Digital Space: A Screen Dance in the Context of the COVID-19 Pandemic // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 97–102. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-97-102.

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

MENTAL SPACE OF THE REGION

УДК 21 (316.7)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-103-110

Артём Вадимович Жуков,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: artem_jukov68@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>

Сергей Викторович Кононов,
Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище
им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского
(г. Благовещенск, Россия),
e-mail: kononov7744@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2388-2443>

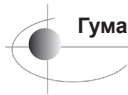
Формирование понятия «региональная безопасность» в истории мировой философской мысли

Актуальность статьи обусловлена усилением значения регионального фактора безопасности в современных условиях, при росте уровня регионального самосознания и стремления к относительной автономии в рамках общего процесса развития системы безопасности. Статья посвящена анализу существующих в истории философии концепций безопасности с целью выявления эволюции представлений о «региональной безопасности». В исследовании использованы сравнительный, системный и герменевтический методы, действие которых направлено на выявление аспектов региональной безопасности в текстах, посвящённых проблематике государственной, национальной и общественной безопасности. Новизна исследования связана с разработкой идеи эволюции представлений о региональной безопасности от абстрактных представлений к разнообразным аспектам региональной практики. Результатом исследования является доказательство того, что будучи первоначально одним из аспектов общей теории управления, идеи о региональной безопасности в конце XX в. составили ядро концепции «комплексов региональной безопасности». Следующим результатом стало обоснование того, что современная критика этой концепции – основание теоретических построений региональной безопасности в XXI в., в основе которых находится синтез идей о необходимости утверждения правил, принимаемых государствами, поддерживающими устойчивость мировой безопасности и влияния регионов, имеющих свои интересы. Вывод исследования заключается в утверждении, что современные концепции региональной безопасности основываются на синтезе методологий системного и конструктивистского подходов. Эта методология обосновывает мысль, что любое государство вынуждено заниматься решением проблем безопасности своих регионов, уделять внимание существующим в них угрозам и региональным интересам, которые могут носить конструируемый характер, а могут представлять реальную опасность, связанную с вызовами со стороны политической, экономической, военной, экологической, социальной сфер.

Ключевые слова: региональная безопасность, философский дискурс безопасности, государственная безопасность, национальная безопасность, социальная безопасность, теория комплексов региональной безопасности

© Жуков А. В., Кононов С. В., 2021

Artem V. Zhukov,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: artem_jukov68@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>

Sergey V. Kononov,
Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union
K. K. Rokossovsky
(Blagoveshchensk, Russia),
e-mail: kononov7744@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>

Formation of the Concept of “Regional Security” in the History of World Philosophical Thought

The relevance of the article is due to the increasing importance of the regional security factor in modern conditions, where the level of regional self-awareness and the desire for relative autonomy are growing within the framework of the general process of developing the security system. The article is devoted to the analysis of the security concepts existing in the history of philosophy in order to identify the evolution of ideas about “regional security”. The study uses comparative, systemic and hermeneutic methods, the action of which is aimed at identifying aspects of regional security in texts devoted to the problems of state, national and public security. The novelty of the research is associated with the development of the idea of the evolution of ideas about regional security from abstract ideas to various aspects of regional practice. The result of the study is evidence that, being originally one of the aspects of general management theory, the ideas of regional security at the end of the twentieth century became the core of the concept of “regional security complexes”. The next result was the substantiation that modern criticism of this concept is the basis of the theoretical constructions of regional security in the 21st century, which are based on a synthesis of ideas about the need to adopt rules adopted by states that support the stability of world security and the influence of regions with their own interests. The conclusion of the study is to assert that modern concepts of regional security are based on the synthesis of methodologies of the systemic and constructivist approaches. This methodology is used to substantiate the assertion that any state is forced to deal with the security problems of its regions, to pay attention to the existing threats and regional interests in them, which may be of a constructive nature and may pose a real danger associated with challenges from the political, economic, military, environmental, and social spheres.

Keywords: regional security, philosophical discourse of security, state security, national security, social security, theory of regional security complexes

Введение. На рубеже XX–XXI вв. мировое сообщество столкнулось с рядом проблем, связанных с тенденциями глобализации мирового сообщества, влекущими за собой не только новые возможности развития, но и новые глобальные проблемы, которые становятся угрозой существования практически всех региональных сообществ. При этом разрешение этих проблем зачастую зависит от того, как организована система безопасности каждого территориального сообщества. При этом в современных условиях значение регионального фактора безопасности повышается, т. к. усиливается уровень регионального самосознания и относительной автономии в рамках общего процесса развития системы безопасности, радикально отличающейся от биполярной структуры аналогичной системы времён холодной войны. Таким образом, современная проблематика безопасности характеризуется конкретно-историческим характером и обладает тесной связью с региональными формами социальных систем, что является причиной актуализации внимания к категории «региональная безопасность». Это ста-

вит на повестку дня вопрос о необходимости исследований региональной безопасности как особой категории в рамках дискурса безопасности, долгое время развивавшегося исключительно в рамках трактовки универсальных принципов государственной, национальной и социальной безопасности.

Методология и методы исследования. Исследование отдельных аспектов региональной безопасности проведено в трудах Т. Гоббс [1] и Ф. Гегеля [2], отражающих государственную концепцию безопасности. Н. И. Лазаревский [3], Б. Н. Чичерин [4], В. И. Ленин [5] М. Д. Загряцков [6] оценивают региональную безопасность как элемент общего государственного управления. Системный подход к безопасности предложил Г. Кунц [7]. Ю. Хабермас [8] разработал концепцию социального государства. К. Бут, Р. У. Джонс [9] М. Фуко [10], Дж. Агамбен [11], Б. Бузан и О. Вьювера [12] защищали конструктивистские представления в рамках проблематики региональной безопасности. М. Айюб [13], Д. Лейк [14], Р. Джервис [15], Дж. Ньюман [16], Е. Аниче [17], М. Бизон и Ли Браун [18], А. Ачарья [19], В. Кое [20],

К. Кузак [21], Ц. Фоусет [22] обосновывают комплексный подход к исследованию современных проблем региональной безопасности.

Так как целью данного исследования является анализ особенностей формирования региональной проблематики в философском дискурсе безопасности, для проведения анализа философских концепций безопасности в статье использованы методы сравнительного, системного и герменевтического анализа. Сравнительный анализ направлен на выявление сходства и различия содержания концепций безопасности в процессе их исторического формирования; системный анализ – на выявление аспектов региональной безопасности в концепциях государственной и национальной безопасности; герменевтический анализ – на анализ смыслового содержания концепций безопасности, содержащих идеи, обосновывающие необходимость обеспечения безопасной жизнедеятельности регионов. Новизна представленного исследования обеспечивается проведением концептуализации, нацеленной на выделение идей региональной безопасности в вопросах безопасности и формирование целостного взгляда на эволюцию философских представлений о региональной безопасности.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведённое исследование позволило заключить, что до начала XX в. большинство социально-философских подходов к исследованию аспектов безопасности стремились обосновать необходимость поиска их универсальных принципов, раскрытых в произведениях Т. Гоббса [1], Г. Гегеля [2], утверждавших, что идеальное государство обеспечивает граждан достаточным уровнем безопасности.

Существенно изменились взгляды на управление, в том числе региональной безопасностью, в связи с разработками, проводимыми представителями системного подхода, в частности Г. Кунцем и О. Доннелом [7], предлагающими системное видение управления, аспектом которого была региональная безопасность. В философии франкфуртской школы, одним из представителей которой был Ю. Хабермас [8], была разработана концепция социального государства, стремящегося обеспечить безопасное и свободное существование своих граждан, которые во имя безопасности подчиняют свои потребности государственным требованиям. Эти концепции были переосмыслены такими направлениями исследо-

ваний управления и безопасности, как уэльская школа, постколониализм, постструктурализм и теория секьюритизации в свете экологической, террористической, военной, миграционной, эпидемиологической угроз, ощутимых в каждом регионе. Оформление концепции региональной безопасности произошло в конце XX в. в рамках теории Б. Бузана, О. Вьювера [12], которые использовали конструктивистские идеи как основу теории секьюритизации. Согласно этой теории, региональная безопасность является элементом системы, которая включает в себя применение соответствующих средств социального влияния, определяющего параметры жизнедеятельности и защиты регионов. Однако данная концепция подверглась критике со стороны региональных исследователей безопасности, таких как Д. Лейк [14], Р. Джервис [15], Дж. Ньюман [16], Е. Аниче [17], М. Бизон и Ли Браун [18], в связи с отсутствием эмпирической доказуемости, релятивизмом, умозрительностью и выраженной европоцентричностью. Современное понимание региональной безопасности, раскрываемое в трудах А. Ачарья [19], В. Кое [20], К. Кузак [21], Ц. Фоусет [22], основывается на признании концепции, в рамках которой считается, что устойчивость региональной безопасности придают принимаемые на международном уровне правила, устанавливаемые наиболее влиятельными государствами. Вместе с этим признаётся, что любое государство должно заниматься изучением проблем безопасности своих регионов, уделять внимание существующим в них угрозам и региональным интересам, которые могут носить конструируемый характер, а могут представлять реальные угрозы, связанные с вызовами со стороны политической, экономической, военной, экологической, социальной сфер.

Несмотря на то что терминология региональной безопасности долгое время не использовалась при обсуждении дискурсов государственной безопасности, отдельные её аспекты обсуждались в процессе осмысления проблем взаимодействия личности, общества и государства. Например, в античной философии идея безопасности осмысливалась в рамках противопоставления двух мнений, одним из которых была необходимость самосохранения личности, другим – государства. В эпоху господства средневековых христианских представлений в Западной Европе дихотомия представлений о безопасности уступила место представлениям о том, что только спасение души гарантирует человеку его безопасное существование [23].

В Новое время, в связи с секуляризацией общества, защитой от угроз стала считаться не религия, а наука. В этот период философская мысль, в частности в трудах Т. Мора, Т. Кампанеллы, Н. Макиавелли, Т. Гоббса [1] вновь обратилась к идее о том, что ведущую роль в обеспечении безопасности общества должно играть государство, которое предоставляет внешнюю и внутреннюю безопасность общества и личности. Однако эта идея вошла в противоречие с идеалами либерализма и демократии, которыми руководствовалась общественная мысль, представленная Дж. Локком, Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, А. Токвилем, Ж. Г. Турэ, Э. Мейером, которые утверждали возможность организации самостоятельного управления локальными сообществами как гарантии личностной безопасности. Точка зрения, доказывающая приоритет личностной безопасности над государственной, переосмыслена в немецкой философии И. Кантом, И. Г. Фихте, Ф. Гегелем, которые были едины в мнении о том, что в сфере обеспечения безопасности авторитет государственного должен быть неоспорим [2].

Однако практика показала, что чрезмерное увлечение универсальными категориями в рамках государственной теории управления не позволяет применять её в условиях, отличающихся локальностью и конкретикой. Поэтому у государственной теории управления было много критиков, таких как К. Маркс, М. Бакунин и В. И. Ленин [5], считавших, что существуют различные типы безопасности, удовлетворяющие разные личностные потребности. Для них стало важным защищать интересы регионального сообщества, что объяснялось словами К. Маркса о том, что в этом мире очень много опасностей, и причиной этого является то, что в его рамках сталкиваются интересы многих групп.

Идеи марксистов применительно к реалиям Страны Советов развивала концепция муниципального социализма И. М. Бурдянского, В. М. Бехтерева, А. К. Гастева, М. Д. Загряцкова [6], в которой уровень эффективности управления оценивался по критерию связанности различных частей общества в единое целое, сочетающее руководство страной с учётом региональных требований и интересов. С этими идеями были согласны авторы теории муниципального дуализма (Н. И. Лазаревский [3] и Б. Н. Чичерин [4]), которые в рамках решения проблем аспектов локального территориального управления полагали необходимость организации равноценного общественно-го-

сударственного партнёрства. Однако, как пишет Н. И. Лазаревский, в теориях муниципального социализма и муниципально-дуализма оставалась неразрешённость проблемных вопросов взаимодействия между государственным и локальным влиянием на жизнеобеспечение местных сообществ, причиной чего было отсутствие проработанного механизма защиты интересов региональных сообществ [3].

Один из вариантов разрешения этой проблемы предложили В. Вильсон и М. Вебер, которые для того чтобы сохранять и защищать естественные права человека, разработали бюрократическую теорию управления. Они сформулировали концепцию, согласно которой, разработка стратегии управления, опирающейся на прямые, административные методы, способна придать управлению эффективность и, следовательно, безопасное существование обществу. Системное видение управления обществом предложила концепция, представленная в трудах А. А. Богданова, И. Парето, И. Пригожина, Г. Кунца [7]. Основным требованием здесь является сохранение базовых ценностей и установок конкретного сообщества, которое, развиваясь в условиях социальной гармонии, меняется постепенно, сохраняя при этом свои основные параметры.

Переход от общеполитических построений, используемых в гегельянстве, марксизме и отчасти фрейдизме к обсуждению реальных социальных и региональных проблем, среди которых значительное место занимала проблема безопасности, был осуществлён философами франкфуртской школы. В трудах Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Э. Фромма, В. Беньямина, Л. Левенталя, Ф. Л. Неймана, Ф. Поллока, О. Негга, Ю. Хабермаса [8] была разработана концепция социального государства, стремящегося обеспечить безопасное и свободное существование своих граждан, которые во имя безопасности подчиняют свои потребности государственным требованиям и общественным нормам.

Во второй половине XX в. проводятся исследования, предметом которых впервые становится «безопасность государств», отражённая в концепции «дилеммы безопасности», исследующей процесс наращивания вооружений у противоборствующих сторон [9]. Эта концепция критиковалась представителями либеральной идеи безопасности, где проводилась разработка механизмов, обеспечивающих состояние безопасности за счёт реализации программ организации международного сотрудничества. Впослед-

ствии, в связи с окончанием «холодной войны» и вступлением мирового сообщества в фазу борьбы с мировым терроризмом, эти концепции были переосмыслены такими направлениями исследований безопасности, как уэльская школа, постколониализм, постструктурализм и теория секьюритизации, определившими параметры представлений о региональной безопасности в свете экологической, террористической, военной, миграционной и эпидемиологической угроз, которые стали ощутимы каждым регионом.

В рамках исследований уэльской школы К. Бут, Р. У. Джонс [9], критикуя положения теории франкфуртской школы, указывали, что влияние государства на региональную жизнь граждан не всегда может оцениваться только как положительное. На это, по их мнению, указывает возрастающее количество локальных войн, которые государства ведут со своим населением, предпочитая ющим региональные ценности. Они ставят проблему безопасности не на государственном, а на личном уровне, говоря, что значение имеет только жизнь людей в реальных условиях, где они стремятся обустроить жизнь вне угроз войны, угнетения, эпидемий, болезней, экологических угроз, малограмотности, бедности. Однако эти идеи не поддерживаются практически ни в одном из действующих государств мира, стремящихся не только к реализации прав на безопасность каждого гражданина и каждой территории, но и к самовывживанию, что вступает в противоречие с идеалом, который рисует уэльская школа. Наибольшей критике этот подход подвергся в странах третьего мира, где существуют свой образ идеального государства. Представители постколониализма Т. Баркави, М. Лаффи, А. Мембе, М. Айюб [13], указывают, что проблемы безопасности в государствах третьего мира существенно отличаются от таковых в странах Запада. Более слабые государства третьего мира испытывают интенсивное воздействие со стороны не только внешних, но и внутренних угроз, способных привести к разрушению. Поэтому к обусловленным стратегиям безопасности они относят насилие, которое используется в тех случаях, когда это необходимо для сохранения государств, однако со стороны Запада любая попытка заявить о своих правах с их стороны признаётся незаконной.

Положение, указывающее на дискурсивность ряда политических представлений о региональной безопасности, объединяет постколониализм и постструктуралистские

исследования данной проблематики. Они представлены Ж. Деррида и М. Фуко [10], которые указывали на то, что считавшиеся общепринятыми положения о безопасности часто оказываются навязанными со стороны такого субъекта управления, как государственная власть. В трудах Р. Б. Дж. Уокера, Д. Кэмпбелла, Д. Биго, Дж. Агамбена [11] региональная безопасность выступает в качестве исторического конструкта, который распространяется властными структурами, стремящимися объявить внутреннее пространство страны единым и безопасным, а пространство вне его границ – враждебным.

Именно конструктивистские идеи стали базой, на которой была сформирована концепция в рамках теории секьюритизации Б. Бузана и О. Вьювера по разработке положений о закономерностях развития комплексов региональной безопасности, определяемых как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [12]. В контексте данной теории безопасность каждого субъекта регионального пространства находится в зависимости от влияния других субъектов, которые, в свою очередь, зависят от организующей роли институтов, представляющих различные сферы жизнедеятельности, в первую очередь, от институтов государственной службы. Существенное место в формировании системы региональной безопасности, по мнению указанных аналитиков, занимает категория «секьюритизации», под которой они понимают «дискурсивный процесс» восприятия и переосмысления информации. Они считают, что угрозы региональной безопасности не существуют сами по себе, а конструируются субъектами секьюритизации, в качестве которых выступают государства и региональные сообщества в отношении субъектов секьюритизации, таких как права человека, духовные и религиозные ценности, национальные и государственные.

Однако подход, определяемый как постструктурализм, в условиях усложнения международных отношений и завершения «холодной войны» подвергается существенной критике. Постструктуралистов обвиняют в ненаучности, релятивизме, нигилизме и европоцентричности. Современные западные либеральные ценности не считаются универсальным способом поддержания мира такими исследователями, как Д. Лейк [14], Р. Джервис [15], Дж. Ньюман [16], Е. Аниче [17], М. Бизон и Ли Браун [18], представля-

ющими их как олицетворение агрессии со стороны мировых лидеров. Под региональными комплексами безопасности в данном случае понимается система взаимодействия множества участников, имеющих различные цели и стремящихся как к «секьюритизации», так и к «десекуритизации» регионов, в зависимости от ситуации и своих целей. При этом признаётся, что состояние региональной безопасности может не только конструироваться, но и иметь объективные параметры своей структуры и реальные проблемы и тенденции развития. Например, А. Ачарья указывает, что региональные комплексы безопасности обладают реальными территориальными границами, защищающими их от внешних угроз. Кроме этого, они характеризуются неустойчивой внутренней структурой, состоящей из различных единиц, находящихся в состоянии «дружбы-вражды», полярно распределяющей власть внутри комплекса [19].

Современная методология описаний проблематики региональной безопасности отходит от конструктивистской позиции и приобретает черты структурного реализма, в рамках которого осуществляется диалог между конструктивистскими описаниями и исследованиями, в которых отражаются наиболее актуальные проблемы современности и угрозы выживанию региональных сообществ. При этом, как пишут современные исследователи региональной безопасности, такие как В. Кое [20], К. Кузак [21], Ц. Фоусет [22], каждое из таких образований выстраивает свою стратегию безопасности в отношении претензий тех или государств на гегемонию, поддерживаемую различными средствами легитимации. Одним из таких средств признаётся использование «стандартов цивилизации», в рамках которого производится дифференциация различных региональных образований, включая союзы государств, государства и их территориальные составляющие. Совместное признание этих стандартов всеми участниками международного политического процесса является гарантией их безопасности, т. к. оно означает создание системы безопасности, служащей основой мирового порядка. Вместе с этим, каждое из региональных образований сохраняет права на защиту своих интересов, однако с учётом признания того, что ведущей задачей всех участников мирового процесса является поддержание международной безопасности.

Таким образом, создана многомерная модель региональной безопасности, основу которой составляют правила, принимаемые на международном уровне государствами,

поддерживающими устойчивость мировой безопасности. Вместе с этим, на эту ситуацию оказывает влияние многообразное взаимодействие, которое происходит в каждом регионе. Поэтому любое государство вынуждено заниматься изучением проблем безопасности своих регионов, уделять внимание существующим в них угрозам и региональным интересам, которые могут носить конструируемый характер, а могут представлять реальные угрозы, связанные с вызовами со стороны политической, экономической, военной, экологической, социальной сфер. На этот процесс оказывают влияние объективные социально-политические и историко-культурные процессы, а также условия взаимодействия между государствами и регионами.

Заключение. Анализ особенностей процесса становления региональной проблематики в философском дискурсе безопасности показал, что до начала XX в. большинство социально-философских подходов к исследованию аспектов безопасности стремились обосновать необходимость поиска универсальных принципов, утверждавших роль государства в защите безопасности. Им противостояла концепция, утверждающая права личности на самоуправление и безопасность, где содержались отдельные аспекты управления региональной безопасностью.

С середины XX в. было сформировано видение процесса управления, которое открывало перспективы, указывающие на необходимость проведения синтеза общей стратегии управления с оперативным решением вопросов, относящихся к повседневной жизнедеятельности регионов. Такой аспект находил соответствия в философии франкфуртской школы, где совершалось обоснование понимания управления как процесса, зависящего от того, насколько полно государство учитывает влияние всех факторов на безопасность. Расширяя эти трактовки, В. Бузан и О. Вьювер, разработали концепцию комплексов региональной безопасности, согласно которой, она представляется процессом, охватывающим государственные, национальные и социальные интересы в рамках территориальных образований и включает организацию системы жизнедеятельности регионов как международного, так и внутригосударственного уровня. Однако эта концепция была переосмыслена в современных исследованиях, указавших на недостаточность конструктивистских построений картины региональной безопасности, куда входят не только конструируемые, но и реальные проблемы современности, угрожающие безопасности регионов.

Представленные в статье результаты уещдают в необходимости продолжения работ комплексного моделирования реальных проблем региональной безопасности, с

учетом не только проведенного обобщения итогов известных исследований, но и с выходом на уровень практического решения реальных проблем региональной безопасности.

Список литературы

1. Гоббс Т. Сочинения. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Наука, 1979. 526 с.
3. Лазаревский Н. И. Автономия. СПб.: Типолитограф. А. Г. Розена, 1906. 32 с.
4. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Общее государственное право. Ч. 1. М.: Товарищество Кушнарёв и К°, 1894. С. 16–18.
5. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1967. Т. 41. С. 27–51.
6. Загряцков М. Д. Что такое *муниципальный социализм*? М.: Начало, 1917. 32 с.
7. Кунц Г., О’Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: монография. М.: Прогресс, 1981. Т. 1. 250 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. 380 с.
9. Jones R. W. Security, Strategy, and Critical Theory. Boulder: Lynne Rienner, 1999. 196 p.
10. Фуко М. Управление собой и другими. СПб.: Наука, 2011. 432 с.
11. Agamben G. State of Exception. Chicago; London: University of Chicago Press, 2005. 104 p.
12. Buzan B., Waever O. Powers and Regions. The Structure of International Security. Cambridge, 2002. 387 p.
13. Ayoob M. Inequality and Theorizing in International Relations: The Case for Subaltern Realism // International Studies Review. 2002. No. 3. P. 27–48.
14. Lake D. A. Hierarchy in international relations. London: Cornell University Press, 2011. 232 p.
15. Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics. 1978. Т. 30, No. 2. P. 167–214.
16. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate // Review of International Studies. 2016. No. 42. P. 521–839.
17. Aniche E. T. from Pan-Africanism to African regionalism: a Chronicle // African studies. 2020. Vol. 79, No.1. Pp. 70–87.
18. Beeson M., Lee-Brown T. The Future of Asian Regionalism: Not What It Used to Be // Asia & the Pacific Policy Studies. 2016. No. 2. P. 195–206.
19. Acharya A. The End of the American World Order. Cambridge: Polity, 2018. 224 p.
20. Coe B. N. Sovereignty in the South Intrusive Regionalism in Africa, Latin America, and Southeast Asia. Cambridge University Press, 2019. 238 p.
21. Cusack A. K. Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean. London: Palgrave Macmillan, 2019. 218 p.
22. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe’s Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016. P. 33–55.
23. Августин. О граде Божием. М.: АСТ, 2000. 1296 с.
24. Казакова М. Н. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России // Регионология. 2011. № 3. С. 40–46.

Статья поступила в редакцию 03.11.2020; принята к публикации 28.12.2020

Сведения об авторах

Жуков Артём Вадимович, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672038, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: artem_jukov68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Кононов Сергей Викторович, кандидат философских наук, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского; 675021, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158; e-mail: kononov7744@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2388-2443>.

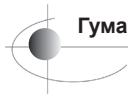
Вклад авторов в статью

А. В. Жуков – основной автор и организатор исследования, формулировка выводов и обобщение итогов реализации коллективного проекта.

С. В. Кононов – осуществление сбора материала исследования, его анализа и систематизации, оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Жуков А. В., Кононов С. В. Формирование понятия «региональная безопасность» в истории мировой философской мысли // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 103–110. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-103-110.

References

1. Gobbs, T. Essays. M: Mysl', 1991. Vol. 2. (In Rus.)
2. Hegel, G. W. F. Philosophy of law. M: Nauka, 1979. (In Rus.)
3. Lazarevsky, N. I. Autonomy: monograph. SPb: Tipolitogr. A. G. Rosen, 1906. (In Rus.)
4. Chicherin, B. N. The course of the state of science. General state law. Ch. 1. M., 1894: 16–18. (In Rus.)
5. Lenin, V. I. "Left-Wing" Communism: An Infantile Disorder. Complete collection of works in 55 vol. 5-E. M: Publishing House of Political literature, 1967. Vol. 41: 27–51. (In Rus.)
6. Zagryatskov, M. D. What is municipal socialism? M: Nachalo, 1917. (In Rus.)
7. Kunts, G., O'Donnell, S. Management: system and situational analysis of management functions. M: Progress, 1981. Vol. 1. (In Rus.)
8. Habermas, Ju. Moral consciousness and communicative action. M: Nauka, 2000. (In Rus.)
9. Jones, R. W. Security, Strategy, and Critical Theory. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1999. (In Engl.)
10. Foucault, M. Managing yourself and others. SPb: Nauka, 2011. (In Rus.)
11. Agamben, G. State of Exception. Chicago and London: University of Chicago Press, 2005. (In Engl.)
12. Buzan, B., Waever, O. Powers and Regions. The Structure of International Security. Cambridge, 2002. (In Engl.)
13. Ayoob, M. Inequality and Theorizing in International Relations: The Case for Subaltern Realism. International Studies Review, no. 3, pp. 27–48, 2020. (In Engl.)
14. Lake, D. A. Hierarchy in international relations. London: Cornell University Press, 2011. (In Engl.)
15. Jervis, R. Cooperation Under the Security Dilemma. World Politics, vol. 2, pp. 67–214, 1978. (In Engl.)
16. Nyman J. What is the value of security? Contextualizing the negative/positive debate. Review of International Studies, no. 42, pp. 521–839, 2016. (In Engl.)
17. Aniche, E. T. From Pan-Africanism to African regionalism: a Chronicle. African studies, no. 1, pp. 70–87, 2020. (In Engl.)
18. Beeson, M., Lee-Brown T. The Future of Asian Regionalism: Not What It Used to Be. Asia & the Pacific Policy Studies, no. 2, pp. 195–206., 2016. (In Engl.)
19. Acharya, A. The End of the American World Order. Cambridge: Polity, 2018. (In Engl.)
20. Coe, B. N. Sovereignty in the South Intrusive Regionalism in Africa, Latin America, and Southeast Asia. Cambridge University Press, 2019. (In Engl.)
21. Cusack, A. K. Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean. London: Palgrave Macmillan, 2019. (In Engl.)
22. Fawcett, t L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space. Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016: 33–55. (In Engl.)
23. Avgustin. O grade Bozhiem. M: ACT, 2000. (In Rus.)
24. Kazakova, M. N. Regional security in the Russian national security system. Regionology, no. 3, pp. 40–46, 2011. (In Rus.)

Received: November 3, 2020; accepted for publication December 28, 2020

Information about author

Zhukov Artem V., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672038, Russia; e-mail: artem_jukov68@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Kononov Sergey V., Candidate of Philosophy, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky; 158 Lenina st., Blagoveshchensk, 675021, Russia; e-mail: kononov7744@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7299-517X>.

Contribution of authors to the article

A. V. Zhukov – the main author and organizer of the study, formulated conclusions and generalized the results of the implementation of the collective project.

S. V. Kononov – collected the research material, analyzed and systematized it, and designed the article.

Reference to the article

Zhukov A. V., Kononov S. V. Formation of the Concept of "Regional Security" in the History of World Philosophical Thought // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 103–110. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-103-110.

УДК 316.4+314.74:1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-111-116

Эльнара Михайловна Думнова,*Новосибирский государственный университет экономики и управления**(г. Новосибирск, Россия),**e-mail: dumnova79@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>*

Социокультурная адаптация мигрантов и новые виды идентичности

В статье рассматривается проблема трансформации идентичности мигрантов в глобализирующемся социокультурном пространстве. Глобализация обусловила новые тенденции и перспективы социального развития, одной из которых стал современный нomaдизм. Международная миграция имеет целый комплекс факторов-детерминант и представляет собой весьма слоистый и многогранный социокультурный феномен, изучаемый в современной гуманитаристике с позиций ряда наук. В контексте данной статьи обосновывается методологическая целесообразность исследования миграции и её социокультурных последствий в рамках мультидисциплинарного подхода. Формирование новых видов идентичности иммигрантов позиционируется в дихотомическом ключе: транснационализм – ассимиляция. Расширение жизненного пространства в результате миграционных практик приводит к замещению традиционной национальной идентичности новыми видами идентичности, наиболее распространённым из которых становится транснациональная идентичность. Уникальность транснациональной идентичности состоит в универсализме, способности субъекта идентифицировать себя с различными культурами и народами одновременно. Транснационализм отражает возможность развития и укрепления мультикультурализма в макро- и метасоциальном масштабах. Альтернативой транснационализму является ассимиляция. Транснационализм присущ в большей степени западным обществам, ассимиляция как тип социокультурной адаптации характерна для восточных стран. Восточная культура и менталитет менее гибкие и, стремясь к самосохранению, ассимилируют инокультурные элементы, сохраняя при этом свою уникальность и самобытность. Выделяется особый тип идентичности – дрейфующая идентичность, формирующаяся у представителей второго поколения иммигрантов. Проведённый социально-философский анализ позволяет констатировать наличие интегрирующей различных видов идентичности, функцию которой выполняет социопространственная идентичность.

Ключевые слова: миграция, нomaдизм, идентичность, факторы-детерминанты миграции, транснационализм, ассимиляция, социокультурное пространство

Elnara M. Dumnova*Novosibirsk State University of Economics and Management**(Novosibirsk, Russia),**e-mail: dumnova79@yandex.ru,**<https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>*

Socio-Cultural Adaptation of Migrants and New Types of Identity

The article considers the problem of migrant identity transformation in the globalizing sociocultural space. Globalization has determined new social development tendencies and prospects, including the modern nomadism. International migration is caused by a set of determining factors and forms a multi-layered and multifaceted sociocultural phenomenon studied by a number of humanities. The article substantiates methodological usefulness of studying migration and its sociocultural implications within the framework of the multidisciplinary approach. The formation of the new migrant identity types is presented as a dichotomy of transnationalism and assimilation. The broadening of the lifespace due to migration practices causes replacement of the traditional national identity by new identity types, transnational identity becoming the most widespread. The uniqueness of the transnational identity lies in its universalism, ability of the agent to identify with different cultures and peoples simultaneously. Transnationalism is more characteristic for Western societies, while assimilation as a type of sociocultural adaptation typical for the countries of the East. The Eastern culture and mentality are less flexible and striving for self-preservation they assimilate foreign cultural elements, while preserving their own uniqueness and distinctiveness. A special identity type, the drifting identity, taking shape within the second generation immigrants is highlighted in the article. The socio-philosophical analysis carried out in the article makes it possible to ascertain the existence of the socio-spatial identity integrating various identity types.

Keywords: migration, nomadism, identity, determinants of migration, transnationalism, assimilation, socio-cultural space

© Думнова Э. М., 2021

Введение. Миграция в современном обществе представляет собой многогранный феномен. Социальные последствия данного процесса охватывают все сферы социальной жизни. При этом особого исследовательского внимания заслуживает социокультурный аспект миграции. В XX–XXI вв. данный процесс детерминирован целым комплексом факторов, имеющих традиционные основания. Вместе с тем, специфика современной миграции обусловлена глобальным контекстом. Именно глобализация открыла новые возможности для расширения жизненного пространства индивида и во многом обозначила его жизненные стратегии в условиях транзитивного общества.

Одной из важнейших тенденций социального развития является современный номадизм (переселение людей в общепланетарном масштабе). Миграция выступает как форма современного номадизма, приводящая к ряду социокультурных последствий и трансформации социальных отношений, рассмотрение которых – цель данной статьи. В ней анализируется проблема трансформации национальной идентичности мигрантов как результат социокультурной адаптации. Утверждается следующее: а) в процессе международных миграционных практик происходит размывание национальной идентичности и её трансформация по двум траекториям (транснационализм и ассимиляция); б) формируются новые виды идентичности (транснациональная, дрейфующая); в) вводится и обосновывается понятие социопространственной идентичности, которая позиционируется как синтез национальной и социальной идентичностей, претерпевающих трансформацию в условиях расширения жизненного пространства.

Методология и методы исследования. Существование разнообразных подходов привело к осознанию методологической проблемы, в связи с присущей для них противоречивостью. В этой связи как западные, так и отечественные исследователи высказываются в пользу унифицированного подхода к исследованию феномена миграции. Так, американский исследователь Д. Мейсси обосновывает междисциплинарный подход в научном анализе миграции во избежание противоречивости получаемых результатов [1, с. 701]. Нам в большей степени импонирует точка зрения Р. Урсуа [2]. Он полагает, что целесообразно работать в русле мультидисциплинарного подхода, что позволит преодолеть концептуальные разногласия представителей разных наук, а также объ-

единить теоретический и эмпирический уровни исследования, изучая таким образом миграцию многоаспектно, в частности, процессуально и структурно.

Определяясь с методологической платформой исследования миграции, следует учесть некоторую ограниченность междисциплинарного подхода, связанную с редукцией к доминированию методологической позиции одной из наук, на стыке которых проводится исследование [3]. Достойной альтернативой междисциплинарному подходу в современной гуманитаристике является мультидисциплинарный подход, обладающий большей степенью адаптивности к исследованию социальных явлений в рамках сложнотренированного общества. Мультидисциплинарный подход более ориентирован на создание обобщённой картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве взаимодействующих компонентов [Там же]. Особенно следует подчеркнуть возможность с позиций данного подхода интегрировать результаты исследований, проводимых на разных уровнях организации социальной среды (микро-, мезо-, макроуровни), что крайне важно при изучении миграции, пронизывающей все уровни социальной организации.

Результаты исследования и их об-суждение. Миграция представляет собой определённый механизм, функционирующий посредством наличия факторов-детерминант. Поскольку феномен миграции выступает предметом междисциплинарных исследований, стоит отметить наличие ряда теорий о факторах миграции, разработанных в рамках различных социальных наук. Рассмотрим наиболее значимые из них в контексте нашего исследования.

В рамках экономического подхода английский учёный Е. Равенштайн разработал теорию факторов «притяжения и отталкивания» (*push and pull theory*) [4]. Факторами отталкивания выступают негативные экономические условия, в их числе – экономические кризисы, безработица, нестабильность, а также социальные потрясения. Эти условия, сложившиеся в стране исхода, «выталкивают» своих граждан за её пределы. Они мигрируют в направлении стран, для которых характерны факторы притяжения, т. е. социальная стабильность и высокий уровень жизни. Вызывает интерес теория человеческого капитала, согласно которой, миграция позиционируется как некая инвестиция в человеческий капитал. Она реализуется в

том случае, если приносит выгоду, превышающую затраты, в том числе и психосоциальные. Исследователи М. Пайоре и А. Портес основывают миграционную теорию на сегментации рынка труда в урбанизированных пространствах [5; 6]. С. Сассен рассматривает миграцию как следствие глобализации, в результате которой активизировались интеграционные процессы в современном мире, усилилась социальная мобильность [7].

Следует отметить политологический подход к трактовке феномена миграции, который приобрёл особую актуальность в 80-х гг. XX в. в США в связи с повышением уровня миграции в страну. В числе его представителей – К. Бреттел и Дж. Холлифилд, А. Портес и Р. Румбо. Как отмечает отечественный исследователь Н. Н. Бурейко, в политологическом подходе следует выделить два направления: государственный и ситуативно-политический [8]. Первое направление предполагает изучение влияния мигрантов на рынок труда, формирование идентичности, культурное развитие, т. е. в целом – на уровень развития конкретного общества и детерминацию новых тенденций социального развития. В рамках второго ситуативно-политического направления процесс миграции рассматривается с точки зрения национальной безопасности страны-реципиента.

Методологические рамки исследования трансформации идентичности мигрантов в контексте данной статьи очерчены дихотомией «ассимиляция – транснационализм». Современный номадизм детерминирован целым рядом факторов, в их числе: поиск заработка в более развитой стране; продолжение карьеры и профессиональное развитие; переезд к родственникам. Весьма значимым фактором активизации международной миграции в современном мире стала угроза терроризма и военных действий, чем обусловлен поток мигрантов из стран Ближнего Востока в страны Европы. В зависимости от причин миграции можно выделить различные категории мигрантов, дифференцирующихся по цели приезда, уровню образования, профессиональной компетентности и уровню дохода. Перечисленные критерии социального статуса мигрантов обуславливают специфику процесса инкорпорации мигрантов в новое социокультурное пространство, выраженную в разной степени интенсивности у различных категорий. Кроме того, большое влияние на адаптацию мигрантов и её результаты имеет специфика культуры и национального

менталитета как страны исхода, так и страны приезда. Концептуально значимой представляется обозначенная западным исследователем Александром Бухом дихотомия «открытых и «закрытых» идентичностей [9, с. 91]. Восточным обществам в большей степени характерна «закрытая» идентичность. Во многом это объясняется влиянием религии на процесс конструирования социокультурной идентичности и в целом её определяющей ролью как социального регулятора. Следует отметить, что большая инертность сознания присуща выходцам из мусульманских стран. Их менталитет и, в частности, система ценностей весьма устойчивы к внешним факторам воздействия. Вследствие чего отчётливо проявляется их стремление к сохранению своей социокультурной идентичности, сформированной в условиях их родной страны.

Представители незападных культур, сохраняя свою идентичность, вместе с тем оказывают влияние на местную культуру, усиливая тенденцию культурного полиморфизма. Мигранты в ряде случаев продолжают поддерживать социальные связи с родными и близкими, проживающими в стране их исхода. Таким образом, они не меняют своё жизненное пространство, а расширяют его. Мы разделяем точку зрения современных российских исследователей О. Бердниковой и О. Ткач о том, что, создавая «диффузные и делокализованные социальные пространства», мигранты превращаются в трансмигрантов [10, с. 73]. Их социализационная практика отличается формированием бинарной идентичности, суть которой состоит в сохранении изначальной социокультурной идентичности, объектом которой явилась Родина, и вместе с тем – в формировании новой идентичности в условиях другой социокультурной среды, ставшей частью их жизненного пространства. Бинарная идентичность превратилась в атрибут транснационализма, субъектом которого является современный номад. Заслуживает внимание мнение французского исследователя Жака Аттали, который полагает, что современный номадизм ещё не завершил своего развития, и человек-кочевник (трансмигрант) выступает предтечей космополита или гражданина мира [11], формирование которого ознаменует завершающую стадию номадизма и соответственно глобализма. При этом возникает вопрос: не станет ли бинарная идентичность переходной формой на пути к утрате национальной идентичности? В современной гуманитаристике при-

существуют альтернативные точки зрения по вопросу укоренения мультикультурализма в глобализирующемся обществе. Не лишена оснований позиция о незамещаемости функций национальной идентичности, которую аргументирует Ф. Фукуяма, призывая «определить инклюзивную национальную идентичность, соответствующую многообразной реальности общества, и ассимилировать новичков в эту идентичность» [12, с.160].

В этой связи необходимо выделить альтернативу транснационализма, которой является ассимиляция. Выходцы из иммигрантских семей становятся носителями «дрейфующей» идентичности, отличающейся своей двойственностью. Как отмечает современный российский исследователь З. И. Левин, амбивалентность такого рода идентичности обусловлена присутствием «равноуровневых и равноправных доминант» [13, с.73]. С одной стороны, это культура родителей, а с другой, культура родной страны, т. е. страны, в которой был рождён представитель второго поколения мигрантов. Вместе с тем, следует дифференцировать склонность к ассимиляции между эмигрантами и переселенцами. Эмигранты, покидая свою родину, в большей степени ориентированы на ассимиляцию, тогда как переселенцы приносят с собой и свою культуру, особенно, если речь идёт о переселенцах из богатых стран в бедные [14, с. 128–134].

Таким образом, в современном глобализирующемся обществе наблюдается модифицированный формат ассимиляции, предполагающий её гибридность, посредством расширения жизненного пространства индивида и формирования новых видов идентичности. Развитие современного номадизма привело к изменениям маркеров идентичности, в результате чего формируется универсальный тип идентичности – социопространственной. *Социопространственная идентичность* – это отождествление субъектом себя с определённой нацией, социальной группой и территорией, с природно-географическими условиями развития как с неразрывным целым. Следовательно, социопространственная идентичность, являясь конечным результатом идентификации, т. е. поэтапного осознания людьми своей принадлежности к определённой нации и/или социальной группе, в своей структуре в качестве направлений имеет *национальную и социальную идентичности* [15].

Наряду с перечисленными тенденциями социокультурной адаптации мигрантов необходимо отметить ещё одну, отличающуюся деструктивностью и в этой связи требующую особого внимания, с точки зрения предотвращения её развития и своевременной нейтрализации. Это своего рода вариант негативной адаптации мигрантов, связанный с утратой идентичности, с одной стороны, и низкой адаптационной способностью, к новым социокультурным реалиям, с другой. Адаптационная ригидность может послужить причиной дезадаптации и, как следствие, источником социальных конфликтов.

Заключение. Социально-философская рефлексия процесса миграции и его влияние на трансформацию идентичности мигрантов позволила нам прийти к ряду выводов.

Во-первых, выступая одним из социальных последствий глобализации, миграция способствует «перекраиванию» социокультурного пространства, в результате чего формируются различные тенденции его дальнейшего развития. Основными траекториями социальной адаптации иммигрантов являются транснационализм и ассимиляция.

Во-вторых, неоднозначность влияния транснационализма состоит в противоречивости его последствий. С одной стороны, кросскультурные взаимодействия в формате транснационализма взаимообогащают культуры. С другой, транснациональные связи ведут к размыванию самобытности локализованной культуры.

В-третьих, принципиально различные ментальные матрицы западного и восточного общества, обуславливают определённые адаптационные тенденции иммигрантов. Восточная культура ассимилирует новые инокультурные элементы, тогда как западная способна к синтезу в результате межкультурного взаимодействия в условиях полиморфизма. В результате наблюдается большая степень устойчивости национальной идентичности и менталитета в восточных обществах. При этом в процессе истернизации западное социокультурное пространство вмещает представителей множества иных культур, образующих диаспоры как субъекты локальных культур и идентичностей, существующих в инокультурном пространстве и при этом сохраняющих свою самобытность.

В-четвёртых, традиционная национальная идентичность замещается транснациональной, дрейфующей и социопространственной идентичностями.

Список литературы

1. Massey D. An Evaluation of International Migration Theory. The North American Case // Population and Development Review. 1994. No. 20. P. 699–751.
2. Урсуа Р. Социальные исследования и меры по взаимодействию в общественной политике. Международная миграция, социальные науки и общественная политика // Международный журнал социальных наук. 2001. № 32. С. 207–217.
3. Думнова Э. М. Теоретико-методологические основания исследований ментальных конструктов // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 1. С. 359–361.
4. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52. P. 241–301.
5. Portes A. Immigrant America. A Portrait (Third edition. Revised, Expanded and Updated). Los Angeles: Berkeley; London: University of California Press, 2006. 460 p.
6. Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans / Ed. by J. DeWind, C. Hirschman, P. Kasinitz. Center for Migration Studies. 1997. T. 31. No. 4. P. 799–825.
7. Sassen S. The Mobility of Labor and Capital. A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 224 p.
8. Бурейко Н. Н. Международная миграция как предмет междисциплинарного исследования. Текст: электронный // Studia Humanitatis: междунар. элек. науч. журнал. 2014. № 4. URL: <http://st-hum.ru/content/bureyko-nn-mezhdunarodnaya-migraciya-kak-predmet-mezhdisciplinarnogo-issledovaniya> (дата обращения: 18.11.2020).
9. Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии / пер. с англ. П. Серебряного. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
10. Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // LABORATORIUM: журнал соц. исследований. 2010. № 3. С. 72–95.
11. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия: пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1993. 133 с.
12. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 176 с.
13. Левин З. И. Восток: идентичность и глобализация. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 166 с.
14. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 384 с.
15. Думнова Э. М. Менталитет и ментальность в структуре социопространственной идентичности // Идеи и идеалы. 2014. № 2. С. 6–19.

Статья поступила в редакцию 30.12.2020; принята к публикации 28.01.2021

Сведения об авторе

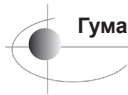
Думнова Эльнара Михайловна, доктор философских наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Россия, г. Новосибирск ул. Каменская, 56; e-mail: dumnova79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>.

Библиографическое описание статьи

Думнова Э. М. Социокультурная адаптация мигрантов и новые виды идентичности // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 111–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-111-116.

References

1. Massey, D. An Evaluation of International Migration Theory. The North American Case. Population and Development Review, no. 20, pp. 699–751, 1994. (In Eng.)
2. Ursua, R. Social Studies and Interaction Measures in Social Policy. International Migration, Social Sciences and Social Policy. International Journal for Social Sciences, no. 32, pp. 207–217, 2001. (In Rus.)
3. Dumnova, E. Studying Mental Constructs: Theoretical-Methodological Foundations. The World of Science, Culture and Education, no. 1, pp. 359–361, 2014. (In Rus.)
4. Ravenstein, E. The Laws of Migration. Journal of the Royal Statistical Society, vol. 52, pp. 241–301, 1889. (In Engl.)
5. Portes, A. Immigrant America. A Portrait (Third edition. Revised, Expanded and Updated). Los Angeles: Berkeley; London: University of California Press, 2006. (In Eng.)
6. Portes, A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities. International Migration Review. Special Issue: Immigrant Adaptation and Native-Born Responses in the Making of Americans. Center for Migration Studies, no. 4, pp. 799–825, 1997. (In Eng.)
7. Sassen, S. The Mobility of Labor and Capital. A Study in International Investment and Labor Flow. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. (In Eng.)

8. Bureiko, N. The International Migration as an Object of Interdisciplinary Studies. *Studia Humanitatis. International Electronic Scholarly Journal*, no. 4, 2014. Web. 18.11.2020. <http://st-hum.ru/content/bureyko-nn-mezhdunarodnaya-migraciya-kak-predmet-mezhdisciplinarnogo-issledovaniya>. (In Rus.)
9. Bukh, A. Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other'. M: *Novoe literaturnoe jbozrenie*, 2012. (In Rus.)
10. Brednikova, O., Tkach, O. The House for the Nomades. *Laboratorium. The Journal for Social Studies*, no. 3, pp. 72–95, 2010. (In Rus.)
11. Attali, J. *Millenium. Winners and Losers in the Coming World Order*. M: Meshdunar. Otnoshenia, 1993. (In Rus.)
12. Fukuyama, F. *Identity: the pursuit of recognition and the politics of rejection*. M: Alpina Publisher, 2019. (In Rus.)
13. Levin, Z. *The East: Identity and Globalization*. M: Institut vostokovedeniya RAN, 2007. (In Rus.)
14. Collier, P. *Exodus: how migration is changing our world*. M: Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2017. (In Rus.)
15. Dumnova, E. *Mentality and Mindset in the Structure of Socio-spatial Identity*. *Ideas and Ideals*, no. 2, pp. 16–19, 2014. (In Rus.)

Received: December 30, 2020; accepted for publication January 28, 2021

Information about author

Dumnova Elnara M., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management; 56 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia; e-mail: dumnova79@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8880-3283>.

Reference to the article

Dumnova E. M. Socio-Cultural Adaptation of Migrants and New Types of Identity // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 111–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-111-116.

УДК 323.2:504

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-117-123

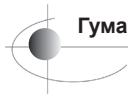
Елена Юрьевна Захарова,*Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: aglena_72@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>***Цзоу Хун,***Забайкальский государственный университет**(г. Чита, Россия),**e-mail: zouhong@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1325-8791>***Алёна Александровна Бернюкевич,***Шанхайский университет иностранных языков**(г. Шанхай, Китай),**e-mail: aabernyukevich@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0002-0280-4139>*

Современная экологическая политика России и Китая в контексте общей теории взаимодействия природы и общества

Взаимодействие человека и общества с природой всегда было одной из наиболее сложных и противоречивых тем в различных областях научного знания. Это взаимодействие постоянно трансформировалось, однако одна особенность всегда оставалась неизменной: жизнь человека напрямую зависит от состояния природы. Экологическая ситуация, сложившаяся в настоящее время, несмотря на постоянную её актуализацию на международном, федеральном и региональном уровнях, остаётся нерешённой, угроза для жизнедеятельности человека продолжает нарастать. В связи с этим становится актуальным научное обоснование создания эффективных механизмов и технологий экологической политики, которые будут способствовать преодолению экологического кризиса. Основная цель данного исследования определяется как выявление особенностей и эффективных механизмов современной экологической политики России и Китая на общественном, технологическом, природном уровнях взаимодействия природы и общества. Методологическую основу исследования составляют: общая теория взаимодействия природы и общества, позволяющая проанализировать основные эффективные направления и механизмы преодоления экологического кризиса на общественном, технологическом, природном уровнях взаимодействия природы и общества; сравнительно-исторический подход, который позволил рассмотреть динамику и особенности развития экологической политики России и Китая; системный подход, который способствовал проведению комплексного анализа особенностей экологической политики с учётом социально-экономических, политических факторов развития стран. В статье выделены основные направления, этапы, эффективные механизмы современной экологической политики России и Китая на общественном, технологическом, природном уровнях взаимодействия природы и общества; сделан вывод о том, что эффективными механизмами экологической политики являются те, которые связаны с изменениями на технологическом уровне взаимодействия природы и общества, с экологизированным и экологическим производством. Акцентировано внимание на том, что на меры, принимаемые на уровне пламенных процессов, остаются неэффективными. Материалы исследования могут быть применены при изучении и выявлении путей преодоления экологического кризиса, особенностей современных модернизационных процессов, происходящих в России и Китае.

Ключевые слова: Россия, Китай, общая теория взаимодействия природы и общества, технологический уровень взаимодействия природы и общества, экологическое производство, генные процессы, пламенные процессы

Elena Yu. Zakharova,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: aglena_72@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>

Zou Hong,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: zouhong@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1325-8791>

Alena A. Bernyukevich,
Shanghai University of Foreign Studies
(Shanghai, China),
e-mail: aabernyukevich@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-0280-4139>

Contemporary Environmental Policy of Russia and China in the Context of the General Theory of Interaction Between Nature and Society

The interaction of man, society with nature has always been one of the most complex and contradictory topics in various fields of scientific knowledge. This interaction was constantly transformed, but one feature has always remained unchanged – human life directly depends on the state of nature. The ecological situation that has developed at present, despite its constant updating at the international, federal and regional levels, continues to remain unresolved, the threat to human life continues to grow. In this regard, the scientific substantiation of the creation of effective mechanisms and technologies of environmental policy that will contribute to overcoming the environmental crisis becomes urgent. The authors define the main goal of the study as identifying the features and effective mechanisms of modern environmental policy of Russia and China at the social, technological, natural levels of interaction between nature and society. The methodological basis of the research includes: a general theory of interaction between nature and society, which allows us to analyze the main directions and mechanisms of overcoming the ecological crisis at the social, technological, natural levels of interaction between nature and society; a comparative historical approach, which allowed us to consider the dynamics and features of the development of environmental policy in Russia and China; a systematic approach that contributed to a comprehensive analysis of the features of environmental policy, taking into account the socio-economic, political factors of the development of countries. This article highlights the main directions, stages, effective mechanisms of modern environmental policy in Russia and China at the social, technological, natural levels of interaction between nature and society. We concluded that the effective mechanisms of environmental policy are those that are associated with changes at the technological level of interaction between nature and society, associated with green and ecological production, measures taken at the level of plagenous processes remain ineffective. The research materials can be applied to study and identify ways to overcome the ecological crisis, the features of modern modernization processes in Russia and China.

Keywords: Russia, China, general theory of interaction between nature and society, technological level of interaction between nature and society, ecological production, gene processes, plagenous processes

Введение. Возникновение и существование экологических проблем в результате активной экономической деятельности человека, в частности эксплуатации природных ресурсов экстенсивным путём, привели человечество к осознанию необходимости защиты окружающей среды и учёта экологических факторов развития на государственном уровне. Россия и Китай, которые широко сотрудничают во многих сферах, не являются исключением.

Экологическая политика России и Китая имеет свои особенности, которые оказывают непосредственное влияние на взаимодействие двух стран, особенно в рамках совместных экономических и природоохранных проектов. Под экологической политикой понимают взаимодействие различных политических, экономических и социальных

институтов, цель которого – поиск лучших путей реализации стратегии в сфере охраны окружающей среды [1, с. 81]. Государство, а также ряд общественных, политических и экономических организаций призваны регулировать взаимоотношения общества с природой с целью защиты и развития окружающей среды в рамках экологической политики одного государства.

Цель данного исследования – выявить особенности и эффективные механизмы современной экологической политики России и Китая на общественном, технологическом, природном уровнях взаимодействия природы и общества. Для её достижения предлагается решение следующих задач: выделить основные направления и этапы экологической политики России и Китая в аспекте общей теории социоприродного

взаимодействия; выявить место экологической политики в иерархии общей стратегии развития государств; определить особенности и эффективные механизмы современной экологической политики России и Китая на общественном, технологическом, природном уровнях взаимодействия природы и общества.

Методология и методы исследования. Методологическую основу работы составляет общая теория взаимодействия природы и общества В. А. Кобылянского [2].

О важности создания теории взаимодействия природы и общества начали говорить ещё с 50-х – середины 60-х гг. XX в. Этот вопрос поднимался идеологами данной теории (Ю. П. Трусовым, Е. Т. Фаддеевым и др.), которые считали, что создание теории позволит сознательно регулировать процессы, происходящие в социоприродном взаимодействии. В основе теории взаимодействия природы и общества, созданной В. А. Кобылянским, лежит ключевая идея о том, что взаимодействие природы и общества включает в себя три компонента системы «природа – общество»: 1) очеловечено-природный мир (технологический уровень взаимодействия природы и общества); 2) естественный мир; 3) социальный мир [3]. Технологический уровень представляет собой единство взаимообусловленных процессов – социогенных природных процессов и натурогенных социальных процессов (*genes* – рождённый). Эвристическая значимость данной теории заключается в том, что она позволяет выявить эффективные механизмы, лежащие в основе экологической политики государств, на технологическом уровне социоприродного взаимодействия, .

Авторами статьи были использованы сравнительно-исторический и системный подходы. Сравнительно-исторический подход позволил выявить динамику и особенности развития экологической политики России и Китая. Системный – способствовал проведению комплексного анализа особенностей экологической политики с учётом социально-экономических и политических факторов развития России и Китая.

Результаты исследования и их об-суждение. В. С. Степин, отмечая конструктивность идей К. Маркса о том, что «производство материальных благ и развития средств производства (как основного компонента в системе искусственных органов человека) полагается главным фактором человеческой истории», приходит к выводу о том, что для преодоления цивилизационных

рисков, в первую очередь, необходимы изменения в системе «производство – потребление», в основе которой лежит производство [4]. Это возможно через экологизацию материального производства [5], а также через создание экологического производства [6]. Основополагающую роль в изменении производства будут играть усилия по созданию и совершенствованию техники [7].

На сегодняшний день в России и Китае существует большое количество природоохранных механизмов, которые легли в основу экологической политики. Понадобилось несколько десятилетий для того, чтобы эти механизмы были сформированы и стали отвечать требованиям преодоления экологического кризиса. В свою очередь, формирование стратегии экологической политики является ответом на существующие экологические вызовы, которые непосредственно связаны с особенностями экологической модели на том или ином этапе развития государства.

Учёные в экологической политике России выделяют четыре основных этапа [8]. Проанализируем данные этапы в аспекте общей теории взаимодействия природы и общества.

Первый этап (конец XIX – середина XX в.) называют консервативным. В этот период основным направлением экологической политики России была защита редких видов флоры и фауны, затем внимание перешло на проблему истощения природных ресурсов. Особенностью данного этапа является воздействие на плагирующие процессы взаимодействия природы и общества.

Второй этап (1950–1980 гг.) – природоресурсный. Для него характерна защита всех природных ресурсов от истощения. На данном этапе приходит понимание того, что необходимы механизмы воздействия на технологический уровень социоприродного взаимодействия.

Третий этап (1980–2014 гг.) – непосредственно экологический. Здесь на первый план выходит забота о среде обитания человека и обозначена необходимость развития экологического права. Получает развитие экологизированное и экологическое производство как основной механизм преодоления экологического кризиса на технологическом уровне взаимодействия природы и общества, но оно не получает своего развития в больших масштабах.

Четвёртый этап (начиная с 2015 г.) называют промышленно-экологическим. Современная российская экологическая поли-

тика на этом этапе характеризуется слиянием индустриальных и экологических задач и интересов государства. Данный этап наполнен изменениями, происходящими на уровне генных процессов технологического уровня социоприродного взаимодействия. Однако можно констатировать, что на современном этапе формирования экологической политики Россия не до конца определила её место в структуре национальных интересов. В то же время в этом направлении сделано не мало, в частности с 2018 г. реализуется национальный проект «Экология», призванный улучшить экологическую обстановку в стране посредством ликвидации экологического ущерба, повышения качества воды и воздуха, сохранения природных ресурсов и биологического биоразнообразия. Однако сложность реализации комплексных мер, обозначенных в документах проекта, обуславливается отсутствием координации между нацпроектами и другими государственными программами [9]. Кроме того, в России существует национальная модель «зелёной» экономики, подразумевающая повышение энергоэффективности экономического сектора, снижение нагрузки хозяйственной деятельности на окружающую среду и совершенствование механизмов правового регулирования, реализация которых пока тоже находится под вопросом по причине возникающих барьеров, в первую очередь экономических. В том числе, в России особым вызовом в рамках реализации российской экологической политики является ресурсоёмкость экономики. На сегодняшний день присутствует сырьевая модель экономического развития и масштабные проекты по добыче энергоресурсов с высокими экологическими рисками, несмотря на то, что очаги деградации окружающей среды зачастую находятся в районах разработки недр земли [10].

Наряду с Конституцией РФ, федеральными и региональными законами, основополагающий документ российской экологической политики на сегодняшний день – «Основы государственной политики в области экологического развития на период 2030 г.»¹, в нём обозначены основные направления природоохранной деятельности на ближайшую перспективу, среди которых можно в первую очередь выделить развитие нормативно-правовой базы в данной отрасли, снижение нагрузки на окружающую

среду и защиту экосистем, развитие систем мониторинга, расширение международного сотрудничества и т. д.

Экологическая политика КНР со времени своего становления также претерпела ряд изменений. С момента провозглашения республики в 1949 г. все усилия были направлены на создание успешно функционирующей экономической модели, поэтому государственный аппарат реагировал только на локальные проблемы катастрофического характера. Так же как и в России, на первоначальных этапах формирования экологической политики в Китае, преимущественно, механизмы были связаны с воздействием на плагенные процессы, т. е. с борьбой с тем, что уже произошло.

После участия в конференции ООН по окружающей среде и развитию Китай пришёл к осознанию важности учёта экологических факторов для социально-экономического развития страны и поставил цель по созданию эффективных механизмов защиты окружающей среды. К началу XXI в. экологическая политика получила научное обоснование и закрепилась в качестве одного из компонентов национальной стратегии государства, став основой для провозглашения курса на построение экологической цивилизации, в рамках которой природоохранная деятельность и компенсация вреда окружающей среде являются ключевым условием устойчивости экономического развития [11–13].

Приоритетными направлениями экономической политики КНР становятся такие, в основе которых лежат механизмы преодоления экологического кризиса на уровне генных процессов взаимодействия природы и общества. В частности сюда можно отнести высокотехнологичное производство, способное снизить влияние общества, человека на окружающую среду, вследствие чего – снизить риски, связанные с экологическим кризисом.

Экологическая политика Китая вышла на новую ступень развития, когда в Конституции был закреплён тезис о стремлении к построению экологической цивилизации [12]. Важно отметить, что понятие «экологическая цивилизация» тесно связано с новым этапом модернизации и урбанизации. Первый из обозначенных процессов призван превратить китайскую экономику в информационную [14], второй – способствовать развитию инфраструктуры, повышению уровня благосостояния деревенских жителей, улучшению экологических показателей в городах [15].

¹ Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года: [утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г.]. – URL: <https://base.garant.ru/70169264/> (дата обращения: 25.01.2021). – Текст: электронный.

Таким образом, в Китае экологическая политика – часть государственной идеологии, обозначенная в качестве официального ориентира развития для всех сфер жизни китайского государства.

Что касается китайской специфики формирования и реализации экологической политики, то отметим, что перед руководством страны возникает необходимость балансирования между экономическими амбициями КНР на современном рынке и экологическими требованиями, выдвигаемыми существующим экологическим кризисом [16]. Несмотря на то, что Китай уже сформировал значительную материальную и научно-техническую базу, способную постепенно привести страну к целям, поставленным в рамках стратегии экологического развития, понадобится значительное количество времени, прежде чем промышленному сектору удастся отказаться от привычных механизмов функционирования и принять за основу концепцию рационального природопользования, которая как раз и характеризует эффективность механизмов на уровне технологического уровня социоприродного взаимодействия.

В целом, проблемы и вызовы реализации экологической политики в России и Китае во многом совпадают. Обе страны обладают большими территориями, поэтому испытывают сложности из-за неоднородной системы управления и неравномерного социально-экономического развития регионов [17; 18]. В таких условиях при выработке универсальных механизмов формирования и реализации экологической политики возникают определённые трудности, поскольку экологические требования и материальные возможности будут отличаться по регионам и даже отдельным городам. Кроме того, несмотря на разработанную обширную норма-

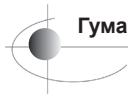
тивно-правовую базу, существуют пробелы по ряду вопросов, т. к. пришло понимание того, что воздействовать на плагирующие процессы социоприродного взаимодействия и устранять последствия того, что уже свершилось, неэффективно: нужны кардинальные изменения во всей системе «производство – потребление» на уровне генных процессов технологического уровня взаимодействия природы и общества.

Заключение. Россия и Китай целенаправленно движутся к созданию эффективной экологической политики, которая будет отвечать современным требованиям охраны окружающей среды и способствовать формированию основы для устойчивого развития. Подходы двух стран к реализации природоохранной деятельности и к определению значения экологии в системе государственных ценностей содержат определённые различия в то время, как основные сложности формирования и осуществления экологической политики часто совпадают, а возникновение уникальных вызовов обуславливается особенностями структуры экономики и сопряжённостью с другими сферами интересов государств.

Экологическая политика государств должна строиться с учётом преобразований в трёх компонентах системы «природа – общество»: совершенствование очеловечено-природного мира, всей системы «производство – потребление» в том направлении, которое бы обеспечило прогрессивное развитие как собственно социальное, так и естественное. Нужны изменения на технологическом уровне взаимодействия природы и общества, на уровне генных процессов, связанные с экологизированным и экологическим производством, т. к. меры, принимаемые на уровне плагирующих процессов, остаются неэффективными.

Список литературы

1. Пугачев А. В. Экологическая политика на современном этапе: содержание, цели и задачи // Капский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 81–85.
2. Кобылянский В. А. Природа и общество: специфика, единство, взаимодействие. Красноярск: КГУ, 1985. 200 с.
3. Кобылянский В. А. Философия экологии: исходные понятия и проблемы образования // Байкальский психологический и педагогический журнал. 2005. № 5/6. С. 65–72.
4. Степин В. С. Карл Маркс и тенденции современного цивилизационного развития // Карл Маркс и современная философия: сборник материалов науч. конф. к 180-летию со дня рождения К. Маркса (г. Москва, 23 апреля 1998 г.). М.: Ин-т философии МГУ, 1999. С. 16–45.
5. Гирусов Э. В. Глобальные проблемы современности в их системном единстве и развитии // Философские науки. 2012. № 12. С. 18–24.
6. Захарова Е. Ю. Экологическая культура соционатурэкосистемы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Чита, 2012. 39 с.
7. Rendtorf J. D. Ethics and Responsibility of Science and Technology // Philosophy in the Dialogue of Cultures. М.: Progress-Tradition, 2010. Pp. 804–812.

8. Семилетова Е. В. Экологическая политика России: новый этап // Русская политология. 2017. № 3. С. 6–11.
9. Ленчук Е. Б. Национальные проекты в системе целеполагания социально-экономического развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 5. С. 79–90.
10. Голева Р. В. Недропользование и проблемы устойчивого развития России // Век глобализации. 2018. № 4. С. 137–144.
11. 高姗. 中国经济发展中的生态环境保护——“金山银山不如绿水青山”的辩证思考 // 中国国际财经(中英文). 2018, № 9. 第274页. = Гао Шань. Охрана окружающей среды в экономическом развитии Китая: диалектическое размышление на тему «Золото и серебро не сравнится с прекрасным пейзажем» // Международные финансы Китая. 2018. № 9. С. 274. (на кит. и англ.).
12. 王金南, 董战峰, 蒋洪强, 等. 中国环境保护战略政策70年历史变迁与改革方向 // 环境科学研究. 2019. № 10. 第1636–1644页. = Ван Цзиньнань, Дун Чжаньфэн, Цзян Хунцян и др. Изменения за 70 лет и направления реформ стратегической политики Китая в области охраны окружающей среды // Экологические исследования. 2019. № 10. С. 1636–1644.
13. 王前进, 王希群, 陆诗雷, 等. 生态补偿的经济学理论基础及中国的实践 // 林业经济. 2019. No. 1. 第4–24页. = Ван Цяньцзинь, Ван Сицунь, Лу Шилэй. Основы экономической теории экологической компенсации и практика Китая // Экономика лесного хозяйства. 2019. № 1. С. 4–24.
14. Бальчиндоржиева О. Б. Экологическая цивилизация и постмодернизация в Китае // Вестник Байкальского государственного университета. 2015. № 14. С. 14–17.
15. Бальчиндоржиева О. Б. Экологическая цивилизация Китая: проблемы и перспективы развития // Вестник Байкальского государственного университета. 2017. № 2. С. 81–85.
16. Stalley P. China's climate progress may have faltered in 2018, but it seems to be on the right path, 2018. The conversation. URL: <https://theconversation.com/chinas-climate-progress-may-have-faltered-in-2018-but-it-seems-to-be-on-the-right-path-108589> (дата обращения: 16.02.2021). Текст: электронный.
17. Бурматова О. П. Вызовы в области формирования благоприятной экологической ситуации в России и пути их преодоления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Социально-экономические науки». 2017. № 3. С. 19–34.
18. Кранина Е. И. 13-я пятилетка КНР: разворот к «зелёной экономике» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 69–77.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021; принята к публикации 23.03.2021

Сведения об авторах

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: aglena_72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>.

Цзоу Хун, кандидат культурологии, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30; e-mail: zouhong@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1325-8791>.

Бернюкевич Алёна Александровна, магистрант, Шанхайский университет иностранных языков; 201620, Китай, г. Шанхай, ул. Вэньсян, 1550; e-mail: aabernyukevich@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0280-4139>.

Вклад авторов в статью

Е. Ю. Захарова – основной автор, организатор исследования, формулировка выводов и обобщение итогов реализации коллективного проекта.

Цзоу Хун, А. А. Бернюкевич – организаторы сбора материала исследования и его анализа, систематизация материала исследования, оформление статьи.

Источники финансирования статьи

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы № 329-ГР реализации гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Социальное партнёрство государства и социально ориентированных некоммерческих организаций в обеспечении достойного качества жизни населения».

Библиографическое описание статьи

Захарова Е. Ю., Цзоу Хун, Бернюкевич А. А. Современная экологическая политика России и Китая в контексте общей теории взаимодействия природы и общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 117–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-117-123.

References

1. Pugachev, A. V. Environmental policy at the present stage: content, goals and objectives. Caspian region: politics, economics, culture, no. 2, pp. 81–85, 2009. (In Rus.)
2. Kobylyanskiy, V. A. Nature and society: specificity, unity, interaction. Krasnoyarsk, 1985. (In Rus.)

3. Kobylanskiy, V. A. Philosophy of ecology: basic concepts and problems of education. *Baikal psychological and pedagogical journal*, no. 5–6, pp. 65–72, 2005. (In Rus.)
4. Stepin, V. S. Karl Marx and the tendencies of modern civilizational development. *Karl Marx and Contemporary Philosophy: Collection of Proceedings of the Scientific Conference dedicated to the 180th anniversary of the birth of K. Marx (Moscow, April 23, 1998)*. M., 1999: 16–45. (In Rus.)
5. Girusov, E. V. Global problems of our time in their systemic unity and development. *Philosophical Sciences*, no. 12, pp.18–24, 2012. (In Rus.)
6. Zakharova, E. Yu. Ecological culture of socrionaturecosystems. Dr. philos. sci. diss. abstr. Chita, 2012. (In Rus.)
7. Rendtorf, J. D. Ethics and responsibility of science and technology. In *Philosophy in the Dialogue of Cultures*. M: Progress-Tradition, 2010: 804–812. (In Rus.)
8. Semiletova, E. V. Environmental policy of Russia: a new stage. *Russian political science*, no. 3, pp. 6–11, 2017. (In Rus.)
9. Lenchuk, E. B. National projects in the goal-setting system of socio-economic development of Russia. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, no. 5, pp. 79–90, 2020. (In Rus.)
10. Goleva, R. V. Use of mineral resources and problems of sustainable development in Russia, no. 4, pp.137–144, 2018. (In Rus.)
11. Gao Shan. Environmental Protection in China's Economic Development – Dialectical Reflection on the Topic "Gold and silver cannot be compared to a beautiful landscape". *Zhongguo guoji caijing (zhong yingwen)*, no. 9, p. 274, 2018. (In Chinese)
12. Wang Jinnan, Dong Zhanfeng, Jiang Hongqiang, et al. Historical changes over 70 years and directions of reforms in China's strategic policy in the field of environmental protection. *Huanjing kexue yanjiu*, no. 10, pp.1636–1644, 2019. (In Chinese)
13. Wang Qianjin, Wang Xiqun, Lu Shilei, et al. The economic theoretical foundation of ecological compensation and China's practice. *Linye jingji*, no. 1, pp. 4–24, 2019. (In Chinese)
14. Bal'chindorzheva, O. B. Ecological civilization and post-modernization in China. *Vestnik BGU*, no. 14, pp. 14–16, 2015. (In Rus.)
15. Bal'chindorzheva, O. B. Ecological civilization of China: problems and development prospects. *Vestnik BGU*, no. 2, pp. 81–85, 2017. (In Rus.)
16. Stalley, P. China's climate progress may have faltered in 2018, but it seems to be on the right path, 2018. *The conversation*. Web. 16.02.2021. <https://theconversation.com/chinas-climate-progress-may-have-faltered-in-2018-but-it-seems-to-be-on-the-right-path-108589>. (In Engl.)
17. Burmatova, O. P. Challenges in the formation of a favorable environmental situation in Russia and ways to overcome them. *Vestnik NGU*, no. 2, pp. 19–34, 2017. (In Rus.)
18. Kranina, E. I. China's 13th Five-Year Plan: turning toward "green economy". *Far East problems*, no. 4, pp. 69–77, 2017. (In Rus.)

Received: February 19, 2021; accepted for publication March 23, 2021

Information about author

Zakharova Elena Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikalian State University; 672039, Russia, Chita, Aleksandro-Zavodskaya st., 30; e-mail: aglena_72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>.

Zou Hong, Candidate of Cultural Studies, Transbaikalian State University; 672039, Russia, Chita, Aleksandro-Zavodskaya st., 30; e-mail: zouhong@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1325-8791>.

Bernyukevich Alena A., Master Student, Shanghai University of Foreign Studies; 201620, China, Shanghai, Wenxiang St., 1550; e-mail: aabernyukevich@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0280-4139>.

Contribution of authors to the article

E. Yu. Zakharova – the main author, the organizer of the study, who formulates conclusions and summarizes the results of the implementation of the collective project.

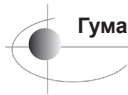
Zou Hong, A. A. Bernyukevich – the organizers of the collection of the research material, its analysis and systematization of the research material, the design of the article.

Sources of article funding

The article was prepared as part of the research work no. 329-GR of the implementation of the scientific grant of the Council for Scientific and Innovative Activities of Transbaikalian State University on the subject "Social partnership of the state and socially-oriented non-profit organizations in ensuring a decent quality of life for the population".

Reference to the article

Zakharova E. Yu., Zou Hong, Bernyukevich A. A. Contemporary Environmental Policy of Russia and China in the Context of the General Theory of Interaction Between Nature and Society // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 117–123. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-117-123.

УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-124-136

Нина Сергеевна Ищенко,*Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского**(г. Луганск),**e-mail: niofterna@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>***Елена Александровна Заславская,***Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского**(г. Луганск),**e-mail: zaslavslakaja@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0001-6581-883X>*

Образ Другого как структурная характеристика культурной границы (на примере Украины и Донбасса)

Статья посвящена анализу специфики культурного пограничья русской культуры. Актуальность статьи обусловлена усилением в постсоветский период культурных конфликтов на пограничье русской цивилизации. Эти конфликты на культурной почве приводят даже к боевым действиям против носителей русской культуры, как это имеет место в войне Украины против Донбасса с 2014 г. В статье исследуется пограничье как зона межкультурного взаимодействия, проводится культурологический анализ границы между культурами и идентичностями, выделяется структурная характеристика культурной границы – образ Другого. На основании проведенного культурологического анализа исследуется структура культурного пространства Украины и Донбасса, включая ситуацию военного времени в период с 2014 г. Исследование медиаконтента украинских информационных проектов и таких же проектов в Луганской Народной Республике (ЛНР) проводится с помощью информационно-аналитической методологии. Рассматриваются два украинских медиапроекта общественной организации «Интерньюз-Украина»: «Ре-візія історії» и «Пропагандариум», которые интенсивно работают в русскоязычных регионах Украины, создавая и транслируя образ русского как Другого методами агрессивной антирусской пропаганды. Рассмотрена также деятельность луганского сайта культуры «Одуванчик», который функционирует в Луганске с 2015 г. и отображает культурную жизнь города и республики в этот период. Анализ материалов сайта показывает, что в республике в условиях военного времени сохраняются и осваиваются русская и мировая культуры, идёт интенсивная работа по интеграции ЛНР в культурное пространство современной России, с опорой на историческую память этой территории. В статье обосновывается, что украинская культура в настоящее время является культурой пограничья, поскольку образ Другого как русского доминирует в её структуре и навязывается русским, проживающим на Украине, пропагандистскими методами. В то же время культура современного Донбасса развивается как русская культура пограничья, в которой происходит формирование образа Другого как современного украинца, носителя антирусской идентичности.

Ключевые слова: Россия, Украина, Донбасс, культура пограничья, образ Другого, антирусская пропаганда

Nina S. Ishchenko,*Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky**(Lugansk),**e-mail: niofterna@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>***Elena A. Zaslavskaja,***Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky**(Lugansk),**e-mail: zaslavslakaja@gmail.com,**<https://orcid.org/0000-0001-6581-883X>*

The Image of the Other as a Structural Characteristic of the Cultural Border on the Example of Ukraine and Donbass

The article is devoted to the specifics of the cultural frontier of Russian culture. The relevance of the article is due to the strengthening in the post-Soviet period of cultural conflicts on the border of Russian civilization. These conflicts on cultural grounds even lead to military action against the bearers of Russian culture, as has been the case in the Ukrainian war against Donbass since 2014. The article examines the borderland as a zone of intercultural interaction, carries out a cultural analysis of the border between cultures and identities, highlights the structural characteristic of the cultural border – the image of the Other. Based on the conducted cultural anal-

© Ищенко Н. С., Заславская Е. А., 2021

ysis, the structure of the cultural space of Ukraine and the Donbass, including the wartime situation since 2014 is investigated. The study of the media content of Ukrainian information projects and similar projects in the LPR is carried out on the basis of an information-analytical methodology. Two permanent Ukrainian media projects of the Internews-Ukraine: *Revision of History* and *Propagandarium*, which work intensively in the Russian-speaking regions of Ukraine creating and broadcasting the image of the Russian as the Other by methods of aggressive anti-Russian propaganda are considered. We also analyze the activity of the Lugansk cultural site “Dandelion”, which has been operating in Lugansk since 2015 and reflects the cultural life of the city and the republic during this period. An analysis of the site’s materials shows that in the republic in wartime conditions, Russian and world culture is preserved and mastered, intensive work is underway to integrate the republics of Donbass into the cultural space of modern Russia, relying on the historical memory of these territories. The article substantiates that Ukrainian culture is currently a borderland culture, since the image of the Other as the Russian dominates its structure and is imposed on the Russians of Ukraine by propaganda methods. At the same time, the culture of modern Donbass is developing as Russian culture in which the image of the Other as a modern Ukrainian, a carrier of anti-Russian identity is formed.

Keywords: Russia, Ukraine, Donbass, borderland culture, the image of the Other, anti-Russian propaganda

Введение. Процессы межкультурного взаимодействия разных культур приводят к формированию особой зоны культурного пограничья, специфика которой заключается в том, что именно здесь создаётся образ Другого. В образе Другого воплощается тот тип дезорганизации культурного пространства, который губителен для данной культуры. В течение ряда столетий Украина выступает как пограничье, как западная граница русской цивилизации с европейской цивилизацией. С начала войны в 2014 г. Донбасс оказался на границе между Россией и Украиной, которая находится в процессе смены русской культурной идентичности на европейскую. В данной статье рассматривается специфика культурной границы в современных культурах Украины и Донбасса, а также анализируются процессы трансформации образа Другого в ходе смены культурной идентичности современных украинцев.

Методология и методы исследования. В статье применяется методология проблемно ориентированного исследования, позволяющая сочетать подходы философской аналитики, теоретической реконструкции, контент-анализа, интерпретации и реинтерпретации. Наряду с информационным анализом медиаконтента украинских СМИ и культурных сайтов ЛНР использованы компаративистский подход (при изучении характеристик украинской культуры и культуры современного Донбасса), и теоретико-культурологическая методология (определение основной характеристики культурной границы – образа Другого, выявление параметров его трансформации в процессе смены культурной идентичности).

Результаты исследования и их об-суждение. Понятие границы относится к древнейшим и самым архаичным, однако оно стало необычайно актуальным в современном мире с конца XX в., когда выяснилось, что граница между разными культурами

становится местом развития различных культурных конфликтов [1, с. 54]. Культурная проблематика признана фактором дестабилизации обстановки, прежде всего, в Восточной Европе, где под лозунгом сохранения аутентичной культуры проводится политика поощрения радикализма малых наций [2, с. 75]. Развитие этой политики привело в наши дни к захвату власти на Украине в 2014 г. радикальным меньшинством, которое проводит политику навязывания русскокультурному населению Украины новой украинской идентичности.

Как указывает Дж. Деланти, границы рассматриваются не только как военные и физические, но и как символические пограничья, причём граница играет важную роль как маркер идентичности социокультурных групп [3]. В культурном смысле граница – это всегда существование между двумя борющимися идентичностями [4, с. 91].

Идентичность представляет собой ценностное отношение индивида к собственной принадлежности к определённой социальной группе¹. Иерархия идентичностей в современном мире достаточно сложна. Как показывают исследования, к базовым характеристикам коллективной идентичности относится территориальная идентичность, которая проявляется в двух взаимодополняющих формах – как этническая и политическая (национальная). «Также иерархично строится и этническая идентичность: суперэтническая, собственно этническая и субэтническая идентичность. В иерархии политической идентичности в качестве верхнего “этажа” может выступать цивилизационная идентичность, которая зачастую совпадает с суперэтнической идентичностью, но имеет более чётко выраженный геополитический оттенок» [5, с. 114]. На Украине в

¹ Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Согласие, 2018. – С. 39.

настоящее время происходит процесс замены русской цивилизационной идентичности на европейскую. Этот процесс сопровождается интенсивным культуротворчеством, которое направлено на трансляцию базисных характеристик украинской идентичности в русскокультурной среде.

Как указывает А. Г. Манаков, «категория этнических границ характеризует этнический и суперэтнический уровни культурных общностей. Ключевыми понятиями географии культуры здесь являются суперэтнические и этнические системы (или геоэтнокультурные системы разного иерархического уровня). В данном случае приходится иметь дело с узловыми районами и, соответственно, границами в пределах континуального пространства. К таковым, например, можно отнести этноконтактные зоны, т. е. гравитационные границы этнических систем (в виде широких или узких переходных зон), выполняющие преимущественно контактные функции» [5, с. 116].

Граница между этнической и национальной идентичностью неясна. В современной отечественной науке рассматривается два подхода к определению этнической идентичности: «этноисторический» и «этнополитизированный» [6]. Этноисторический подход предполагает, что «этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не осознаёт или активно не желает» [7, с. 9]. Согласно этнополитизированному подходу, этничность создаётся государством из имеющегося в доступности культурного и социального материала [8], что сближает эту идентичность с идентичностью национальной.

Для создания и трансляции национальной идентичности используются те области репрезентации, которые оказывают наибольшее влияние на формирование определённых стереотипов и отношений в сознании потребителя культуры, а именно – литература, кино, массмедиа, визуальные образы и артефакты массовой культуры [9, с. 52].

Духовная основа целостной личности проявляется в иерархии ценностно-смысловых топосов. В современных условиях происходит разрыв и смешение разных уровней культуры, а также превращение территориальной идентичности во всех её разновидностях (как этнической, так и национальной) в предмет применения манипулятивных технологий в сфере массмедиа [10, с. 12].

Анализируя тенденции развития этничности в современной России, специалисты отмечают, что с целью «прочнее связать личность с её этнической группой, этнические антрепренёры не только пытаются воздействовать на неё путем призыва к коллективной солидарности и к коллективным санкциям против “этнических отступников”, но и требуют от государства выступить в роли гаранта нерушимости границ между этническими группами» [11, с. 170]. Если в России это отмечается как тревожная тенденция, то на Украине после 2014 г. привлечение государства для насильственного распространения национальной украинской идентичности стало реальностью. В связи с усилением роли интернета и информационного пространства современные исследователи склонны признавать «реальными» этнические идентичности, созданные таким образом [12]. Трансляция украинской национальной идентичности среди русскокультурного населения осуществляется пропагандистскими методами распространения образа Другого.

Образ Другого продуцируется структурными механизмами границы культурного пространства. Граница является необходимой частью любой культуры. Функция границы заключается в создании зоны культурного контакта, где явления внешнего инокультурного мира трансформируются в явления мира своей культуры, становятся понятными и могут включаться в собственное культурное пространство. В зоне социокультурной границы ускоренно идут процессы взаимодействия с другими культурами, вырабатываются новые культурные механизмы, которые постепенно захватывают ядро культуры, меняя тип поведения, но не меняя культурной тождественности. Хотя по своему внутреннему смыслу граница соединяет разнокультурные миры, однако с точки зрения самоописания культуры она эти миры разъединяет. Осознать себя значит осознать свою специфику, и самосознание культуры всегда склонно абсолютизировать границу и выдвигать различия на первый план, затушёвывающая сходство [13, с. 15].

Таким образом, культура создаёт не только свой собственный тип самоорганизации внутреннего культурного пространства, но и свой тип его дезорганизации. Культура включает в себя и всё то, что в этой культуре воспринимается как чужое, инокультурное, не включённое в собственное культурное пространство [Там же]. Тип внешней по отношению к культуре дезорганизации вопло-

щается в образе Другого, созданном культурой. Этот образ актуализируется в процессе межкультурной коммуникации, когда один из субъектов коммуникации отождествляется с образом, который создан внутрикультурными механизмами, и новые смыслы порождаются несопадением этого образа, новых данных, появившихся в процессе коммуникации, и образа, возникающего в другой культуре, если такой образ доступен.

Современная исследовательница В. М. Маркина предложила четыре стратегии конструирования Другого: отчуждение, освоение, «очуждение», «остраннение» [14, с. 13]. Две стратегии характерны для стадии конфликта с Другим, а ещё две используются в ситуации консенсуса.

В диссертационном исследовании В. М. Маркиной отмечено, что на формирование представлений об отчуждённом Другом повлиял эгологизм в понимании интерсубъективности. Для эгологизма характерно понимание Другого как аналога Я (*alter ego*), в результате чего Другой рассматривается как принадлежащий внутреннему опыту Я. Такой подход порождает оппозиционные способы понимания Другого, которые приводят к отчуждению инаковости и выстраиванию отношений «господство – подчинение». На этой основе создаётся отчуждающая модель дискурсивных практик. Как показывает В. М. Маркина, «характерной чертой отчуждающей модели конструирования Другого является доминирование субъект-объектных отношений, которые предполагают иерархические отношения и монолог. Другой при этом пассивен, выступает в качестве средства коммуникации. Главной чертой отчуждающей модели является неприятие инаковости, понимание её как недостатка или патологии Других» [14, с. 12].

Таким образом, «отчуждение является процессом или результатом исключения Другого путем неприятия инаковости. Процесс отчуждения Другого включает четыре стадии: противопоставление, объективация, иерархизация и подчинение. Другой в процессе отчуждения лишается возможности оставаться отдельным, радикально непохожим, но при этом равноценным субъектом взаимодействия. Отчуждению противоположно сопротивление, которое выражается в способах деконструирования дискурса: преодолении бинарного мышления, переосмыслении властной иерархии, признании равноценности субъектов и создании пространства диалога» [14, с. 13].

Конструирование Других в массмедиа в парадигме отчуждения проводится с использованием манипулятивных технологий. Исследованию этого аспекта деятельности СМИ посвящена работа И. М. Дзялошинского «Манипулятивные технологии в массмедиа», в которой автор выделяет пять признаков манипуляции и три сферы её применения [15, с. 30, 31]. Манипуляция – асимметричное скрытое духовное воздействие, которое является продуктом информационного воздействия и требует от манипулятора значительного мастерства. Манипуляция может применяться в трёх сферах: идеологической (пропаганда), экономической (реклама), социальной (воспитание, образование). Рассмотрим формирование образа Другого в структуре культурного пограничья средствами манипуляции в идеологической сфере.

Национальная идентичность на Украине оформляется на границе как область ожесточённого неприятия русского как Другого, отталкиванием, отвращением от русской культуры. Как отмечают современные исследователи глобализации, это очень древняя модель создания своего культурного пространства. В переходные периоды истории этот архаизм становится вновь актуальным [16].

Академик Д. С. Лихачёв указывает, что в таком случае всегда существует потеря живой силы культуры: «Противопоставляя себя “другому”, культура по большей части упрощает сама себя, выдвигает вперёд знамёна с символами и знаками своей индивидуальности, капсулируется в мифах о “национальном характере”, “национальных идеях”, “национальной предназначённости” и т. д. Потери велики, ибо всё это бывает связано... с повышенными самооценками, с развитием агрессивности в отношении “других” и в конечном счёте внутри себя и против себя» [17, с. 97, 98].

Современная исследовательница М. А. Царёва показывает в своей диссертации, что образ Другого строится силами самой культуры, живёт своей независимой жизнью в культуре, и его несоответствие реальности игнорируется до тех пор, пока это возможно [18]. Творцы культурной политики современной Украины пытаются развернуть этот процесс, создать образ русского как Другого, игнорируя историческую, культурную и повседневную реальность.

В течение столетий существования русской культуры Украины в качестве пограничья сформировался целый ряд образов

Другого. В период XVI–XVII вв. в качестве Других выступали представители других религий и конфессий. В полемической и проповеднической литературе того времени реализуются антиеврейские, антимусульманские, антикатолические тенденции. Обращаясь к этому времени, Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» описывает польскую культуру как чужую. В имперский период русская культура Украины воспринимается носителями как часть общерусской культуры и в качестве Другого выступает европеец. В советский период господствовала концепция совместного существования трёх братских народов – русского, украинского и белорусского, но в то же время в официальной идеологии русский язык и культура были необходимы только для реализации социалистических идеалов, а не имели ценности сами по себе. В этот период в русской культуре Украины воспроизводились традиционные русские архетипы, а на формирование образа Другого решающее воздействие оказала Великая Отечественная война, когда Украина столкнулась с типом организации культурного и политического пространства, который реализовала на этих территориях нацистская Германия. Все эти образы Другого имеют общую характеристику: это носители другой религии, иноязычные для русской среды, и в большинстве случаев это представители европейской культуры. Таким образом, на Украине вплоть до эпохи независимости в 1991 г. доминирующим был образ Другого как европейца, а собственная идентичность формировалась на основе русской культурной и православной конфессиональной идентичности.

В постсоветский период в культуре Украины создаётся образ Другого как русского, а своего, украинца, как европейца. Особенно активизировался этот процесс в годы войны в Донбассе, когда эти образы стали навязываться средствами пропаганды, в том числе жителям Украины. Так, например, в 2017 г. украинская кинокомпания *Kinorob* решила создать кинокартину «Анна Киевская». Решение это стало следствием политического инцидента, произошедшего в Версале во время встречи президента России Владимира Путина с президентом Франции Эммануэлем Макроном. Тогда В. Путин сказал, что просвещённая французская публика знает о русской Анне (*Anne de Russie*) – королеве Франции и жене Генриха I, чем сразу вызвал негодование Петра Порошенко, который заявил, что власти РФ всячески пытаются помешать воссоединению Украины

с Европой: «Именно воссоединению, потому что исторически мы были её частью. Кстати, со времён древнеукраинского князя Ярослава Мудрого и его дочери-киевлянки Анны Ярославны, которую буквально вчера Путин пытался на глазах всей Европы похитить в российскую историю»¹. Подобные высказывания президента Украины являются очередным внешним проявлением тех процессов, которые уже несколько лет идут на Украине. История с «похищением Анны в российскую историю» демонстрирует комплексную работу по реформатированию идентичности, которая ведётся на Украине на всех уровнях, в том числе политическом, образовательном, культурном.

Учёные Украины, анализируя изменения в украинском обществе, с 2014 г., и их причины, высказывают ряд мнений, которые рассмотрим далее.

В. И. Поклад, украинский учёный из Луганска, с начала войны проживающий на Украине, описывает конфликт Украины и Донбасса в категориях противостояния европейских и советско-русских ценностей: «Киевский Майдан происходил под флагом европейской интеграции, модернизации украинского общества в соответствии с европейскими ценностями. Луганский и Донецкий антимайданы (трансформировавшиеся в сепаратистские республики) были ориентированы на восстановление традиционных (советско-российских) ценностей»².

Александр Еременко в своей книге «Размышления о луганской Вандее»³ пытается анализировать конфликт Украины и Донбасса в категориях цивилизации и варварства, развитого и отсталого общества, однако личные наблюдения в довоенном и военном Луганске, а также логика развития концепции приводит его к выводу о противостоянии двух цивилизаций в Донбассе: «Прослойка сторонников единой Украины, продвигающейся по пути интеграции в Европу, в среде луганской интеллектуальной элиты была ничтожна... По нашим наблюде-

¹ Заславская Е. А. Не рассказывайте нам сказки про украинских принцесс. – Текст: электронный // Одуванчик: новости культуры и искусства. – 2017. – 5 авг. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/ix-nravny/ne-rasskazyivayte-nam-skazki-pro-ukrainskih-printsess/> (дата обращения: 23.02.2020).

² Поклад В. Революция, контрреволюция, война и криминология // Криминологические исследования: сб. науч. тр. / гл. ред. В.И. Поклад. – Северодонецк: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2018. – Вып. 10. Луганские учёные о луганских событиях. – С. 4–6.

³ Еременко А. М. Размышления о луганской Вандее. Взгляд очевидца событий. – Saarbrücken: Just a Life, 2015. – 117 с.

ниям, жители Донбасса весьма слабо знакомы с европейскими ценностями и европейским образом жизни. Их сознание заполнено упрощёнными стереотипами, своеобразными мифами о, якобы, “гнусной и развратной Европе”. Прискорбно, что не только тёмная, косная, невежественная народная масса невосприимчива к европейским ценностям. Значительная часть донбасской интеллектуальной элиты относится к европейским ценностям, мягко говоря, прохладно и предпочитает им ценности “русского мира”... Почему так? Донбасские интеллектуалы плохо знают европейские ценности? Либо плохо, либо достаточно хорошо. Второй вариант ответа представляется нам более вероятным. Но это означает, что многие донбасские интеллектуалы, зная, что представляют собой европейские ценности, тем не менее, предпочитают им православно-советско-российско-имперские. Это не столкновение цивилизации с варварством, это столкновение разных цивилизаций¹.

Александр Еременко видит решение проблем современного украинского общества в забвении истории и приятии новой украинской идентичности: «Важность социальной памяти, исторической традиции, “почвы” и “корней” сильно преувеличена. Чрезмерно копаться в исторических корнях непродуктивно. Оставим историю историкам. Нам нужно задуматься не о том, как укорениться в нашей истории, а о том, как оторваться от неё. Бывают сковывающие традиции, бывает больная, раненая память. В истории постоянно “мёртвый хватает живого”. Наша ответственность перед будущим важнее ответственности перед прошлым»².

Забвение истории как важную тенденцию современного украинского общества констатирует украинская исследовательница Е. В. Бильченко. Она указывает, что наиболее выразительным признаком пост-современного человека становится его вне-историчность, которая ведёт к потере способности к диалогу, лишая человека собственных и общечеловеческих воспоминаний. Отсутствие в идентичности человека такого структурного элемента, как история, приводит к тому, что такой человек не может ре-

ализовать себя ни как человек данной культуры, ни как маргинал³.

На Украине работа по пропаганде новой украинской идентичности, которая противоречит украинской истории и содержит явный антирусский вектор, не прекращается весь период независимости, а интенсивность её только увеличивается. Общественными организациями при финансовой поддержке европейских институций постоянно проводятся тренинги, конкурсы, мастер-классы для активной пишущей молодёжи. На этих мероприятиях создаётся и внедряется контент, который выражает новую украинскую идентичность и навязывает новые украинские ценности. Основная идея этих материалов заключается в неприятии и отрицании русской культуры. Например, 22 октября 2019 г. в Киеве прошла презентация книги «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна»⁴. Организатором мероприятия выступила общественная структура «Интерньюз-Украина» при финансовой поддержке Европейского союза и международного фонда «Возрождение». Как отмечается в анонсе, книга «Ре-візія історії: російська історична пропаганда та Україна» содержит анализ ключевых нарративов российской исторической пропаганды в отношении Украины и ответ украинских историков на эти нарративы. «История оказалась в центре новейшей агрессии России против Украины. Чтобы придать этой агрессии смысл, чтобы сделать её “понятной” для определённого круга людей, Кремль рассказывает этим людям истории об истории, – пишут организаторы презентации. – Мы исследовали главные нарративы российской исторической пропаганды, распространённые в российском и украинском сегментах интернета. Для этого аналитики компании Singularex и ОО “Интерньюз-Украина” использовали анализ больших данных: отобрали более 850 000 постов с “ВК” и 16 000 постов с фейсбуке (период: с 1 января 2016 до 1 апреля 2019 г. включительно). Из них «целевыми» (они содержат ключевые слова, которые нас интересовали) оказались 248 000 постов в “ВК” и

¹ Еременко А. М. Луганский мятеж в сравнении с подобными историческими событиями / А. М. Еременко // Криминологические исследования: сб. науч. тр. / гл. ред. В. И. Поклад. – Северодонецк: РИО ЛГУВД им. Э. А. Дидоренко, 2018. – Вып. 10. Луганские учёные о луганских событиях. – С. 10–26.

² Там же.

³ Бильченко С. В. Модель суб'єкта XXI століття: криза історії і втеча у мистецьку гру // Людина в сучасному цивілізаційному процесі: філософсько-культурологічні та етико-естетичні виміри: монографія / М. М. Бровко та ін.; відп. ред. М. М. Бровко; Нац. муз. акад. України імені П. І. Чайковського. – Ніжин: Аспект-Поліграф, 2014. – С. 54–74.

⁴ Ре-візія історії. Російська історична пропаганда та Україна. – Київ: К.І.С., 2019. – 99 с.

2 500 постов в фейсбуке»¹. Из нарративов, которые разрушаются украинскими пропагандистами: «Крим, Донбас і південний схід України – це Росія», «СРСР – потужня імперія, Сталін – герой».

Ещё один проект был реализован в 2019 г. общественной организацией «Интерньюз-Украина» при поддержке «Медийной программы в Украине», финансируемой Агентством США по международному развитию (USAID). Называется он «Пропагандариум» и представляет собой виртуальную инсталляцию с двумя интерактивными комнатами: «Музей пропаганды» и «Комната медиаграмотности». В начале и в конце визита гости проходят онлайн-тест. Он помогает понять, насколько посетители освободились от влияния России. После успешного прохождения теста посетители получают подарки: тематические экосумки, яркие стикеры и брошюру «Как уберечься от кремлёвской пропаганды и манипуляций». Результаты впечатляют. За пять месяцев работы странствующей инсталляции было проведено около 2 300 встреч с посетителями в рамках проекта; 114 материалов в СМИ, в том числе 17 телевизионных сюжетов; более 200 публикаций-упоминаний в соцсетях с хэштегом проекта *#Пропагандариум*, *#НеВедуся*. Полноформатная инсталляция работала по три недели в Краматорске и Одессе. В сокращённом фестивальном варианте она имела место в Киеве, Харькове, Угледа-ре, Волновахе и Мангуше. Таким образом, особое внимание было уделено востоку и югу Украины, русскоязычным регионам, где живут носители русской культуры. На этом история «Пропагандариума» не заканчивается, отмечают организаторы, впереди новые города².

Таким образом, анализ медиапроектов, реализованных на Украине, показывает, что для современной украинской культуры Другой – это прихожанин РПЦ (Русской православной церкви), носитель современной русской культуры и русского языка. Именно этот образ Другого украинские СМИ используют в военной пропаганде против респу-

блик Донбасса, которые с 2014 г. находятся в состоянии войны с Украиной.

В горячей фазе военных действий происходило прямое уничтожение объектов культуры: школ, библиотек, музеев, учреждений культуры, храмов. Например, летом 2014 г. 122-миллиметровый гаубичный снаряд угодил чётко в научный отдел библиографии Библиотеки им. Горького в Луганске, а сотрудники Музея культуры Луганска успели эвакуировать коллекцию за час до того, как снаряд попал в здание³. В настоящее время интенсивность военных действий снизилась, и война продолжается на культурном и информационном фронтах.

В Луганской Народной Республике в военный период, начиная с 2014 г., развивается русская культура, формируется самосознание гражданина, проводится работа по манифестации и репрезентации русской культуры Луганщины, в том числе и в интернете. Наряду с новостными сайтами в ЛНР существует несколько ресурсов, которые посвящены новой культуре Донбасса. Среди них нужно назвать «Луганский Информ-Центр», сайт «Луганск-1», МИА «Исток». С 2015 г. в Луганске функционирует сайт луганской культуры «Одуванчик»⁴. Этот сайт действует вне официальных структур. Редакция сайта работает на общественных началах. В редакцию входят преподаватели ЛГАКИ им. М. Матусовского Нина Ищенко и Елена Заславская, а также старший научный сотрудник Луганского художественного музея Владимир Карбань (ум. в мае 2020).

Сайт посвящён культуре Донбасса в контексте русской и мировой культур. Помимо оригинальных материалов о событиях и мероприятиях Луганска и Донецка на сайте публикуются материалы, которые отражают культурный контекст существования республик Донбасса.

Работа сайта ведётся по нескольким направлениям. Постоянно функционируют следующие рубрики: «Читаем Даля», «Словарь писателей Новикова», «Айда в музей!», «Образы родного города», «Опыты пристального чтения». Все они посвящены истории и современности русской культуры в целом и культуры Луганска как её неотъемлемой части.

³ Заславская Е. А. Некоторые особенности культурного слоя Луганска // Четверть века с философией. Философское монтеневское общество – 2015 / под ред. Н. С. Ищенко, Е. А. Заславской. – Луганск: Блиц-информ, 2015. – С. 120–129.

⁴ Одуванчик. Новости культуры. – URL: <http://oduvan.org/> (дата обращения: 23.09.2020). – Текст: электронный.

¹ Ре-візія історії: Російська історична пропаганда та Україна. – Текст: електронний // ІНТЕРНЬЮЗ-УКРАЇНА. – 2019. – 8 окт. – URL: <https://internews.ua/opportunity/revision-presentation> (дата обращения: 23.02.2020).

² Краматорськ, Одеса, Запоріжжя. «Пропагандариум»: фейколог Пігулко запрошує на прийом. – Текст: електронний // ІНТЕРНЬЮЗ-УКРАЇНА. – 2019. – 10 мая. – URL: <https://internews.ua/opportunity/propagandarium> (дата обращения: 23.02.2020).

На сайте «Одуванчик» освещаются мероприятия культурной жизни столицы ЛНР и современной России. В центре постоянного внимания находится деятельность таких учреждений, как «Республиканская библиотека им. Горького», «Литературный клуб им. Франца Кафки», «Фонд “Русский мир”», «Философское монтеневское общество Луганска». Вызывают интерес читателей рецензии луганчан на произведения донбасских и зарубежных деятелей искусства, публикации книг республиканских авторов.

О разноплановости освещения культурной жизни можно судить по отчётам и материалам, размещённым на сайте в 2019 г., например:

1. Литературная встреча ко Дню рождения Евгения Замятина: «Е. Замятин, О. Хаксли, Дж. Оруэлл. Миры антиутопий», которую 5 февраля 2019 года организовал Фонд «Русской мир» в библиотеке Горького¹.

2. Круглый стол «Преодоление гражданского раскола: уроки Дня единства для современности», посвящённый Дню народного единства. Состоялся 6 ноября 2019 г. в Фонде «Русский мир» в библиотеке Горького².

3. Заседание Литературного клуба им. Франца Кафки в Академии Матусовского 30 января 2019 г. было посвящено книге «Бытия» как литературному произведению³.

4. Выступление в прифронтовых городах ЛНР московских рок-групп «Зверобой», «Ещё», автора-исполнителя Игоря Сивака и Елены Заславской 4–6 ноября 2019 г., организованное луганским землячеством в Москве⁴.

На «Одуванчике» также можно прочитать о первом иммерсивном спектакле в Луганске, который прошёл в Краеведческом

музее 18 мая 2019 г.⁵ Спектакль «С чего начинается Родина?» режиссёр Ольга Тихая посвятила уроженцу Луганска поэту Михаилу Матусовскому и жизни самого г. Луганска в переломные моменты его истории.

Интересны репортажи с Московского фестиваля детской книги, проходившего с 29 ноября по 1 декабря 2019 г. под эгидой Министерства культуры РФ, в котором принимала участие и луганская поэтесса, редактор «Одуванчика» Елена Заславская⁶; описание XVIII Церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь», приуроченной ко Дню народного единства.

«Одуванчик» представил собственный взгляд на концепцию уникальной выставки, которая проходила в Москве, в «Манеже», – «Память поколений: Великая Отечественная война в изобразительном искусстве»⁷. Идея организаторов выставки, по мнению редакции сайта, заключается в том, что Победа принадлежит уходящему поколению ветеранов, а наши современники от неё очень далеки, Подчёркивается эта мысль самой экспозицией, которая заканчивается картиной 2010 г., а её центральное панно – ветераны Великой Отечественной, расположенные на берегу реки Леты, отделяющей мир живых от мира мёртвых. Однако для жителей Донбасса, ставших свидетелями и участниками войны 2014 г., очевидно, что память о той далёкой войне жива, она помогает воевать и побеждать в настоящем.

Отдельная рубрика «Одуванчика» освещает деятельность «Философского монтеневского общества Луганска» (ФМО), которое функционирует в Луганске с 1990 г., и в настоящее время проводит свои заседания в библиотеке им. Горького. Последнее довоенное заседание ФМО проходило в мае

¹ Устаревшее будущее. – Текст: электронный // Одуванчик: новости культуры и искусства. – 2019. – 6 февр. – URL: oduvan.org/подробности/ustarevshebudushhee/ (дата обращения: 23.09.2020).

² Ищенко Н. С. Уроки дня Единства для Украины и Донбасса. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 6 нояб. – URL: oduvan.org/подробности/uroki-dnya-edinstva-dlya-ukrainyi-i-donbassa/ (дата обращения: 23.09.2020).

³ Ищенко Н. С. Сюжеты книги Бытия в творчестве Томаса Манна. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 31 янв. – URL: oduvan.org/chtivo/esse/syuzhetyi-knigi-byitiya-v-tvorchestve-tomasa-manna/ (дата обращения: 23.09.2020).

⁴ Песни, которые помогают жить. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 13 нояб. – URL: oduvan.org/подробности/mneniya/pesni-kotorye-pomogayut-zhit/ (Дата обращения: 23.09.2020).

⁵ Отчёт о первом иммерсивном спектакле в Луганске. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 24 мая. – URL: oduvan.org/подробности/6880/ (дата обращения: 23.09.2020).

⁶ Заславская Е. А. Фестиваль детской книги объединяет! – Текст: электронный // Одуванчик: новости культуры и искусства. – 2019. – 18 дек. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/novosti-russkogo-mira/festival-detskoy-knigi-obedinyayet/> (дата обращения: 23.09.2020); Заславская Е. А. Юрий Нечипоренко: «Нет – ядовитой литературе. Детские книги – в провинцию!» – Текст: электронный // Одуванчик: новости культуры и искусства. – 2019. – 18 дек. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/novosti-russkogo-mira/yuriy-nechiporenko-net-yadovitoy-literature-detskie-knigi-v-provintsiyu/> (дата обращения: 23.09.2020).

⁷ Заславская Е. А. «Память поколений». День Победы или тень Победы? – Текст: электронный // Одуванчик: новости культуры и искусства. – 2019. – 4 дек. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/novosti-russkogo-mira/pamyat-pokoleniy-den-pobedyi-ili-ten-pobedyi/> (дата обращения: 23.09.2020).

2014 г., а после осады, уже в ноябре 2014 г., возобновило свою работу, которая теперь заключается не только в заседаниях, на которые может прийти любой желающий, но и в публикации докладов общества.

Первый сборник докладов ФМО – «На грани мира и войны» (2015) – посвящён интеллектуальному климату Луганска в переломном для Украины, России и Донбасса 2014 г.¹ Второй сборник – «Четверть века с философией» (2015) – приурочен к 25-летию юбилею общества². Книга представляет собой своеобразный интеллектуальный портрет луганской гуманитарной интеллигенции с последнего советского года до первого года войны с Украиной. Третий сборник – «Донбасс в огне» (2017) – приурочен столетию Октябрьской революции 1917 г. и роли Донбасса в судьбоносных для России и мира событиях³. Четвёртый сборник – «Колышется русское поле... Внеми, Русский мир!» (2019) – о культуре Донбасса, которая рассматривается в контексте русской культуры⁴. Все четыре сборника ФМО доступны онлайн на сайте «Одуванчик» и в разных сетевых библиотеках.

На сайте «Одуванчике» также публикуются рецензии луганских авторов. Так, в 2019 г. была опубликована вызвавшая широкий резонанс рецензия Ольги Бодрухиной на первый в ЛНР игровой фильм «Ополченочка» о приключениях женского танкового экипажа⁵. В своём отзыве Ольга Бодрухина останавливается на общих характерных признаках японского аниме и луганского фильма (танки, девушки, оживание духов предков в лице современных героев) и делает вывод, что этот фильм может рассчитывать на зрительскую аудиторию поклонников японского аниме по всему миру.

¹ На грани мира и войны: сборник докладов Фило-софского монтеневского общества за 2014 г. / под ред. Н. С. Ищенко, Е. А. Заславской. – Луганск: Блиц-информ, 2015. 72 с.

² Четверть века с философией. Философское монтеневское общество – 2015 / под ред. Н. С. Ищенко, Е. А. Заславской. – Луганск: Блиц-информ, 2015. – 176 с.

³ Донбасс в огне. Альманах. – Луганск: Большой Донбасс, 2018. – URL: http://oduvan.org/wp-content/uploads/2018/04/Donbass_in_fire.pdf (дата обращения: 23.09.2020). – Текст: электронный.

⁴ Колышется русское поле. Внеми, Русский мир! Философское монтеневское общество – 2019 / под ред. Н. С. Ищенко, Е. А. Заславской. – Луганск: Блиц-информ, 2019. – 124 с.

⁵ Бодрухина О. «Ополченочка» как классика японского кино. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 24 июня. – URL: oduvan.org/chtivo/recenzii/opolchenochka-kak-klassika-yaponskogo-kino/ (дата обращения: 23.09.2020).

В 2019 г. на «Одуванчике» опубликована рецензия секретаря СП ЛНР Андрея Чернова на сборник стихов Елены Заславской «Бумажный самолёт»⁶, рецензии доктора философских наук, профессора Виталия Даренского на сборник СП ЛНР «Воля Донбасса»⁷, рецензия Ольги Бодрухиной на роман Михаила Елизарова «Земля»⁸, рецензия Нины Ищенко на спектакль «Время. Выбор. Воля», поставленный Русским драматическим театром им. П. Луспекаева по произведениям донбасских авторов⁹.

За период с 2015 г. на сайте «Одуванчик» выложены в открытый доступ ряд произведений, которые были опубликованы в это время в Луганске и Донецке. Не всегда эти книги существуют в печатной форме, иногда электронная версия – единственный способ общения с читателем. Нужно отметить, что для читателей из РФ доступ к книгам луганских авторов на «Одуванчике» зачастую – единственно возможный способ ознакомиться с новой литературой Донбасса до тех пор, пока она не попадёт в другие сетевые библиотеки.

Опубликованы два сборника СП ЛНР («Время Донбасса», 2016, «Выбор Донбасса», 2017), календарь-справочник «Юбилейные даты литературы Донбасса на 2019 год» (2019), два выпуска литературного альманаха «Крылья» за 2018 и 2019 гг., калининградский «Путеводитель по русским «Берегам»» (2019) и книга Андрея Чернова

⁶ Чернов А. А. Бумажный самолёт из огненного Донбасса. – Текст:электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 12 дек. – URL: <http://oduvan.org/chtivo/recenzii/bumazhnyiy-samolyot-iz-ognennogo-donbassa/> (дата обращения: 23.09.2020).

⁷ Даренский В. Ю. Преображение памяти. Альманах «Воля Донбасса» как художественное целое. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 31 окт. – URL: [http://oduvan.org/chtivo/recenzii/preobrazhenie-pamyati-almanah-volya-donbassa-kak-hudozhestvennoe-tseloie/#more-6960](http://oduvan.org/chtivo/recenzii/preobrazhenie-pamyati-almanah-volya-donbassa-kak-hudozhestvennoe-tseloie/) (дата обращения: 23.09.2020); Даренский В. Ю. Альманах «Воля Донбасс»: героическая картина мира. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 18 июля. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/sdelano-v-donbasse/almanah-volya-donbassa-geroicheskaya-kartina-mira/> (дата обращения: 23.02.2020).

⁸ Бодрухина О. Земля мертвых. Запоздалая новгородная рецензия на роман М. Елизарова «Земля». – Текст:электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 27 дек. – URL: <http://oduvan.org/chtivo/recenzii/zemlya-mertvyih-zapozdalaya-novogodnyaya-retsenziya-na-roman-m-elizarova-zemlya/> (дата обращения: 23.09.2020).

⁹ Ищенко Н. С. Нам нужна одна Победа. – Текст:электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2019. – 27 дек. – URL: oduvan.org/interesnosti/sdelano-v-donbasse/nam-nuzhna-odna-pobeda/ (дата обращения: 23.09.2020).

«Донбасский код» (2019). Читатель может найти эти и другие произведения в разделе «Книги» сайта «Одуванчик»¹.

Образ современного украинца как Другого занимает скромное место на «Одуванчике», но тем не менее присутствует. Наряду с анализом украинских пропагандистских стратегий² на сайте ведётся рубрика «Их нравы»³, где создаётся образный, эмоциональный портрет современного украинца. В этой рубрике появляются такие персонажи, как Антон Мухарский, Лариса Ницой, Сергей Файфура. Так, украинский арт-деец, экс-советник министра культуры Антон Мухарский ещё до 2014 г. организовывал проекты, направленные на дегуманизацию русских Украины. В 2009 г. инициировал художественно-культурологический проект «Жлоб. Жлобство. Жлобизм», основной задачей которого было доказательство на уровне образов и символов, что жлобство – это русский язык на Украине⁴.

Среди проектов А. Мухарского: «Лягидна українізація» («Ласковая украинизация», 2012); «Майдан. (Р)Эволюция духа» (2014), «Украинизация на экспорт» (2015); «Сказки русского мира» (2016). Презентуя последний проект, он так описал своё отношение к русским и России: «Побутова демонологія совка, щедро полита сечею Кобзона та слиною Жириновського, день побьєди, Сандра Баллок і казанські гопники, розіп'яті хлопчики і геї – визволителі Європи, імперські міфи і бурятські богатирі, збитий Боїнг і страшні бабусі-людоджерки, виховані на піснях Булата Окуджави: все це – “Руський мір”, з яким я добре обізнаний, тектонічне бродіння якого я відчуваю й у власній душі, бо народився в СРСР, вчився в Києві у російській школі, служив в радянській армії і по суті також є носієм цієї вірусної інфекції, що зветься “хомо советікус-постсоветікус”. Тому цей

¹ Рубрика «Книги». – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – URL: <http://oduvan.org/category/chtivo/books/> (дата обращения: 23.09.2020).

² Ищенко Н. С. Дегуманизация русских Украины как прием информационной войны. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2020. – 25 янв. – URL: <http://oduvan.org/chtivo/stati/degumanizatsiya-russkih-ukrainyi-kak-priem-informatsionnoy-voynyi/> (дата обращения: 23.09.2020).

³ Рубрика «Их нравы». – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – URL: <http://oduvan.org/category/interesnosti/ix-nravy/> (дата обращения: 23.09.2020).

⁴ Заславская Е. А. Аскарیدا революції достоїнства. – Текст: электронный // Поэзия. Проза. Дневник. – URL: <http://zaslavskaja.com/2017/02/28/askarida-revoljutsii-dostoinstva.html>. (дата обращения: 23.09.2020).

проект – ні що інше, як намагання дослідити перебіг хвороби на власному досвіді з метою пошуку протиотрути проти усього того лайна, яке за довгі роки русифікації накопив мій організм»⁵.

Мухарский/Лютый – автор хитов (у некоторых клипов около 700 тысяч просмотров): «Ах, Бандера, украинский апостол!», «Гаспада малоросы», «Пошёл нах...», «Слава Украине!», «Катя-ватница», «Россиян в Донбассе нет», «Идёт кацап по городу», «Русские пи#\$%ят», «Злые пиндосы», «А тело пело». Эти работы созданы на мелодии популярных советских песен, но с собственными текстами А. Мухарского в жанре политического памфлета. В этих песнях формируется образ русского как врага, оставляя слушателю (русскоязычному украинцу) единственную коммуникативную стратегию для сохранения собственной личности: отказаться от русской культурной идентичности.

Украинская писательница и педагог, организатор ежегодного круглого стола «Книга на захисті дитячої душі» Лариса Ницой написала книгу «Непереможні мураши», презентованную в 2017 г.⁶ В этой книге она создаёт образ врага из русских: «Жив-був собі мурашиний народ. Жив-не тужив. Одного дня напали на мурашиний народ сусідні мурахи, які завжди клялися в братній любові. Знищили мурашник. Зруйнували мирне життя. Але мурашиний народ збереться на силі і вижене зі своєї землі нападників».

Певец Сергей Файфура, автор песен «Бандера», «Бандера-2», «Дайте волю Надії», «Руський Іван», «Скотиняки», «Вован-дурачок», «Барон фон дер Пут», созданных в период с 2014 г. Они исполнялись на передовой для украинских военных в Донбассе для поднятия боевого духа⁷. На «Одуванчике» размещена его песня «Бандера», где есть такие слова:

«Стоп!!! Да что ж ты с пушками, Россия,
на меня?
Там, где Европа, ты не будешь никогда!
Не верь ни в лысого, ни в главного попа!
Знай, Україна є і буде Європа!
Європа! Європа! Європа! Європа! Європа!

⁵ Сказки русского мира. – Текст: электронный // Митец. Сучасне мистецтво України. – URL: <https://mitec.ua/skazki-russkago-mira/> (дата обращения: 23.09.2020).

⁶ Антирусская пропаганда в детской книге Не-переможні мураши. – Текст: электронный // Одуванчик. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/ix-nravy/spasite-nashi-dushi-ili-neperemozhni-murashi/> (дата обращения: 23.09.2020).

⁷ Сергій Файфура. Русский Иван. Выступление перед пограничниками. – Изображение: электронное // Youtube.com. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9XKkgQp-PtU> (дата обращения: 23.09.2020).

Європа!
 І я в це вірю!
 І ми в це вірим!
 Вір і ти!»¹

Певец создаёт образы украинца как европейца и русского как врага.

На таком фоне сайт луганской культуры «Одуванчик» выполняет важную функцию манифестации и репрезентации луганской культуры. В то время, как на Украине деятельность инфосферы направлена на агрессивную пропаганду, которая использует все методы чёрного пиара и открытые манипуляции общественным и индивидуальным сознанием, в Луганске проводится работа, направленная на освоение мировой и русской культуры, сохранение в русском культурном пространстве прифронтовых территорий, включение Донбасса в культурное пространство России.

Заключение. Анализ медиаконтента украинских пропагандистских проектов показывает, что современная идентичность украинцев конструируется как европейская и антирусская, что противоречит исторической традиции, которая складывалась на протяжении нескольких столетий. В современной информационной и культурной повестке Украины Россия и русская культура выступают как главный враг, формирующий поле коммуникаций. В пропаганде современной Украины Другой – это русский как житель России, так и житель Донбасса.

Как показывает анализ материалов сайта «Одуванчик», культура современного Донбасса развивается в направлении интеграции с современной культурой России. Жители Луганска верны исторической памяти. Культура Луганска предстаёт на сайте «Одуванчик» как культура русская, опирающаяся на русские культурные универсалии и общую культурную память России и Донбасса разных исторических периодов.

В то же время можно констатировать, что в культуре Донбасса, как она представлена на сайте «Одуванчик», происходит осознание отличий «нас», жителей Донбасса, от «них», современных украинцев, выстраивающих свою культурную идентичность в европейском поле.

Таким образом, сравнивая роль Украины и Донбасса в межкультурном взаимодействии, мы можем сделать вывод, что украинская культура по-прежнему является культурой пограничья, поскольку образ Другого доминирует в её структуре. Анализ этого образа показывает, что он противоположен тому образу Другого, который обусловлен исторически, т. е. культура русских Украины сменяется новой, украинской культурой, которая конструируется и навязывается с использованием современных методов манипуляции общественным сознанием. В то же время культура Донбасса развивается как русская культура, а специфика культурного пограничья реализуется в формировании образа Другого как европеизированного украинца.

Список литературы

1. Bhabha H. K. Culture's In-Between // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. London: Sage Publications London: Thousand Oaks: New Delhi, 1996. P. 53–60.
2. Robins K. Interrupting Identities Turkey/Europe // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. London: Sage Publications London: Thousand Oaks: New Delhi, 1996. P. 61–86.
3. Delanty G. Borders in a Changing Europe: Dynamics of Openness and Closure // Comparative European Politics. 2006. Vol. 4. P. 183–202.
4. Grossber L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? // Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. London: Sage Publications London, Thousand Oaks, New Delhi? 1996. P. 87–107.
5. Манаков А. Г. Культурные границы и идентичность (на примере Северо-Запада Европейской России) // Идентичность и география в постсоветском пространстве: сб. науч. ст. / под ред. М. Бассина, К. Э. Аксенова. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 114–136.
6. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 400 с.
7. Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность: отклик на статью С. В. Чешко // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 7–10.
8. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Рус. мир, 1997. 532 с.
9. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 51–56.
10. Барышников С. В., Барышникова А. Г. Граница как категория культуры // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 3. С. 10–14.

¹ Новое украинское искусство. Бандера в белом. – Текст: электронный // Одуванчик. Новости культуры и искусства. – 2015. – 24 авг. – URL: <http://oduvan.org/interesnosti/ix-nravy/novoe-ukrainskoe-iskusstvo-bandera-v-belom/> (дата обращения: 23.09.2020).

11. Шабает Ю. П., Садохин А. П. Культурные границы и маркеры в этническом пространстве современной России. Опыт case study // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6. С. 166–173.
12. Macfadyen Leah P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory // *The University of British Columbia*. 2008. January. DOI: 10.14288/1.0058425
13. Лотман Ю. М. О семиосфере // *Избранные статьи: в 3 т. 1 т.* Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 11–24.
14. Маркина В. М. Конструирование «других» в масс-медиа: теоретические подходы и методология анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. 22.00.01. М., 2017. 21 с.
15. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // *Вестник Московского университета*. 2005. № 1. С. 29–54.
16. Калининченко В. К. Границы в культуре и культура на границах. Текст: электронный // *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2008. № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/granicity-v-kulture-i-kultura-na-granicaх?ID=2833> (дата обращения: 24.09.2020).
17. Лихачёв Д. С. Два типа границ между культурами // *Очерки по философии художественного творчества*. СПб: Блиц, 1996. С. 97–102.
18. Царева М. А. Культурный образ в межкультурной коммуникации: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Хабаровск, 2006. 181 с.

Статья поступила в редакцию 28.09.2020; принята к публикации 26.11.2020

Сведения об авторах

Ищенко Нина Сергеевна, кандидат философских наук, Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского; 91015, г. Луганск, ул. Красная площадь, 7; e-mail: niofterna@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>.

Заславская Елена Александровна, преподаватель, Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского; 91015, г. Луганск, ул. Красная площадь, 7; e-mail: zaslavslakaja@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6581-883X>.

Вклад авторов в статью

Н. С. Ищенко – основной автор, организатор исследования, формулирование выводов и обобщение итогов реализации коллективного проекта.

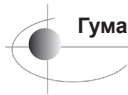
Е. А. Заславская – систематизирование и анализ материалов исследования.

Библиографическое описание статьи

Ищенко Н. С., Заславская Е. А. Образ Другого как структурная характеристика культурной границы (на примере Украины и Донбасса) // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 2. С. 124–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-124-136.

References

1. Bhabha, H. K. Culture's In-Between. Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. Sage Publications London: Thousand Oaks: New Delhi, 1996: 53–60. (In Engl.)
2. Robins, K. Interrupting Identities Turkey/Europe. Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. Sage Publications London: Thousand Oaks: New Delhi. 1996: 61–86. (In Engl.)
3. Delanty, G. Borders in a Changing Europe: Dynamics of Openness and Closure. *Comparative European Politics*, no. 4, pp.183–202, 2006. (In Engl.)
4. Grossber, L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? Questions of Cultural Identity Edited by Stuart Hall and Paul Du Gay. London: Thousand Oaks: New Delhi. 1996: 87–107. (In Engl.)
5. Manakov, A. G. Cultural boundaries and identity (on the example of the North-West of European Russia). Identity and geography in the post-Soviet space. Collection of scientific articles. SPb: Gelikon Plus, 2003: 114–136. (In Rus.)
6. Myl'nikov, A. S. The picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe: Representations of ethnic nomination and ethnicity of the XVI – beginning of the XVIII century. SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. (In Rus.)
7. Arutyunov, S. A. Ethnicity – Objective Reality: Response to an article by S. V. Cheshko. *Ethnographical Review*, no. 5, pp. 7–10, 1995. (In Rus.)
8. Tishkov, V. A. Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia. M: RW, 1997. (In Rus.)
9. Shapinskaya, E. N. The image of the Other in the texts of culture: policy of representation. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 51–56. 2009. (In Rus.)
10. Baryshnikov, S. V., Baryshnikova, A. G. Border as a category of culture. *Modern problems of the humanities and social sciences*, no. 3, pp. 10–14, 2016. (In Rus.)

11. Shabaev, Ju. P., Sadokhin, A. P. Cultural boundaries and markers in the ethnic space of modern Russia. Case study experience. *Social sciences and the present*, no. 6, pp. 166–173. 2012. (In Rus.)
12. Macfadyen, Leah P. Virtual ethnicity: The new digitization of place, body, language, and memory. The University of British Columbia, 2008. DOI: 10.14288/1.0058425 (In Engl.)
13. Lotman, Yu. M. About the Semiosphere. Selected articles in 3 volumes. Tallin: Alexandra, 1992. Vol. 1. Articles on semiotics and cultural topology: 11–24. (In Rus.)
14. Markina, V. M. Construction of “Others” in the Media: Theoretical Approaches and Methodology of Analysis. Cand. sci. diss. abstr. M., 2017. (In Rus.)
15. Dzyaloshinskiy, I. M. Manipulative Technologies in Mass Media. *Moscow University Bulletin*, no. 1, pp. 29–54, 2005. (In Rus.)
16. Kalinichenko, V. K. Borders in culture and culture at the borders *Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis*, no. 1, 2008. Web. 24.09.2020. <https://www.psyjournal.ru/articles/granicy-v-kulture-i-kultura-nagranichah?ID=2833> (In Rus.)
17. Likhachov, D. S. Two types of boundaries between cultures. *Essays on the philosophy of artistic creation*. SPb: 1996: 97–102. (In Rus.)
18. Tsareva, M. A. Cultural image in intercultural communication. Cand. sci. diss., Khabarovsk, 2006. (In Rus.)

Received: November 30, 2020; accepted for publication November 26, 2020

Information about author

Ishchenko Nina S., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky; 7 Krasnaya Ploschad, Lugansk, 91015, e-mail: niofterna@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8616-7087>.

Zaslavskaja Elena A., Academy Lecturer, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky; 7 Krasnaya Ploschad, Lugansk, 91015; e-mail: zaslavslakaja@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6581-883X>.

Contribution of authors to the article

N. S. Ishchenko – the main author, the organizer of research, who formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project.

E. A. Zaslavskaja – article formatting and tables, the collection of material, compilation of results, the list of references.

Reference to the article

Ishchenko N. S., Zaslavskaja E. A. The Image of the Other as a Structural Characteristic of the Cultural Border on the Example of Ukraine and Donbass // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 124–136. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-124-136.

УДК 81'373.45-81:1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-137-143

Руслан Харисович Касимов,*Тюменский индустриальный университет**(г. Тюмень, Россия),**email: rhkasimov@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-8632-3860>***Кавказский ксеногlossарий в современном русском языке и образ «кавказского мира»**

Кавказ всегда оставался для России предметом особого интереса. Контакты России с этим регионом изучаются в политическом, экономическом, религиозном и социальном аспектах. Однако языковой горизонт этих отношений, особенно лексическое взаимодействие русского языка с кавказскими, не получил достаточного освещения. В статье рассматриваются заимствования из кавказских языков как особое семантическое поле – «ксеногlossарий». Для его выделения использован метод интенционального анализа. Кавказизмы в русском языке представлены как образ «кавказского мира» в горизонте языкового воображения. В качестве выборки использованы словари современного русского языка. Определено, что тематически вся заимствованная из кавказских языков лексика разделяется на три сферы: строительно-хозяйственную, военную и гастрономическую. Актуальна в настоящее время только последняя. Установлено, что процесс заимствований из кавказских языков продолжается. Источниками заимствования в русский язык выступают преимущественно адыгско-абхазские и картавельские языки: если для первых характерна военная тематика, для вторых – гастрономическая. Подобная ситуация является результатом различного качества контактов русских, с одной стороны, и адыгских и картавельских народов с другой. Долгие кавказские войны с мусульманской Адыгеей привели к заимствованиям в области военного дела. Мирное присоединение Грузии демонстрирует языковой интерес к гастрономической номенклатуре. Выяснено, что кавказские заимствования в русском языке теряют экзотические коннотации. В современном русском языке отражаются только понятия культуры, природные объекты не представлены. Кавказские заимствования проникли в русский язык устным путём. Слова кавказского происхождения не отличаются высокой частотой употребления. Стилистическая окраска кавказских заимствований большей частью нейтральна, отражает архетипическое восприятие Кавказа как аксиологически равного «своей» культуре. Проникновение отдельных лексем кавказского происхождения в другие славянские языки произошло посредством русского языка. В западноевропейских языках лексемы кавказского происхождения не получили распространения.

Ключевые слова: кавказские заимствования, кавказские языки, ксеногlossарий, семантическое поле, языковые контакты

Ruslan Kh. Kasimov,*Tyumen Industrial University**(Tyumen, Russia),**e-mail: rhkasimov@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0001-8632-3860>***Caucasian Xenoglossary in Modern Russian and Image of “Caucasian World”**

The Caucasus has always been of interest for Russia. Russian-Caucasian contacts are being studied in political, economic, religious and social aspects. But linguistic horizon has not got enough treatment. The Caucasian loanwords in Russian are examined as a specific semantic field – xenoglossary. The method of intentional analysis is used for its highlighting. Xenoglossary is a lexical corpus borrowed from a definite cultural area. Dictionaries of contemporary Russian language are used as a sample. All lexicon is topically divided in household, military and gastronomic spheres. Only last one has nowadays actual usage. Such situation could be explained by different ways of the Russian-Caucasian cultural contact history. The war was a form of contact with Muslim Adyghe people (Circassians). So, this can explain the borrowed military glossary from the Abkhazo-Adyghean languages into Russian. And vice versa, Georgia was annexed to the Russian Empire in peace. Borrowed Kartvelian glossary is the consequence of that fact. It is stated that the borrowing process is still in progress. The main sources of loanwords are Northwest and South Caucasian languages. It is argued that the Caucasian loanwords are being assimilated. The Caucasian loanwords reflect the objects of culture, not natural ones. The loanwords passed in Russian orally and have low usage frequency. Stylistically, these words are neutral. It indicates the fact of axiological equivalence of “Caucasian” and “Russian” cultural areas in Russian language imagination. Penetration of some Caucasian lexemes in other Slavic languages are occurred by means of Russian. Caucasian borrowings have very limited spread in West European languages.

Keywords: Caucasian loanwords, Caucasian languages, xenoglossary, semantic field, language contacts

© Касимов Р. Х., 2021

Введение. Культурные взаимодействия между народами оставляют свой след в языке. Я. Бломмарт пишет, что движение людей через пространство не есть движение через пустоту. Пространство – это всегда «чьето пространство», оно заполнено нормами, ожиданиями, представлениями о том, что считается правильным и нормальным в использовании языка, и того, что таковым не считается [1, с. 6]. Лексика представляет собой косвенное свидетельство интенсивности таких движений и взаимодействий. Пласт заимствований из западноевропейских языков в русском огромен и продолжает увеличиваться. Но далеко не каждая культура оставляет в языке столь значительный след. Неевропейские культуры и цивилизации демонстрируют гораздо меньшую степень воздействия на лексику европейских языков. Примером здесь могут послужить кавказские языки, которые, несмотря на более чем двухсотлетнее культурно-политическое взаимодействие, не оказали значительного влияния на лексический состав русского языка, выступавшего скорее в качестве донора, нежели реципиента [2]. Тем не менее, несмотря на свою малочисленность, заимствования из кавказских языков образуют своеобразный *ксеногlossарий* – лексическое множество, семантически репрезентирующее в языковом воображении особую историко-культурную область.

В нашем случае, кавказские заимствования представляют особенности восприятия, в терминологии Б. А. Андрианова, кавказской культурной провинции [3, с. 582], или «кавказского мира». Заимствования являют собой «язык в языке» – архетипический образ «коллективного Другого», бессознательно сложившийся в результате культурного взаимодействия и взаимообмена. Политические, экономические, религиозные и социальные контакты имеют и языковое измерение. Ещё В. Гумбольдт, предваряя гипотезу лингвистической относительности, писал, что «языки неразрывно срослись с внутренней природой человека, они в гораздо большей мере прорываются из нее, чем намеренно порождаются ею, так что с равным успехом можно было бы считать интеллектуальную самобытность народов следствием их языков» [4, с. 65].

Ксеногlossарий есть лингвистическая реализация феномена, которая была обозначена О. Шпенглером как «гештальт». Этот термин понимался философом как «овеществление» истории, «контуров эпох и фактов», «единожды действительное» [5,

с. 254]. В языке подобное «овеществление» происходит, в том числе и в лексике, которую можно понимать как множество реликтов истории культуры.

Как утверждает А. Вежбицка, слова имеют значение по двум причинам. Во-первых, слова являются ключом к пониманию форм мышления (*conceptualization*) других людей. Во-вторых, только изучая слова, можно выйти за пределы слов [6, с. 28].

Цель нашего исследования – не только сама лексика, но и формируемый ею семантический «регион» – ксеногlossарий, представляющий своеобразную лингвистическую картину мира. В данном случае – образ «кавказского мира».

Методология и методы исследования. Для выделения ксеногlossария использован метод интенционального анализа. Под *интенцией* понимается направленность данного языкового сознания и воображения на определённую культуру (группу культур) и язык (группу языков). Изучение отдельных интенций позволяет не только выявить заимствования (например, англицизмы, германизмы, китаизмы и т. д.), но и представить их в виде целого. Этот метод позволяет рассматривать язык не как статическую сущность, а как процесс и результат процесса культурно-языковых контактов. В данном случае интенциональным предметом выступают кавказские языки, репрезентирующие отдельную историко-культурную область – кавказскую провинцию.

Родовое понятие «кавказские языки» включает в себя картавельскую (южно-кавказскую), абхазо-адыгскую (северо-западно-кавказскую) и нахско-дагестанскую (северо-восточно-кавказскую) семьи [7, с. 19, 20]. В качестве нашей выборки использован «Толковый словарь русского языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой¹.

Взаимодействие кавказских и индоевропейских языков имеет долгую историю [8]. Значительна история контактов кавказских и русского языков. Однако в статье в большей степени акцентируется внимание на синхроническом аспекте, чем на диахроническом. За пределами внимания остаются также и многочисленные диалектизмы, имеющие кавказское происхождение, но не включённые в состав «Толкового словаря». Дополнительно к «Толковому словарю» использован «Словарь новых слов русского

¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 1175 с.

языка (середина 50-х – середина 80-х)» под ред. Н. В. Котеловой¹.

Интересный аспект употребления кавказских экзотизмов как «национального колорита», «который бы отражал культуру и быт его собственного народа» [9, с. 169], используемых в качестве средства художественной выразительности, своеобразной литературной «соли», остаётся вне рассмотрения.

С. Ш. Шхалахо подразделяет всю кавказскую лексику на две большие группы: общекавказскую и этнокавказскую. Первая включает в себя мусульманский пласт и ономастикон, вторая – лексику отдельных языков [10, с. 64]. Если С. Ш. Шхалахо интересуется общекавказская лексика, то мы сосредоточимся на второй группе с фокусом не только на лексику отдельных языков, а на целостный образ «кавказского мира», который она представляет.

«Кавказская лексика» понимается в узком, лингвистическом, смысле: рассматриваются заимствования из абхазо-адыгской, нахско-дагестанской и картавельской семей. Не затронуты опосредованные заимствования: арабизмы, тюркизмы, слова, происходящие из индоевропейских языков. Кавказская ономастика также выходит за пределы рассмотрения статьи.

Результаты исследования и их об- суждение. Анализ «Толкового словаря русского языка» под редакцией Н. Ю. Шведовой позволяет обнаружить только шесть лексем кавказского происхождения, часть которых имеет проблематичную этимологию. Это лексем: «кефир», «папах», «сакля», «тамада», «харчо» и «шашка». Этимологическая экспликация (преимущественно из словаря М. Фасмера) представляет собой следующее:

«Кефир... название (в том числе и рус. “кефир”) кавказского происхождения. Однако первоисточник, насколько нам известно, не установлен. Ср. мегр. *kipuri* “простокваша, приготовляемая в мехе” (Кипшидзе...). В мегрельском это слово стоит изолированно. Ср. также балкар. *гәрә* “кефир”. – Абаев. Ист.-этимол. словарь...: осет. *кæру́кæри* “кефир; грибки кефира”...»².

«Папах... Объясняется из азерб. *pa-pax* – то же (Радлов...), которое производили из черк. (Корш...)»³.

«Сакля... Из груз. *saxli* “дом”, ингуш. *saxl*... По мнению Локоча... из тюрк.»⁴.

«Тамада. Это название распорядителя пира заимствовано из грузинского, где *tamadoba* – “старшинство во время пира”»⁵.

«Харчо... По-видимому, из груз. яз. Ср. груз. *charšo*...»⁶.

«Шашка – “холодное оружие”. Корш... объясняет как заимств. из черк., ср. абадзех. *šesxo*, кабард. *sešxo*, шапсуг. *šesxo*, *sešxuo*; см. Эркерт...»⁷.

Интересно, что не все указанные лексемы встречаются в словаре М. Фасмера. Вероятно, отдельные лексемы проникли в узус только после публикации словаря. Косвенным образом это свидетельствует о том факте, что процесс заимствования из кавказских языков продолжается в наше время. Несмотря на низкую интенсивность языкового и культурного взаимодействия между русским и кавказскими языками, процесс всё же актуален. Этот тезис можно проиллюстрировать с помощью лексем, не попавших в «Словарь» Н. Ю. Шведовой. «Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х)» под редакцией Н. В. Котеловой представляет следующие лексем (без деривативов): «аджика» (из абх.)⁸, «кинза» («киндза»), «хачапури», «хванчкара» (последние из груз.)⁹. В современном узусе к этому можно добавить «козинаки» и «хинкали» (оба, вероятно, грузинского происхождения). Все лексем из словарей Н. Ю. Шведовой и Н. В. Котеловой стали общераспространёнными ещё в прошлом веке. Указанные приправы и блюда, включая козинаки, массово выпускались в СССР. Хинкали повсеместно известны сегодня благодаря промышленному изготовлению.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Этимологический словарь русского языка / сост. Г. А. Крылов. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.

⁶ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: в 2 т. – М.: Рус. язык, 1993. – Т. 2. – 560 с.

⁷ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 26.01.2021). – Текст: электронный.

⁸ Abkhaz-Adyghe Etymology Compiled by Sergei Starostin. – URL: https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=%2fdata%2fcauc%2fabadet&text_number=+206&root=config&encoding=utf-rus (дата обращения: 26.01.2021). – Текст: электронный.

⁹ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х) / под ред. Н. В. Котеловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 877 с.

¹ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х) / под ред. Н. В. Котеловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 877 с.

² Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 26.01.2021). – Текст: электронный.

Тематически вся лексика разделяется на три сферы: строительно-хозяйственную («сакля»), военную («папах», «шашка») и гастрономическую («тамада», «харчо», «кефир», «аджика», «кинза», «хачапури», «хванчкара», «козинаки», «хинкали»). Следует пояснить, почему «папах» включена в военную тему. Вначале этот предмет одежды был заимствован в составе всего комплекса («бешмет», «черкеска») как форма приграничных воинских формирований, а затем – и армии [11, с. 178]. И сегодня папах ассоциируется с высшим офицерским составом. У полковников и генералов Вооружённых Сил РФ этот форменный головной убор отменён только в 2014 г. Казачество продолжает пользоваться папахой и сегодня.

Гастрономическую тематику продолжают заимствования из близкого географически (но не лингвистически) некавказского языка – армянского (входит в индоевропейскую семью). В «Словаре» Н. Ю. Шведовой заимствований из армянского языка не обнаружено. В «Словаре новых слов» Н. В. Котеловой присутствует одна лексема – «хаши»¹. Сегодня имеют широкое хождение лексемы «лаваш» и «тан» (оба, предположительно, армянского происхождения)², которые тоже входят в гастрономическую тему. Лаваш и тан также массово изготавливаются в наши дни и имеют большую популярность на постсоветском пространстве.

Среди кавказских языков источниками заимствования являются преимущественно абхазо-адыгские и картавельские языки. Среди абхазо-адыгских языков донором выступают большей частью адыгские языки (включающие кабардино-черкесский и адыгейский), среди картавельских – большей частью, грузинский (возможно, «кефир» – мегрельского происхождения)³.

Любопытно, что лексемы адыгского происхождения связаны с темой войны, а картавельского – с темой хозяйства и гастрономии. Несомненно, причиной этому стал различный характер контакта русских с абхазо-адыгскими и картавельскими народами. Адыгизмы (названия оружия, элементов снаряжения) были заимствованы во времена кавказских войн 1817–1864 гг.

¹ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х) / под ред. Н. З. Котеловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 877 с.

² Martirosyan H.K. Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon. – М.: BRILL, 2009. – 988 p.

³ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 26.01.2021). – Текст: электронный.

у горцев Северного Кавказа Русской императорской армией. Симптоматично, что заимствованный предмет верхней одежды, кавказский мужской кафтан (адыг. *цый*), назван именно «черкеска». Грузия же вошла в состав России добровольно в результате подписания Георгиевского трактата между Российской империей и Картли и Кахети в 1783 г. Если адыги, будучи мусульманами, оказали ожесточённое сопротивление экспансии Российской империи на Кавказе, то христианская Грузия получала протекторат христианской же империи от враждебного мусульманского окружения.

Следует отметить, что адыгизмы приобретают сегодня отчётливую архаическую коннотацию – тенденцию к превращению в историзмы. Слово «шашка» уже определённо им стало. Слово «сакля» всегда оставалось этнографизмом. Слова же картавельского происхождения, наоборот, увеличивают свою численность и сферу употребления. При этом интересен факт того, что грузинские заимствования многочисленны даже в других кавказских языках. Например, в бежтинском языке (нахско-дагестанская семья), носители которого проживают на границе с Грузией, фонд грузинских заимствований составляет 5,1 %, занимая третье место после родственного аварского (18,8 %) и русского (7,4 %) [12, с. 418, 419].

Некоторые кавказские заимствования в русском языке постепенно теряют экзотические коннотации. Однако слово «сакля» вряд ли перестанет быть экзотизмом. Этому препятствует само его определение как «русского названия жилища кавказских горцев»⁴. «Шашка», «харчо» и, особенно, «тамада» сохраняют оттенки экзотичности. «Папах» и «кефир» ассимилированы и уже мало отождествляются носителем русского языка с Кавказом.

Интересно, что кавказские заимствования отражают только мир культуры, природные объекты в заимствованиях не представлены. Даже «кинза» – это не синоним кориандра, а название «растения, употребляемого как приправа»⁵. Кавказ как архетипический гештальт является особой реальностью более в области культуры, чем в области природы. К примеру, заимствования из автохтонных языков Америки отражают исключительно природную реальность [13].

⁴ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 1175 с.

⁵ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х) / под ред. Н. З. Котеловой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 877 с.

Можно предположить, что природа Кавказа не оставляет впечатления «чуждости» на носителя русского языка и культуры. С. А. Томасон и Т. Кауфман отмечают, что при минимальном «культурном давлении» происходят исключительно лексические заимствования только из «неосновного» словаря. Это положение справедливо по отношению к заимствованиям в «высокоранговые» (*superordinate*) языки из численно меньших «низкоранговых» (*subordinate*) [14, с. 77]. Результаты нашего исследования подтверждают этот тезис: в русский язык из кавказских языков проникает только «неосновная» лексика.

Слова кавказского происхождения не отличаются высокой частотой употребления. В «Частотном словаре» Л. Н. Засориной (1977)¹ зафиксировано только четыре лексемы. Три из них обладают относительно низкой частотностью: «кефир» – 4, «сакля» – 1, «тамада» – 2. Слово «папах» демонстрирует сравнительно высокую частотность – 13. Согласно показателю частотности, именно эта лексема показывает максимальный уровень усвоения (*Lehnwort*). В «Новом частотном словаре русской лексики» С. А. Шарова и О. Н. Ляшевской (2009) указана частотность употребления следующих лексем: «кефир» – 5,9; «сакля» – 0,7; «тамада» – 8,4; «харчо» – 0,6; «кинза» – 0,6². При этом, несмотря на низкую частотность, количество кавказских неологизмов медленно увеличивается. Лексемы «кефир» и «тамада» за три десятилетия продемонстрировали рост в употреблении.

Стилистическая окраска кавказских заимствований большей частью нейтральна. Только слово «тамада» обладает некоторым оттенком иронического значения на фоне своего малоупотребительного синонима «распорядитель (застолья)». Например, по сравнению с тюркизмами, среди которых обильно количество пейоративов («балда», «бурда», «ишак», «лачуга»), кавказские заимствования отражают архетипическое восприятие Кавказа как «равного» себе, аксиологически находящегося в той же плоскости, что и «свой мир». Многие тюркские пейоративы репрезентируют «тюркский мир» как «низший» по отношению к «своему». А романизмы, с обилием мелиоративов, представляют «романский мир», наоборот, как

¹ Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.

² Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – 1087 с.

«высший». Судя по частотности, ситуация аксиологического «равенства» возникла в результате недостаточной освоенности кавказской лексики русским языком: как уже указывалось ранее, этот процесс находится в развитии.

Языки к северу и западу от Кавказа (кроме славянских) не заимствовали кавказскую лексику. Но даже в украинский язык (например, здесь есть «папах» или «тамада») они попадают только посредством русского. Другие славянские народы, непосредственно не соприкасавшиеся с Кавказом ни в культурном, ни в политическом, ни в экономическом отношениях, не имеют кавказизмов. В западноевропейских языках лексемы кавказского происхождения также не получили распространения. Несмотря на то, что некоторые понятия (*shashka*, *papakha*, *kefir*) имеют отдельные англоязычные версии в «Википедии», термины эти остаются узкоспециальными и неизвестными подавляющему большинству носителей. Автор не располагает данными о влиянии лексики кавказских языков на языки своих южных соседей – турков и иранцев. Можно предположить, что влияние это было более значительным, чем на славянские языки.

Заключение. Несмотря на малочисленность заимствований, кавказский ксеногlossарий в синхроническом срезе представляет своеобразный архетипический образ «кавказского мира» в языковом пространстве русского языкового воображения. Отражённая в статье лексико-языковая динамика от темы войны к теме трапезы, от экзотики – к привычности во многом параллельна сложным культурным, политическим, хозяйственным взаимоотношениям русского народа и народов Кавказа.

Обусловленность лексических заимствований зависит от факторов необходимости и престижа. Необходимость возникает в результате изменения социокультурной среды, престиж есть влияние внешних культурных сфер [15, с. 2]. Кавказский ксеногlossарий демонстрирует, что кавказский культурный регион обладает сегодня определённым престижем только в области гастрономии. Можно сделать предположение, что заимствования терминов в этой области будут продолжаться и в дальнейшем. Вероятнее всего, лидирующим донором заимствований здесь будет выступать грузинский язык, имеющий богатую кулинарную номенклатуру, которая до сих пор остаётся экзотикой для большинства носителей русского языка (например, «аджапсандали», «чурчхела», «чи-

хиртма», «лобио», «чахохбили», «сациви», «бадриджани», «мацони» и др.).

Следует отметить, что знакомство с грузинской гастрономической терминологией отчасти отражает социальную стратификацию в России. Люди из социальных классов, которые могут позволить себе посещение популярных и, как правило, дорогих грузинских ресторанов, знают слова из грузинской гастрономической номенклатуры. Для других социальных страт, особенно за пределами больших городов, эти термины будут неизвестны. Но можно предположить, что грузинские кулинарные термины продолжают распространяться среди носителей русского языка, несмотря на то, что академические словари не успевают за этим процессом. Как показывает практика, лексемы, относящиеся к

кавказской гастрономии, быстро осваиваются русским языком. Поэтому, несмотря на политический антагонизм между Грузией и Россией, именно грузинский язык окажет в будущем наибольшее влияние на русский по сравнению с другими языками Кавказа, пусть и в узкой тематической области.

Заимствования из абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков немногочисленны и маргинальны, встречаются по большей части в художественной и специальной литературе. Современные академические словари не отражают подобных заимствований, редко они встречаются и в обыденной речи. Можно сказать, что этот процесс «поставлен на паузу». Но нет ничего невозможного в том, что в будущем процесс заимствования из языков этих семей будет актуализирован.

Список литературы

1. Blommaert J. The Sociolinguistics of Globalization. New York: Cambridge University Press, 2010. 213 p.
2. Саникидзе И. Т. Русскоязычная лексика в современном грузинском языке // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 т. СПб: МАПРЯЛ, 2015. Т. 9. С. 187–191.
3. Андрианов Б. В. Историко-культурные области // Народы мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 580–585.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. 663 с.
6. Wierzbicka A. Studies in Emotion and Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.
7. Katzner K. The Languages of the World. New York: Routledge, 2002. 384 p.
8. Kullanda S. V. North Caucasian Loanwords in Indo-Iranian and Iranian. Scripta Antiqua. In Ancient History, Philology, Arts and Material Culture. M: Sобрание, 2013. Vol. 3. P. 717–725.
9. Намитокова Р. Ю., Сапиева С. К. Кавказская лексика как транслятор культурных смыслов в русском языке и речи // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 3. С. 168–172.
10. Шхалахо С. Ш. Кавказизмы в лексической системе русского языка // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 2. С. 63–67.
11. Голыженков И., Степанов Б. Европейский солдат за 300 лет (1618–1918). Энциклопедия военного костюма. М.: Изографус: ЭКСМО, 2002. 240 с.
12. Comrie B., Khalilov M. Loanwords in Bezhta, a Nakh-Daghestanian of the North Caucasus // Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook / ed. M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 414–430.
13. Касимов Р. Х. Заимствования из коренных языков Южной Америки и их влияние на культуру (на примере английского языка) // Актуальные проблемы лингвистики: материалы междунар. научно-практ. конференции. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. С. 58–61.
14. Thomason S. G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkley: University of California Press, 1988. 412 p.
15. Carling G., Cronhamn S., Farren R., Aliyev E., Frid J. The causality of borrowing: Lexical loans in Eurasian languages // PLoS ONE. 2019. No.14. P. 1–33.

Статья поступила в редакцию 04.02.2021; принята к публикации 20.03.2021

Сведения об авторе

Касимов Руслан Харисович, доктор философских наук, доцент, Тюменский индустриальный университет; 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: rkhkasimov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8632-3860>.

Библиографическое описание статьи

Касимов Р. Х. Кавказский ксеногlossарий в современном русском языке и образ «кавказского мира» // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 137–143. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-137-143.

References

1. Blommaert, J. *The Sociolinguistics of Globalization*. New York: Cambridge University Press, 2010. (In Eng.)
2. Sanikidze, I. T. Russian Lexis in Modern Russian. *Russian Language and Literature in Space of World Culture, Proceedings of the International Conference in 15 vols. Vol. 9*. SPb: 2015: 187–191. (In Rus.)
3. Andrianov, B. V. *Historic-Cultural Areas. Peoples of the World. Historic and Ethnographic Reference Book*. M: Sovetskaya entsiklopediya, 1988: 580–585. (In Rus.)
4. Humboldt, W. *Selected Works on Linguistics*. M: Progress, 2000. (In Rus.)
5. Spengler, O. *The Decline of the West*. In 2 vols. Vol. 2. M: Mysl', 1998. (In Rus.)
6. Wierzbicka, A. *Studies in Emotion and Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. (In Eng.)
7. Katzner, K. *The Languages of the World*. New York: Routledge, 2002. (In Eng.)
8. Kullanda, S. V. North Caucasian Loanwords in Indo-Iranian and Iranian. *Scripta Antiqua. In Ancient History, Philology, Arts and Material Culture. Vol. 3*. Moscow: Sobranie, 2013: 717–725. (In Eng.)
9. Namitokova, R., Sapieva, S. The Caucasian lexicon as a translator of cultural senses in the Russian language and speech. *Herald of Adygei State University*, no. 3, pp. 168–172, 2010. (In Rus.)
10. Shchalacho, S. *Caucasisms in the Lexical System of the Russian Language*. Herald of Adygea State University, no. 2, pp. 63–67, 2007. (In Rus.)
11. Golyzhenkov, I., Stepanov, B. *European Soldier for 300 Years (1618–1918)*. Encyclopedia. M: Izografus, EXMO, 2002. (In Rus.)
12. Comrie, B., Khalilov, M. Loanwords in Bezhta, a Nakh-Daghestanian of the North Caucasus. In *Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook*. ed. Haspelmath. M., Tadmor U. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009: 414–430. (In Eng.)
13. Kasimov, R. Loanwords from South American Native Languages in English and Their Influence on The Culture. *Actual Problem of Linguistics, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Tyumen: 2014: 58–61. (In Rus.)
14. Thomason, S. G., Kaufman, T. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkley: University of California Press, 1988. (In Eng.)
15. Carling, G., Cronhamn, S., Farren, R., Aliyev, E., Frid, J. The causality of borrowing: Lexical loans in Eurasian languages. *PLoS ONE*, no. 14, pp. 1–33, 2019. (In Eng.)

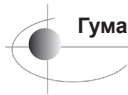
Received: February 4, 2020; accepted for publication March 3, 2020

Information about author

Kasimov Ruslan Kh., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Tyumen Industrial University; 38 Volodarskogo st., Tyumen, 625000, Russia; e-mail: rkhkasimov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8632-3860>.

Reference to the article

Kasimov Ruslan Kh. Xenoglossary in Modern Russian and Image of "Caucasian World" // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 137–143. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-137-143.

УДК 378:7

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-144-152

Маргарита Ивановна Гомбоева,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>

Концептуальные основы проектирования содержания регионального компонента образовательной области «Искусство» (на примере курса «Забайкаловедение»)

Статья посвящена анализу концептуальных (научных) и методических стратегий проектирования содержания регионального компонента образовательной области «Искусство» на примере курса «Забайкаловедение». В условиях многонационального государства Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» предполагает реализацию национально-регионального компонента на уроках интегрированного курса «Искусство». Это актуализирует потребность в учебнике по искусству Забайкалья, предполагают конструктивное переформатирование определения содержания предмета, который, на наш взгляд, должен предваряться анализом концептуализации научных подходов к отбору разделов учебного курса, предметных и тематических компонентов, образовательных технологий, развивающих творческий потенциал учащегося. В современном образовании основные предметные области искусства представляют собой достаточно стройную систему знаний, ценностных установок, художественных навыков, обеспечивающих полноту реализации творческого потенциала учащегося. Актуальность введения новых предметных сфер определена фундаментальным значением интеграции школьного образования в современное искусство и культуру. Широкое применение в современных условиях образной репрезентации знания (визуальной, иконической, пикторальной), технических средств создания новой образности и возникающие при этом проблемы симулятивности эстетических миров, особенности когнитивного развития современных учащихся (мозаичность, фрагментарность, клиповость мышления) детерминируют восприятие ими искусства. Новые источники мотивации учащихся и способы их обучения в условиях дистанта, актуальные тренды в технологиях, культуре и искусстве (Д. Бахман-Медик, К. Шваб) обусловили фундаментальные изменения в современной культуре образования, активизацию дополнительных ресурсов познавательного развития учащихся.

Ключевые слова: региональный компонент, образовательная область «Искусство», классическая теория искусства, проектирование содержания предметной области, принципы отбора содержания, обретение эпистемологического согласия, консенсус предметной определённости курса

Margarita I. Gomboeva,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>

Conceptual Foundations for Designing the Content of the Regional Component of the Educational Area “Art” (The Case of “Transbaikal Studies”)

The article is devoted to the analysis of conceptual (scientific) and methodological strategies for designing the content of the regional component of the educational area “Art” on the example of Transbaikal Studies. A new educational sphere “Art” has been introduced into the educational programs of Russian schools. In a multi-national state, the federal law “On Education in the Russian Federation” presupposes the implementation of the national-regional component in the lessons of the integrated course “Art”. This actualizes the need for a textbook on the art of Transbaikalia, which suggests a constructive reformatting of the definition of the content of the subject, which, in our opinion, should be preceded by an analysis of the conceptualization of scientific approaches to the selection of sections of the curriculum, subject and thematic components, educational technologies that develop the creative potential of the student.

In modern education, the main subject areas of art are a fairly harmonious system of knowledge, value attitudes, artistic skills that ensure the full realization of the student’s creative potential. The relevance of the introduction of new subject areas is determined by the fundamental importance of integrating school education into contemporary art and culture. The widespread use of the figurative representation of knowledge in modern conditions (visual, iconic, pictorial), technical means of creating new imagery and the problems of simulating aesthetic worlds arising in this case, the peculiarities of the cognitive development of modern students (mosaicism, fragmentation, clip-like thinking) determine their perception of art. New sources of student motivation and ways

© Гомбоева М. И., 2021

of teaching students in a distance learning environment, current trends in technology, culture and art (D. Bachman-Medic, K. Schwab) have led to fundamental changes in the modern culture of education, the activation of additional resources for the cognitive development of students.

Keywords: regional component, educational area "Art", classical theory of art, design of the content of the subject area, principles of content selection, gaining epistemological agreement, consensus of subject specificity of the course

Введение. Разворот знания от презентации рационального (научного) к образной (эмоциональной, визуальной, иконической, пикторальной) репрезентации знаний привёл к формированию феномена актуализированной визуальности [1; 2]. «История искусства становится наукой об образах», мышлением с помощью образов.

Технические средства образности серьёзно повлияли на современное искусство и обозначили проблему симулятивности эстетических миров, созданных на основе технологий виртуальной и добавленной реальности. На этом фоне ценность исторически верифицированных феноменов искусства и их репрезентаций в контексте конкретной культуры становится более чем очевидной, а умение учащегося различать подлинное искусство от масскультуры – важнейшей задачей.

Сложившаяся специфика современных когнитивных процессов учащегося, детерминированная информационными технологиями и девальвацией традиционного образования, актуализирует проблему интеграции содержания школьного образования в экосистему культурной идентичности во всей необходимой полноте. В контексте сказанного, вводимая в образовательный процесс новая предметная область «Искусство» нацелена на формирование лично значимого эстетического опыта; способности и готовности к творческой самореализации; созидательного освоения предметной реальности. Эти компетенции позволят учащемуся преодолеть издержки современного образования и культуры, помогут избежать манипулирующего влияния массовой культуры, социализироваться в современной культуре.

Итак, актуальность проектирования содержания и обновления технологий предметной области «Искусство» определена современным социокультурным, научным (искусствоведческим) и методологическим контекстом развития новых знаний о современном искусстве.

Основная проблема – создание содержательного, программного контента предмета «Искусство Забайкалья» как системы знаний, в которой будут реализованы не

столько исторические этапы развития искусства, сколько теоретические вопросы современного искусства и отдельные его виды, проектные компетенции по созданию эстетической репрезентации мира.

Курс моделируется в условиях наличия устойчивых стереотипов в образовательном процессе курса: во многих головах курс «Искусство Забайкалья» ассоциируется с мировой художественной культурой. Пока нет ясных комментариев о внедрении и проектировании содержания образовательной области. Существуют и сложились достаточно устойчивые традиции в понимании мировой художественной культуры. Есть явления подмены содержания, когда знания по МХК плавно, последовательно и настойчиво переносятся учителями в содержание новой образовательной сферы. Учителям не объяснили, в чём отличия активно используемого и усвоенного курса МХК и достоинства и особенности новой дидактической совокупности.

Есть ещё одна причина актуализации проблемы регионализации содержания предметной области «Искусство». В 2019 г. научной и творческой общественности Забайкальского края был представлен вариант учебника и учебной программы «Художественная культура Забайкалья», подготовленный Институтом развития образования Забайкальского края как региональный компонент образовательной области «Искусство». Однако содержание предлагаемого учебника и принципы его отбора получили отрицательный резонанс, вызвали дискуссии и заставили исследователей, школьных учителей, педагогов дополнительного образования определиться с необходимостью его искусствоведческого содержания.

Методология и методы исследования. В исследовании использованы методы включённого наблюдения, сравнительно-сопоставительных исследований эпистемологических основ регионального компонента, реализуемого в 2000-е гг. с современным его состоянием. В статье осуществлён анализ исследовательской литературы, посвящённой изучению философских и искусствоведческих основ регионального компонента в сфере «Искусство региона»; произведена

научная иллюстрация процесса, в рамках которого сформировалась проблематика и структура регионального компонента образовательной области «Искусство», включённого в качестве модуля в предмет «Забайкаловедение». Основными методами анализа являются исторический и иконологический, метод художественного проектирования.

Искусствоведческий дискурс слабо представлен в анализе художественных произведений, творчества выдающихся деятелей искусства региона, включённом в учебник. Методологическая задача курса состоит в усилении искусствоведческого подхода к содержанию курсов с учётом фундаментальных изменений в искусстве и современных его контекстов и проблем.

Результаты исследования и их осуждение. Научные основы фундаментального искусствоведческого знания не зависят от сиюминутных задач модернизации образования, не подвержены релятивистским оценкам неолиберальных и постмодернистских ценностных ориентаций. Образовательные стратегии проектирования содержания слабо коррелируются с полнотой исследовательского потенциала предмета нашего исследования.

Задача данной статьи – раскрыть процесс доступности искусствоведческого знания, основанного на фактах, а не на образовательной идеологии, образах и клише.

Объект исследования – сопряжение научного корпуса знания о состоянии и развитии регионального искусства с его представленностью в образовательных и учебных программах предмета «Искусство». Предмет исследования – описание репрезентации образовательных стратегий, логики проектирования содержания предметов по региональному искусству и методики его преподавания.

Эмпирическим материалом к данной статье послужили сравнения результатов предыдущих исследований автора по проектированию регионального компонента в Забайкалье с современными актуальными процессами его насыщения, педагогического моделирования, апробаций и коррекций. Апробация коллективного видения содержания предмета (психолого-педагогический состав факультета культуры и искусства ЗабГУ) прошла на научно-практической конференции, целью которой стало обретение искомого согласия всех участников образовательного процесса относительно принципиальных вопросов, посвящённая отбору, проектированию содержания и цифровым

педагогическим технологиям образовательной сферы «Искусство».

Научная рефлексия стратегий исследования и наполнения содержательных программ предметов образовательной области «Искусства» актуализирует проблему различия художественно-культурологического и искусствоведческого подходов к формированию дисциплинарной определённости школьного предмета¹.

Исследованию подлежит широкий круг научных проблем: определение принципов отбора содержания образовательных, учебных программ (преодоление дискретности, мелкотемья); отбор способов моделирования и проектирования такого содержания, которое бы создавало системно-целостное понимание исторических и современных реалий искусства региона на основе классической теории.

Исследовательские программы, результаты научных проектов определили потребность консенсуса, согласно теории когерентности Х. Хофмастера [3, с. 22], учительского сообщества, по следующим проблемам:

- необходимость соблюдения корректности используемых теоретико-методологических основ в моделировании предмета «Искусство» в противовес сложившемуся мнению о тождестве художественно-культурологического и искусствоведческого подходов к принципам отбора материала и проектирования его содержания;

- аксиологическое ядро учебных и методических разработок регионального компонента «Искусство» должно быть нацелено на преодоление расшатывания фундаментальных основ искусства как науки;

- возобновление фундаментальности классической теории искусства в дидактических материалах практикующих учителей, осуществление её стабилизации на основе новых педагогических оснований, цифровых педагогических технологий.

Видение современного искусства и истории искусства на основе классической теории искусства как синтеза и смены стилей и направлений (ренессанса, барокко, классицизма, романтизма, модернизма) выступает ведущим дисциплинарным принципом отбора содержания регионального ком-

¹ Искусствознание рассматривает искусство как специфический вид усвоения мира, как органичное единство творческого созидания, в узком смысле – изобразительное искусство, музыкальное, театральное, новые визуальные виды искусства, с высокой степенью умения, мастерства в данных видах человеческой деятельности. Основные виды искусства – живопись, графика, скульптура, архитектура, кино, театр.

понента. Основные стили и направления в искусстве и значимые изменения внутри них составляют контекст, в котором создаются произведения искусства и функционируют в оппозиции: эстетическое – неэстетическое, красивое – уродливое.

Между тем анализ, имеющихся образовательных программ показал, что образовательные стратегии и методологические подходы авторов региональных учебных материалов по культуре и искусству региона к отбору и направлению содержания учебных программ, материалов и пособий по региональному искусству и культуре оказались под сильным влиянием бэкграунда разработчиков. Эта недостаточность специального (искусствоведческого) образования, доминирование культурологического и историко-эволюционистского подхода, реализованного в курсе «Мировая художественная культура», а также влияние авторских субъективных, порой религиозных представлений, романтика абсурда и нонсенса привели к тому, что содержание курса формирует у учащихся расплывчатые представления о художественном стиле и его проявлении в жанрах, видах искусства региона.

Неопределённые знания ученик получает о понятиях «стиль», «художественный образ», «эстетический канон» и границах между стилями, что в целом формирует методологическую базу неряшливого представления о предмете, выдаваемого за компромисс многомерного плюрализма искусства и художественной культуры.

Анализ организационной модели (структуры, морфологии регионального компонента) позволил сосредоточиться на изучении целей, задач и характера тематического структурирования содержания рецензируемой программы «Художественная культура» в рамках курса «Забайкаловедение»¹. По результатам исследования можем сказать, что в целеполагании преобладают: дисциплинарная (предметная) неопределённость; неясность требований к предметным знаниям, умениям, навыкам по искусству; ослабленный потенциал понимания закономерностей развития искусства и художественного процесса региона; слабая представленность блока знаний, формирующего понятийный, теоретический уровень знаний учеников; отсутствие учёта

разнообразия личностного развития учащихся; дефицит достаточных условий для формирования заявленных в преамбуле программы метапредметных и предметных результатов. Предмет изучения утрачивает свою функциональную определённость, основную мировоззренческую функцию. Библиография, содержание первых двух и состояние ряда других тем курса не помогают современному учащемуся определить и осознать место регионального искусства в мировой культуре.

Некоторые темы и сюжеты тематического планирования уроков являются повторами других модулей и дидактических единиц курса «Забайкаловедение», что привело к обеднению содержания образования и образовательных технологий, призванных поддерживать приобретение учащимися необходимых проектных компетенций.

Вызывают вопросы контекстуальные основы целеполагающей части программы, принципы отбора содержания. Они отличаются от программных требований модернизации образования, таких как формирование социокультурного единства, позитивная региональная идентичность, соблюдение принципа светскости образования. Особенностью рецензируемой программы по культуре, искусству Забайкалья является такое тематическое структурирование внутренне целостной культуры региона, которое демонстрирует мозаичность и специфичность, «своеобразие» разделов и тем. Например, в художественной культуре Забайкалья отсутствуют темы о культурном единстве региона, нет тематического оформления того, что способствует взаимообогащению, межкультурному диалогу, культурной интеграции – процессам, объективно наблюдающимся в региональной культуре и истории. Содержание курса недостаточно для формирования заявленных в преамбуле программы метапредметных результатов.

В содержании программы наблюдается лёгкое искажение (идеализация, утопизм, мифологичность) истории искусства и актуального его состояния. Вследствие этого исчезает установка на научный анализ имеющихся исследований, фактов, а в качестве основной педагогической парадигмы формируется доверие к утопическим конструкциям, социальному мифу, что в целом ведёт к эрозии подлинности, доверия и достоверности в содержании предмета. Иными словами, «угнетая» то, на что нацелено современное образование – развитие критического мышления, проектно-деятельностной

¹ Программа интегрированного учебного курса для V–X классов общеобразовательных организаций Забайкальского края «Забайкаловедение». – URL: http://irozk.ru/old/images/news/2018/zabaykalovedenie_2.pdf (дата обращения: 25.02.2021). – Текст: электронный.

основы учебной деятельности – программа по художественной культуре Забайкалья закладывает противоречия в интеллектуальной культуре учащегося.

В процессе реализации регионального компонента «Искусство» в рамках изучения художественной культуры произошло деформирование структуры предмета; обозначилась неопределённость принципов отбора содержания; наблюдаются дробность и мозаичность тематического структурирования,

В целом следует отметить, что идёт процесс подмены дисциплинарной определённости предмета неясным содержанием, не совсем прозрачными принципами отбора содержания в соответствии с уровнем подготовленности учащихся и их ролью в формировании культурной идентичности представителя региона.

Первый опыт формирования регионального компонента по образовательной области «Искусство» показал, что осуществлённая проектировочная деятельность способствовала развитию и оптимизации исследовательского потенциала учителей школ, систематизировала методическую деятельность коллектива. В то же время данная работа показала отсутствие интереса к данному виду деятельности со стороны научной, творческой и вузовской педагогической науки региона.

Теория консенсуса и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса обеспечивают поиск оснований для корреляции научных и образовательных результатов проектирования содержания изучаемого нами предмета [4].

Взаимокорреляция научных и образовательных дискурсов в условиях публичного обсуждения – основание для эпистемологического консенсуса общественного согласия, воплощающее в себе идеально-типическую модель взаимодействия, в ходе которого устанавливается успех научных дискурсов и аргументаций и педагогической практики. Теория эпистемологического консенсуса является репрезентативной для педагогического проектирования. Для сферы образования понятия получили новый смысл, а методология вопроса была подтверждена семантической теорией консенсуса. Сфера публичного обсуждения обеспечила взаимопонимание и интеграцию интеллектуальных позиций субъектов науки и образования, сформированных на принципах прагматического видения объекта и предмета исследования.

Теоретические, научные основания проектирования можно постулировать, предварительно отрефлексировав как возможные. Искусство отражает не мир, а картину мира в искусстве [5], история же искусства представляет собой «меняющийся от эпохи к эпохе, от народа к народу, образ мира», который априорно имеет договорной характер в понимании эстетического идеала современности. Все эти позиции актуализируют необходимость (при сохранении традиционно сложившихся в регионе художественно-культурологических подходов к анализу искусству) разработать искусствоведческое содержание предмета. Смысловые, контекстуальные, парадигмальные и социокультурные условия, а также тенденции развития современного искусства, потребности и облик современного ученика в условиях современного детства детерминировали научную и педагогическую общественность найти точки соприкосновения, компромиссы и консенсус относительно фундаментальных основ преподавания предмета.

Научные исследования о региональных особенностях искусства регионов России актуализированы в разных эпистемологических системах, и не только в связи с введением предмета в учебный план школы, но и с краеведческими исследованиями по искусству родного края. Эти исследования осуществляются не только отдельными авторами, но и фундаментальными научными школами.

Актуальность научных исследований регионального компонента школьного предмета «Искусство» обусловлена, прежде всего, текущими тенденциями современного искусства:

- развитием традиционных классицистических видов искусства, их становлением, неравномерным проявлением в искусстве Забайкалья;
- широким распространением художественных практик, альтернативных классическому искусству (концептуальное искусство, развивающееся от смысловых поисков до опытов по дематериализации объекта: перформансы и хеппенинги);
- социальной направленностью искусства (феминистские, постколониальные, этнофутуристические и другие практики);
- возвратом к фактурности, изобразительности, колористичности и фигуративности;
- расцветом технико-технологического визуального искусства (от видео, аудио,

компьютерных программ, интернет-ресурсов – к аниме, манго, комикс и др.).

Науки об искусстве – это не только история искусства. Изменение стилей не тождественно истории искусства [6]. Типологические схемы современного искусствознания как художественного процесса так же необходимы в школьном учебнике, как учение о художественном произведении, как исследования отдельных художественных созданий. Не понимая произведений искусства, мы не поймём того, что собственно изменяется в художественном процессе, не поймём и самого художественного процесса. Поэтому в учебнике необходимо дать представление об инструментах анализа художественного произведения, рассмотреть его некоторые образцы¹. Теории интерпретации, учения об анализах произведения могут быть тенденциозны, плюралистичны, но все они отражают наличие закономерностей художественной идеализации, где реальные свойства действительности воплощаются в иных формах и материалах. По мнению учёных, в практике существуют тектонические закономерности искусства, которые заключают в себе чудесную возможность трансцендировать общие законы бытия в область вечного – в идеальную сферу искусства [7; 8]. Второстепенными закономерностями в стиле образования являются процессы модернизации традиций и наследий истории искусства как источников новых вариаций и творческих интерпретаций, которые, вероятно, имеют место быть в повышенных уровнях образовательных программ.

XX и XXI вв. заразили человечество идеей неутомимости природы творчества как фактора и неукротимого феномена искусства в современном антропогенезе [9, с. 17]. Данный контекст мотивации современного искусства вывел искусствознание на исследования онтологических, метафизических, трансцендентных, социокультурных начал творчества. Понимание творчества как способа выживания через средства самовыражения изначально, а далее – к творческому бытию, вне которого нет существования.

Глубинные изменения школьного образования, радикальные преобразования смысловых, идеологических его парадигм концептуализируют всё более тесный синтез национально-этнических, социокультурных, технико-технологических своеобразий регионов в единое образовательное пространство. За последнее двадцатилетие произошли изменения в педагогике художе-

¹ Иконологический метод Э. Панофского.

ственно-эстетического образования: обновлено искусствоведческое, художественное содержание; появились новые формы институализации творческой деятельности и образовательных практик по их созданию, в частности частные учебные заведения, популяризирующие индивидуальное творчество выдающихся современников.

Привычные в учебной деятельности школ лекционные и урочные занятия обесцениваются, и на смену им приходят альтернативные формы, такие виды творческой деятельности, как художественные мастерские, авторские мастер-классы, проекты. Внедряются современные методы визуализации информации в урочную деятельность (ментальные карты, гугл-классы, скрайбинг, веб-квесты, хештег, фишбоун и др.) [10; 11].

В организации и обогащении образовательной среды эстетическими инфраструктурами включена созданная в регионе культурная среда, насыщенность её художественными площадками.

Существенным контекстом изменений является состояние и развитие дополнительного образования художественно-эстетического направления. Во-первых, в Забайкальском крае удвоилось общее количество образовательных учреждений системы дополнительного образования (929 единиц). Из них около 150 образовательных учреждений относятся к сфере искусства, включая музыкальные, художественные школы, школы искусств и центры художественно-эстетического направления. Всего в 2019 г. в систему институализированного дополнительного художественного образования Забайкальского края было вовлечено 38644 детей (71 % от общей численности детей от 3 до 16 лет). Таким образом, произошло удвоение численности детей, по сравнению с 2018 г.² Кроме этого в г. Чите появились и успешно работают неучтённые официальной статистикой Минобрнауки края частные образовательные учреждения.

В каждой образовательной программе предпрофессионального уровня в качестве обязательного включён предмет «История искусства». Гипотетически, это означает, что 71 % учащихся 7–8-х классов общеобразовательных школ имеют достаточно глубокие представления по определённому модулю (музыка, изобразительное искусство, деко-

² Статистические данные Министерства образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края. – URL: <https://minobr.75.ru/deyatel-nost/gosudarstvennaya-reglamentaciya-obrazovatel-noy-deyatelnosti/nadzor-i-kontrol-v-sfere-obrazovaniya/128321-statistika> (дата обращения: 24.02.2021). – Текст: электронный.

ративно-прикладное искусство, хореография, сценические виды искусства) учебного предмета «Искусство региона». В идеале эти дети ожидают от учителя данного предмета в общеобразовательной школе углубления имеющихся знаний и навыков. На практике наблюдается конфликт между содержанием, учебно-методическим сопровождением учебного предмета и ожиданиями подготовленных учащихся. В этих условиях важно дать описание тех изменений, которые произошли в преподавании регионального компонента за два десятилетия:

- обновлено содержание учебных программ национально-регионального компонента по искусству;

- создано организационно-методическое обеспечение предметов образовательной области;

- переосмыслены теоретико-методологические основы предмета, сам предмет наделён новыми функциями.

Содержание регионального компонента в широком смысле понимается не только как содержание предмета, в котором отражено национальное и региональное своеобразие региона России, но и как личностно значимый ресурсный фактор оптимизации социокультурных условий развития личности учащихся в деле формирования региональной идентичности.

В понятийном отношении достигнут консенсус в понимании роли предмета в формировании положительной коннотации региональной идентичности как устойчивой в пространстве и времени целостности, раскрывающейся в парадигмах исторического, культурологического, искусствоведческого знания школьников¹.

Эстетическое воспитание школьника на основе знаний о региональных особенностях искусства, локальной истории искусства или значимых событий, биографии выдающихся художников, артистов и музыкантов, наличие умений искусности в повседневном опыте и образе жизни, в культуре семьи обеспечивают позитивную социализацию личности, развивают ощущение достоинства личности и чувство гордости за малую родину [11].

Задачи обеспечения успешной культурной идентичности комплиментарны целевым установкам традиционного краеведения.

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года: постановление правительства Забайкальского края: [от 26 декабря 2013 г. № 586]. – URL: <http://base.garant.ru/19934704/> (дата обращения: 26.01.2021). – Текст: электронный.

дения: приобщение к культуре региона, в процессе которого социально значимое отношение становится индивидуально и личностно ценным; формирование местной, локальной истории культуры и биографии выдающихся деятелей искусства [11, с. 8].

Учебные действия предмета в проектной деятельности должны быть направлены на развитие творческих перспектив личности ученика, на осмысление проблем современности и умение решать дискуссионные проблемы современного искусства [13, с. 34] и, наконец, проектная деятельность нацелена на созидание человека как субъекта художественного творчества через потенциал обучения посредством художественных мастерских [14; 15].

Заключение. Содержание образования является важнейшим фактором формирования ценностно значимых, жизненных установок личности. Поэтому правительство Забайкальского края среди всех значимых показателей обеспечения экономической эффективности и преодоления элементов дотационного патерналистского настроения забайкальцев обозначило довольно-таки своеобразную задачу нового десятилетия XXI в. – «формирование ментальности успешного забайкальца у детей и молодёжи»². Она рассматривается нами как обусловливающий фактор принципов отбора содержания регионального компонента образовательной сферы «Искусство», которые стали предметом дискуссионного обсуждения педагогической и творческой общности, специалистов художественного образования региона.

В научных разработках специалистов Института художественного образования³, работах забайкальских исследователей искусств разных видов – В. В. Баева [16] (театральное искусство); О. Ш. Дарижапова [17], И. А. Чжен [18] (музыкальное искусство); М. И. Гомбоева [19], Ю. В. Иванова [20], Е. Г. Иманаква⁴ (изобразительное и декоративно-прикладное искусство) – разработаны методы и принципы отбора содержания дидактических единиц, определя-

² Там же.

³ Проект научно-обоснованной концепции модернизации содержания и технологий преподавания предметной области «Искусство». ФГБОУ РАО / Институт художественного образования и культурологии РАО. – URL: http://www.predmetconcept.ru/public/f48/download/Projekt_nauchno-obosnovannoj_koncepcii_iskusstvo_dlja_obsuzhdenija.pdf (дата обращения: 20.02.2021). – Текст: электронный.

⁴ Иманаква Е. Г. История изобразительного искусства Забайкалья: метод. пособие. – Чита: Поиск, 2000. – 120 с.

емые собственной природой исследуемых объекта и предмета, уровнем развития соответствующей науки, такие как:

- научный историзм и предпочитаемые хронологические методы и эпохи в развитии искусства региона;
- библиографический метод как онтология отдельного творца: художника, режиссёра;
- феноменологизм (акцентируется внимание исследователя на ценности, самобытности художественного произведения как феномена искусства в противовес типическому фарватеру развития искусства);
- персоналии, сформировавшие страницы истории и события искусства региона;
- науки об искусстве региона в контексте художественного процесса, где преобладающее внимание акцентировано на изучение историко-культурной динамики с выявлением закономерностей эволюции.

Кроме того, в рамках региональных исследований было проанализировано содер-

жание предметов регионального компонента в актуальном социокультурном контексте и в историко-хронологической последовательности становления и развития.

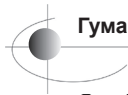
Между тем, сегодня востребованы исследования «чистого» искусства, рефлексивные понятийный аппарат, характер законов, закономерностей искусства как такового, выводящие учеников на анализ генетически обусловленных связей и зависимостей, а также будирующие собственно научные дискурсы по наиболее дискуссионным проблемам истории и современного состояния искусства, преодолевающих целостность, фрагментарность известных подходов.

В целом, синтез методологических подходов создаёт комплексность и интегративность отбора содержания в целях формирования у учащихся целостной картины развития искусства и художественной культуры региона, художественной реальности в целом.

Список литературы

1. Mitchell W.J.T. Der Pictorial Turn // Privileg Blick: Kritik der visuellen Kultur / Christian Kravagna. Berlin: ID-Archiv, 1997. S. 15–40.
2. Mitchell W.J.T. Picture Theory. Essayson Verbal and Visial Representation. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 3–34.
3. Хофмастер Х. Что значит мыслить философски. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 448 с.
4. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы. М.: Весь Мир, 2016. 342 с.
5. Ирхен И. И. Российское образование в сфере культуры и искусств: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2012. 42 с.
6. Арсланов В. Г. Синтез идей на основе методологии венской школы. Структурная наука Г. Кашница // Теория и история искусствознания. XX век. М.: Академический проект, 1998. С. 173–177.
7. Баева В. В. Забайкальский театр: история и современность. Чита: ЗабГГПУ, 2006. 330 с.
8. Вельфлин Г. Классическое искусство. М.: Айрис-пресс, 2004. 196 с.
9. Дарижапова О. Ш. Традиции и инновации песенной культуры хори-бурят: историко-искусствоведческий аспект: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.09. Владивосток, 2010. 28 с.
10. Зельдмайер Г. Искусство и истина. Теория и метод истории искусства. СПб.: Аxiома, 2000. 276 с.
11. Киященко Н. И. Принципы и критерии творчества, формы взаимодействия // Творчество как принцип антропогенеза. М.: Ин-т философии РАН, 2006. С. 20–83.
12. Мириманов В. Постклассический период. Эстетическая революция XX века. Другая парадигма вечности // Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М.: Наука, 1997. С. 180–269.
13. Неретина Л. В. Региональный компонент этнохудожественного образования в процессе профессиональной подготовки учителей изобразительного искусства // Фундаментальные исследования. 2011. № 4. С. 32–36.
14. Перминова Л. М., Баранов П. А., Ермолаева Л. К., Махинько Л. К. Опыт введения регионального компонента в содержание образования // Педагогика. 1998. № 4. С. 35–39.
15. Спиридонова А. В. Региональная культура: диалектика локального и универсального: на материале Восточного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2007. 20 с.
16. Баева В. В. Забайкальский театр: история и современность. Чита: ЗабГГПУ, 2006. 330 с.
17. Дарижапова О. Ш. Традиции и инновации песенной культуры хори-бурят: историко-искусствоведческий аспект: автореф. дис. ... канд. искусств: 17.00.09. Владивосток, 2010. 28 с.
18. Чжен И. А. Профессиональная музыкальная культура стран Дальнего Востока в контексте межкультурных взаимодействий: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2006. 21 с.
19. Гомбоева М. И. Методика обучения прикладным искусствам как фактор социокультурной преемственности // Прикладные ремёсла в социокультурной деятельности. Чита: ЗабГУ, 2017 С. 95–120.
20. Иванова Ю. В. Непреходящая ценность художественных мастерских для образовательного процесса // Художественные мастерские в образовательном процессе. Чита: [б. и.], 2019. С. 110–146.

Статья поступила в редакцию 23.02.2021; принята к публикации 25.03.2021

Сведения об авторе

Гомбоева Маргарита Ивановна, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>.

Библиографическое описание статьи

Гомбоева М. И. Концептуальные основы проектирования содержания регионального компонента образовательной области «Искусство» (на примере курса «Забайкаловедение») // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 144–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-144-152.

References

1. Mitchell, W.J.T. *Der Pictorial Turn. Christian Kravagna. Privileg Blick. Kritik der visuellen Kultur.* Berlin: ID-Archiv, 1997: 15–40. (In Germ.)
2. Mitchell, W.J.T. *Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation.* Chicago: University of Chicago Press, 1994: 3–34. (In Engl.)
3. Hofmaster, H. *What does it mean to think philosophically?* SPb: Izd-vo S. Peterb. un-ta, 2006. 448 s. (In Rus.)
4. Habermas, Yu. *Structural transformation of the public sphere.* M: Ves' Mir, 2016. (In Rus.)
5. Irhen, I. I. *Russian education in the field of culture and arts: dr. cult. sci. diss. abstr. M., 2012.* (In Rus.)
6. Arslanov, V. G. *Synthesis of ideas based on the methodology of the Viennese school. Structural Science G. Kashnitsa. Teoriya i istoriya iskusstvoznaniya. HKH vek. M., 1998: 173–177.* (In Rus.)
7. Baeva, V. V. *Transbaikal theater: history and modernity.* Chita: ZabGGPU, 2006. (In Rus.)
8. Vel'flin, G. *Classic art. M: Airis-press, 2004.* (In Rus.)
9. Darizhapova, O. Sh. *Traditions and Innovations of the Song Culture of the Khori-Buryats: Historical and Art Criticism Aspect: sci. diss. abstr. Vladivostok, 2010.* (In Rus.)
10. Zel'dmayer, G. *Art and Truth. Theory and method of art history.* SPb: Axioma, 2000. (In Rus.)
11. Kiyashchenko, N. I. *Principles and criteria of creativity, forms of interaction. Tvorchestvo kak princip antropogeneza. M: Institut filosofii RAN, 2006: 20–83.* (In Rus.)
13. Mirimanov, V. *Postclassic period. Aesthetic revolution of the twentieth century. Another paradigm of eternity. Iskusstvo i mif. Central'nyj obraz kartiny mira. M: Nauka, 1997: 180–269.* (In Rus.)
14. Neretina, L. V. *Regional component of ethno-art education in the process of professional training of teachers of fine arts. Fundamental'nye issledovaniya, no. 4, pp. 32–36, 2011.* (In Rus.)
15. Perminova, L. M., Baranov P. A. et al *Experience of introducing a regional component into the content of education. Pedagogika, no. 4, pp. 35–39, 1998.* (In Rus.)
16. Spiridonova, A. V. *Regional culture: the dialectic of the local and the universal: on the material of Eastern Transbaikalia: cand. cult. sci. diss. abstr. Chita, 2007.* (In Rus.)
17. Baeva, V. V. *Transbaikal theater: history and modernity.* Chita: ZabGGPU, 2006. (In Rus.)
18. Darizhapova, O. Sh. *Traditions and Innovations of the Song Culture of the Khori-Buryats: Historical and Art Criticism Aspect: sci. diss. abstr. Vladivostok, 2010.* (In Rus.)
19. Chzhen, I. A. *Professional musical culture of the Far East countries in the context of intercultural interactions: sci. diss. abstr. Chita, 2006.* (In Rus.)
20. Gomboeva, M. I. *Applied Arts Teaching Methodology as a Factor of Socio-Cultural Continuity. Prikladnye remesla v sociokul'turnoi deyatel'nosti. Chita: ZabGU, 2017: 95–120.* (In Rus.)
21. Ivanova, Yu. V. *The enduring value of art workshops for the educational process. Hudozhestvennye masterskie v obrazovatel'nom processe. Chita. 2019: 110–146.* (In Rus.)

Received: February 23, 2021; accepted for publication March 25, 2021

Information about author

Gomboeva Margarita I., Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., 672039, Chita, Russia; e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1564-1666>.

Reference to the article

Gomboeva M. I. *Conceptual Foundations for Designing the Content of the Regional Component of the Educational Area “Art” (The Case of “Transbaikal Studies”)* // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 2. PP. 144–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-2-144-152.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – **на русском языке** строчными буквами (не заглавными), **на английском языке** – с заглавной буквы пишутся все слова названия, кроме артиклей: a, an, the; союзов: and, but, nor, or, предлогов короче пяти букв, частицы to перед инфинитивом.

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, заключение. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается по мере цитирования и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТ Р7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить References согласно следующим требованиям:

- автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);

- название работы/источника (перевод на английский язык);
- выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация);
- указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7(3022) 35-24-79

SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared should not exceed 40,000 characters with spaces.

Genre	Minimum length
Research article (theoretical or empirical articles that contain the main results obtained by the author)	0.5 printer's sheet (20,000 characters)
Scientific reports and papers	0.3 printer's sheet (12,000 characters)
Reviews	0.2 printer's sheet (8,000 characters)

SUBMISSION PACKAGE

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's surname and the title of the article.
2. Electronic version of publishing agreement.
3. Information about the author.

THE STRUCTURE OF THE PAPER SUBMITTED TO THE EDITORIAL BOARD

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Author's name, patronymic (middle name), surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (permanent place of work or place of a research project) in Russian and English.

Mail address (in Russian and English).

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in Russian (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, as, that*, etc. – when fewer than 5 letters are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of research and should include background, aims, methods, results, and conclusion but should not contain any references.

Keywords or word combinations (5–7) are separated by a comma (in Russian and English).

The body text of the paper should include the parts: Introduction, Methods, Results, Discussion, Conclusion. **The names of the parts should be in bold type.**

The paper should include in-text references to the works cited. References are given in square brackets, indicating the source number and the page number, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon [1; 3; 4].

The reference list is indicated as cited and should include at least 15 sources including no less than 5 foreign sources.

Textbooks, social and political essays, archives, reference, dictionary and legislative materials are mentioned after "References" in the section "**Sources**", they are continuously numbered or are given in the text of the paper as footnotes (in the bottom of the page). A footnote marker is the Arab figure, per page numbering.

The list of references is made out according to state standard specification (GOST) P. 7.0.5-2008. For each source the publishing house, total of pages are surely specified.

References in Russian should be translated into English and meet the following requirements:

- author (s) (transliteration in BSI, BGN formats);
- title of the work/source (English translation);
- imprint: city, publishing house, year of publishing, volume/issue, pages (transliteration);
- source language (in Rus.).

Selfcitations should not exceed 20 %.

Citations should not exceed 30 %.

ARTICLE FORMAT REQUIREMENTS

Languages of publications: Russian, English, China.

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

If using additional languages in a manuscript, a PDF copy should be submitted.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s (authors’) names.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. **All captions in Russian and English** should be attached as a separate list to the article.

Figures must not exceed 1/4 length of the text.

Papers that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to zab-nauka@mail.ru

Address of the Editorial Board

129 Babushkina st., Chita, 672007, Transbaikal Territory, Russia
Transbaikal State University, The Editorial Board (Room 126)

Executive Secretary

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7(3022) 35-24-79